

РАЗДЕЛ 1. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ И АКМЕ

Смысл жизни: «коэффициент» полезного действия (проблема действенности феномена смысла жизни)

В.Э.Чудновский, г. Москва

В литературе обычно подчеркивается значимость обретения человеком смысла жизни, но недостаточно уделяется внимания проблеме его действенности, которая может быть весьма различной по степени и качеству своего влияния на жизнь человека, на его судьбу. Не нужно доказывать, что такое влияние может быть либо конструктивным, деструктивным. Отсюда следует, что понятие коэффициент полезного действия (условно говоря) может быть применено и к феномену смысла жизни.

Позволю себе не согласиться с В. Франклом, который писал, что смысл жизни каждого человека существует объективно, и задача в том, чтобы его открыть, отыскать (1990). Более правомерно, на мой взгляд (и на этот счет есть эмпирические данные) утверждать, что у человека есть «чувство смысла», «инстинкт смысла»- врожденное стремление к смыслу, и только неблагоприятные обстоятельства жизни и воспитания заглушают и сводят на нет это стремление. Но с другой стороны, мы знаем немало фактов, свидетельствующих о том, что неблагоприятные обстоятельства могут быть «катализатором» поиска смысла жизни. Именно в тот момент, когда стучаются тучи, когда следующие один за другим удары судьбы уводят почву из-под ног, когда кажется, что продолжать жизнь бессмысленно – именно в этот момент обостряется «задача на смысл».

Приведу в этой связи, очень выразительное, на мой взгляд, утверждение Фридриха Ницше: «Человек – это единственное существо на земле, которое падает вверх». Итак, можно говорить о двух подходах, двух взглядах на проблему поиска приобретения смысла жизни: 1) Смысл жизни существует объективно, и человек в результате поиска «открывает» его для себя. 2) Смысл жизни не возникает на «пустом месте», он возникает на «пустом месте», он «созревает», «вызревает» как плод, наливаясь соком и доходя до нужной кондиции в результате долгой и нередко медлительной работы человеческой души.

Приведу в этой связи слова А.Сент-Экзюпери, сказанные им по-другому поводу, но имеющие непосредственное отношение к

проблеме смысла жизни: «Порою кажется, что внезапное озарение может совершенно перевернуть человеческую судьбу. Но озарение означает лишь то, что духу внезапно открылся медленно подготавливающийся путь. Я долго изучал грамматику. Меня научили синтаксису. Во мне пробудили чувства. И вдруг в мое сердце постучала поэма(1965, с.263). Чтобы в сердце постучала «поэма» смысла жизни, нужна длительная работа души. Необходимо изучить факторы, способствующие или препятствующие процессу поиска и обретения смысла жизни. Речь идет именно о процессе, а не о кратких мгновениях озарения.

Задача исследования специфики возникновения и этапов становления смысла жизни была поставлена на первом симпозиуме (Чудновский, 1995). К настоящему времени накоплено достаточно фактов, чтобы рассмотреть этот процесс более обстоятельно.

Определенным недостатком ведущихся в последние годы исследований данной проблемы является рассмотрение феномена смысла жизни фактически как изолированного, не связанного (или мало связанного) с другими личностными образованиями. Нужно ли доказывать, что данный феномен не только психическое, но и личностное образование. Мало того, феномен смысла жизни – наиболее адекватное, наиболее концентрированное проявление личности, личностной позиции человека. Поэтому существенно ввести исследование смысловых ориентаций в личностный контекст, рассмотреть функционирование этого феномена в системе других личностных образований. Выскажу некоторые соображения на этот счет.

Смысл жизни и проблема самооценки и уровня притязаний личности. Процесс поиска и обретения смысла жизни невозможен без установления определенного отношения человека к самому себе. Именно на этой основе возможно удовлетворение потребностей человека в самореализации – потребности «дать себе чрез себя самого объективность в объективном мире и осуществить, выполнить себя» (Гегель). На основе этой потребности возникает стремление к поиску и обретению смысла жизни, который задает пути и способы

самореализации. Такой поиск требует от человека знания того «с чем он отправляется в дорогу, каковы его потенциальные возможности, его способности, достоинства и недостатки, т.е. трезвой, объективной самооценки. Лишь при этом условии можно говорить об адекватности смысла жизни, т.е. его соответствии с одной стороны наличным объективным условиям, необходимым для его реализации, с другой стороны – соответствия индивидуальным возможностям человека. Сколько разбитых судеб имели своей причиной смысл жизни, «выстроенный» на завышенной самооценке, завышенном уровне притязаний! А с другой стороны, сколько несостоявшихся, подспудно дремлющих талантов повторили судьбу Акакия Акакиевича Башмачникова, который обрел смысл жизни в переписывании бумаг, который, ложась спать, с удовлетворением предвкушал: что-то он будет переписывать завтра своим ровным, круглым почерком. Сформировавшись под влиянием жизненного опыта, самооценка в известной мере эмансипируется от породивших ее условий и приобретает самостоятельную побудительную силу.

Смысл жизни и проблема адекватности самооценки. Уровень притязаний как фактор становления смысложизненных ориентаций, аффект неадекватности – один из механизмов формирования деструктивного смысла жизни, использование «мотивирующей энергетики» самооценки в системе психолого-педагогической поддержки процесса становления смысложизненных ориентаций – лишь некоторые аспекты исследования, значимые для проработки проблемы действенности смысла жизни как психологического феномена.

Смысл жизни и проблема направленности личности. Не нужно доказывать, что данные феномены связаны между собой. Но какова эта связь? В чем специфика каждого из этих феноменов? В литературе нет ответа на этот вопрос. Иногда исследователи перечисляют эти понятия через запятую. Как будто они существуют параллельно и независимо одно от другого. Поэтому целесообразно рассмотреть сущность указанного соотношения.

Феномен направленности личности имеет давнюю историю. С.Л.Рубинштейн определял направленность как установку, т.е. занятую личностью позицию, которая заключается в избирательном отношении к стоящим перед человеком целям и задачам и выражается в избирательной мобилизованности, готовности

к деятельности, направленной на их осуществление. Направленность, подчеркивает Рубинштейн, – обуславливает определенную линию поведения и сама обуславливается ею (1989, с.105). Из этого видно, насколько близки по своему психологическому содержанию указанные феномены. Занятая личностью позиция, избирательная мобилизованность, обуславливающая определенную линию поведения – характеристики, присущие обоим феноменам.

Если продолжить сопоставление, то следует отметить, что направленность является более общей характеристикой личности. Она выражает собой некий общий вектор поведения человека и развития личности. Направленность в некоторых своих проявлениях может быть неосознаваема, что в свое время было показано экспериментально. Направленность формируется на более ранних ступенях онтогенеза.

Смысложизненные ориентации – феномен более интимный, более интериоризованный, более глубоко проникающий во внутренний мир человека. Можно сказать, что смысложизненные ориентации – проявление высокого уровня сформированности направленности личности. В настоящее время ведется экспериментальное исследование, в котором рассматривается *смысложизненная направленность личности*. Вводя это понятие, мы имеем в виду такую структуру личности, в которой ведущее место занимают мотивы поиска человеком смысла своего существования, построения своей судьбы. Психологическая сущность такой направленности – тесная взаимосвязь мотивации поведения в актуальной, наличной ситуации с мотивами, ориентирующими на отдаленное будущее, охватывающее все жизненное пространство личности.

В работах Л.И.Божович и ее сотрудников направленность рассматривалась, как иерархическая система внутренних побудителей поведения. Это было время, когда подчеркивалась роль просоциальной направленности, психологической сущностью которой является выход за пределы собственных узколичных интересов, подчинение своего поведения и деятельности отдаленной цели, интересам социума. Здесь следует подчеркнуть парадоксальный момент, значимый не только для понимания сути направленности личности, но и – проблемы смысложизненных ориентаций. Он заключается в том, что ориентация на цель социума, которая сама по себе оказалась

нереальной, недостижимой, иллюзорной, тем не менее, во многих случаях была действенной, рождала позитивную, созидательную энергию. Как видим, неадекватность отдаленной цели не лишает ее созидательной энергетики.

Исследовательские линии изучения направленности личности и смысложизненных ориентаций в ряде случаев взаимно пересекаются, происходит их взаимодополнение, а подчас и взаимокорректировка. Так, рассматривая структуры смысложизненных ориентаций, мы пришли к выводу, что типы таких структур, обусловлены не только (а в ряде случаев и не столько) содержанием доминирующего мотива, как это считалось ранее, а соотношением компонентов внутри иерархии, характером связи доминирующего и подчиненных ему мотивов.

По этому показателю были выделены типы иерархий смысложизненных структур. Остановлюсь лишь на одном типе иерархии смысла жизни. Это структура, которую условно можно обозначить как монолитно-деструктивную. Ее суть в том, что ведущий компонент иерархии становится самодовлеющим. Он как бы поглощает другие компоненты иерархии. Смысл жизни приобретает упрощенную, однонаправленную структуру. Он может быть весьма действенным, и, вместе с тем, оказывать деструктивное влияние на процесс становления личности.

Благоприятной почвой для формирования такой структуры является тоталитарное устройство общества, в жизни которого существенную роль играет феномен *единомыслия*. В данном феномене можно выделить два аспекта. Во-первых, безраздельное господство в создании человека одной идеи, одного интереса, стремления, в котором концентрируется «психологическое ядро» личности, ее сущность. Одна, изолированная идея, воздействующая на человека и не встречающая сопротивления, не «соприкасающаяся» с альтернативными идеями, взглядами, может существенно деформировать восприятие и характер мыслительных процессов.

Суть второго аспекта единомыслия в том, что определенная идея, господствующая в сознании отдельного человека, в то же время является единой, безраздельно господствующей и в сознании многих людей. Становясь достоянием многих, она существенно увеличивает силу своего воздействия, как бы детонируя от многократного повторения. В условиях единомыслия формируется личность с

психологией «винтика» государственной машины, смысл жизни которого – выполнять строго ограниченные производственные и социальные функции, приспособившая свои взгляды и убеждения к официальным оценкам и установкам (об этом см. Чудновский, 2006).

Однако было бы неправомерно утверждать, что «монолитная» структура смысла жизни возникает и распространяется лишь в тоталитарном обществе. Она живет и нередко побеждает и в обществе, которое характеризуется как демократическое. Один современный политик очень точно сказал: «Пресловутая рука рынка пошарила не только в карманах, но и в головах людей». И действительно коммерциализация социальной жизни, кино, телевидения, коммерциализация досуга, превращающая его в индустрию развлечений, производят глубокие изменения в сознании человека, способствуют формированию деструктивного смысла жизни. Только один пример. Литератор Игорь Гамаюнов рассказывает: «Мне предложили написать киносценарий, но объяснили: обязательно должно быть пять убийств, два изнасилования и один педофил. Иначе не будут смотреть...» (Лит.газ. 4 – 10 апр. 2007 г.). Средства массовой информации сообщили: Арестована банда подростков. Ее предводительница – школьница, на счету которой не одно убийство, призналась следователю: «Я убиваю, чтобы самоутвердиться!» Заметим: даже не ради денег, не для того, чтобы отомстить кому-то, а ради самоутверждения. Вот, кстати, куда направляется «мотивирующая энергетика» самооценки.

Сказанное не свидетельствует против социума, основанного на рыночных отношениях. Оно свидетельствует против социума, в котором создаются благоприятные условия для формирования у человека структурной иерархии смысла жизни, где интересы бизнеса, обогащения, эгоистического самоутверждения становятся не только главными, но фактически единственными, подчиняющими себе и вытесняющими истинно человеческие чувства и стремления.

Итак, монолитный тип смысла жизни может быть весьма действенным, и, вместе с тем, деструктивным. Ему следует противопоставить действительно-конструктивный тип смысла жизни, в структуре которого доминирующий смысл, являясь ведущим, остается компонентом иерархии, когда имеет место динамическое взаимодействие ведущего и

подчиненных смыслов, что при определенных условиях может приводить к смене ведущего компонента иерархии. Фундаментальным условием формирования действенного смысла жизни является «выстраивание» его на основе общечеловеческой нравственности.

Действенность смысложизненных ориентаций и проблема совести. Есть достаточно оснований утверждать, что феномен совести – одна из психологических составляющих (может быть самая важная составляющая), задающая вектор, содержательную направленность процесса поиска и обретения смысла жизни, во многом обуславливающая, образно говоря, его «коэффициент полезного действия». Между тем, проблема совести не уделялось и не уделяется должного внимания в психологии. Для психологии совести не нашлось места в пособиях по общей, возрастной и педагогической психологии. В Психологическом словаре (1990) есть небольшие статьи о совести и стыде. Но уже в словаре 2001 года нет ни того, ни другого. Это не упрек составителям словаря. Здесь отражается общая тенденция современного социума, суть которой в том, что под натиском рыночных отношений, растущего стремления стать конкурентно-способной личностью, стремления к обогащению проблема совести отступает даже не на второй, а весьма отдаленный план.

Посмотрим, как определяется феномен совести. В словаре 1990 года читаем: «Совесть – способность личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков. А в большом психологическом словаре Артура Ребера (2000) совесть характеризуется как обоснованный *набор* интериоризованных моральных принципов.

Легко заметить, что в данных определениях на первый план выступают рациональные, формально-логические характеристики: осуществлять самоконтроль, формулировать нравственные обязанности; в этих определениях утрачивается понимание совести как работы души, как стремления к самосовершенствованию.

Иван Ильин в работе «Путь к очевидности» (1998) пишет о совести: «Человек, переживает это таинственное душевное состояние, осуществляет внутреннюю духовную свободу в таком глубоком и целостном виде, что ему невольно открываются глаза на его подлинную природу: он сам становится ду-

ховно свободным в этот момент» (с. 152). И далее: «Совесть есть живая и цельная воля к совершенному... Совестный акт – состояние блаженной цельности, способность совершить должное по доброй воле...Смысл укора совести сводится к тому, что совесть им и через него звала человека к себе, в свою священную глубину» (с. 177). И наконец: «Совестный акт создает в человеке как бы алтарь его жизни» (с. 189). Как разительно отличаются эти характеристики совести от вышеприведенных формально-логических определений!

Чрезвычайно важно уйти от представления о совести как наборе принципов и приблизиться к пониманию ее подлинной психологической сущности как особого состояния души. Необходимо обстоятельное рассмотрение форм, метаморфоз, перипетий функционирования совести как психологического феномена. В данном сообщении кратко остановлюсь лишь на одном аспекте функционирования совести, существенно затрудняющем проявления совестного акта.

Фридрих Ницше в работе «По ту сторону добра и зла» писал: «Человек хорошо защищен от себя самого, от разведок и осады со стороны самого себя. Он обыкновенно может распознать только свои внешние укрепления. Сама крепость недоступна и даже невидима – разве только друзья и враги сыграют роль предателей и тайными путями введут его самого в нее» (т.е. внутрь крепости) (1999). Перекодируем это применительно к нашей проблеме. Человек может выстаивать «бастии» и «редуты» не только против внешних воздействий, воспринимая их субъективно, избирательно, и, преобразуя, в соответствии со своими потребностями и стремлениями. Он может выстраивать «укрепления и против себя самого, против собственной личности, ее нравственной позиции, против укоров совести. И хотя в проявлениях этой особенности психической жизни человека имеются большие индивидуальные различия – проблема не становится менее острой. И в этом строительстве укреплений против самого себя, против лучших побуждений своей души, человеку, как это ни странно помогает мышление. Остановлюсь на этом несколько подробнее.

Отечественная психология советского периода, основывалась на классической формуле теории отражения, согласно которой бытие существует независимо от мысли, мышления, сознания. Функция мышления – отражение бытия. С этой позиции осуществлялась кри-

тика Гегеля, который утверждал, что мысль не только воспроизводит, но и производит, «полагает» бытие. Однако жизнь все больше подтверждает правоту Гегеля: мысль не только воспроизводит, но и *производит* (или разрушает!) бытие. И лучшее тому доказательство – тот факт, что человеческая мысль, воплощается в научно-технических открытиях и изобретениях, существенно изменяющих жизнь человека, порой ставит под угрозу само существование человеческого бытия. Человек мыслящий и человек разумный далеко не одно и то же. Это относится и к проблеме совести.

И.Ильин писал об интеллектуализации известного акта, когда ум начинает заслонять совесть, человек начинает сам говорить за свою совесть и *вместо* нее... толковать и формулировать по своему усмотрению...». «Совесть – пишет И.Ильин, - незаметно превращается в какое-то личное консультационное бюро, дающее полезные и утешительные советы» (1998, с.161). Мы имеем здесь сложнейшую и чрезвычайно значимую проблему «нейтрализации» совести.

Нужно сказать, что именно «монолитная» структура смысла жизни создает благоприятную психологическую почву для нейтрализации совести. Безраздельно доминирующая в этой структуре идея не просто подчиняет себе другие компоненты иерархии, она ставит их себе на службу. Образовавшийся «монолит» как бы давит на совесть, не редко деформирует ее, заставляет служить господствующей идее. Я затронул лишь некоторые аспекты проблемы действительности смысла жизни. Подчеркну в заключение, что ее исследование является чрезвычайно значимым направлением смысложизненной проблематики.

Литература:

1. *Ильин И.* Путь к очевидности. – М., 1998.
2. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. – Харьков, 1999.
3. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – М., 1989.
4. *Чудновский В.Э.* Смысл жизни как психологическая реальность // Психолого-педагогические аспекты проблемы смысла жизни. – М., 1997.
5. *Чудновский В.Э.* Становление личности и проблема смысла жизни. Избр.тр. – М.-Воронеж, 2006.
6. *Экзюпери А.-Сент.* Планета людей. – М., 1969.

Учиться властвовать собой

А.А.Бодалев, г. Москва

Мы живем сейчас в странное для всех граждан нашей страны время. Средства массовой информации и стоящие за ними политики, говоря образно, «и лаской, и таской» с настойчивостью, достойной лучшего применения, пытаются убедить всех и каждого, что смысл жизни настоящего по их меркам человека заключается в создании им капитала, выраженного в денежных знаках, потому что наличие его создает ему солидный престиж и, главное, дает возможность, как ему хочется, удовлетворять все свои потребности.

Вместе с тем эти же средства массовой информации и стоящие за ними политические кукловоды всеми имеющимися в их распоряжении средствами инициируют у верящих им граждан развитие потребностей, ничего общего не имеющих с высокой нравственностью, духовностью и подлинной культурой. Последовательно и шаг за шагом выдерживается курс на формирование у наших сограждан качеств, делающих их не творцами, приумножающими своими деяниями основные ценности жизни и культуры, а на развитие у них психологии бездумных потребителей бездумных поделок.

Последствия такого курса уже налицо: деформация института семьи, и резкое падение рождаемости, высокий рост табакокурения, потребления спиртного и наркотиков, все более широкое увлечение масскультурой и псевдоискусством, совершенно очевидное возрастание всех видов преступности и небывалая для мирного времени по своим масштабам смертность.

Этой очевидно проявляющейся тенденции обезнравствования и откровенного ослабления созидательного потенциала нашего народа и особенно его молодого поколения в теперешних условиях лжедемократии, прикрывающей власть денежного мешка, при пассивном поведении чиновников, занимающих самые высокие посты в государстве, можно противопоставить только активные действия тех россиян, которые, работая в сферах образования, науки, обороны, искусства, правопорядка, представляя различные конфессии, каждый своими средствами, стараются не только сохранить, но и развить гражданское и нравственное ядро не только в своей личности, но и в тех своих соотечественниках, ко-

торые составляют их непосредственное окружение.

Многие пути ведут к решению этой непростой задачи. Не перечисляя их и не раскрывая содержание каждого из них, потому что такую целеустремленную по своим результатам деятельность осуществляют многие энтузиасты-бессеребрянники, добивающиеся, чтобы их соотечественники не относились равнодушно к своей стране, и каждый на своем посту самоотверженно трудились для ее блага. Но ведь и любой конкретный человек может и должен находить средства постоянно наращивать свой духовно-нравственный потенциал, который проявлялся бы во все новых позитивных по своему характеру свершениях. Но для этого ему необходимо совершенно осознанно постоянно работать над развитием своего Я, выявляя в нем недостатки, последовательно формировать у себя качества, которые позволяли ли бы на уровне познания действительности, отношения к ней и, конечно, в совершаемых поступках и деяниях быть, как говорил Б.Г. Ананьев, полноценным субъектом общения и труда.

А для этого надо научиться людям, и особенно молодым, развить в себе способность не поддаваться при оформлении своей внешности, в своем поведении, адресуемом другим, в выборе деятельности, в отношении к происходящим событиям «быть как все».

Эти «все» – обычно люди, которые составляют, как говорят психологи «референтную», то есть положительно значимую, привлекательную, авторитетную для человека группу. «Они курят, – думает молодой человек или девушка, – и я должен (должна) курить тоже», «они легко относятся к сексу, и я не должен (не должна) в этом отличаться от них», «по окончании школы они собираются пойти учиться в юридический ВУЗ, и я буду поступать в него тоже» и т.д. и т.п.

Так примерно работает эта формула «быть как все» у по нынешним меркам благополучных молодого человека или девушки. Для других их референтная группа по своему составу и в социально-нравственном отношении может оказаться еще хуже и, соответственно, молодой человек или девушка, равняясь на характерные для ее представителей эталоны отношения к большим и малым проявлениям своего бытия в жизни, еще больше будут не добирать в своем развитии до в духовно-нравственном и поведенческом отношении социально нормального оптимума.

Каждый человек неповторим как индивидуальность, если иметь в виду и его физическую наружность, характеристики организма, темперамент, имеющиеся у него задатки. И важно, чтобы в каждом случае «владелец» их учился видеть и объективно оценивать эту свою «самость» и эффективно для своего развития ею распоряжаться. И таким сильнейшим стимулом для такого развития может выступить только правильно определенный человеком для себя смысл жизни. А что значит правильно выбранный смысл? Это ясно представляли себе мудрецы в далекое до новой эры время в буддизме, а позже проповедники конфуцианства, и еще позже православные христиане и последователи учения ислама, и даже, если не перечислять другие конфессии, и создатели кодекса строителей коммунизма, потому что все они оказываются единодушны в том, что этот смысл и содержание, и воплощаемый в деяниях людей должен служить благу человечества. И земной, конкретный человек должен научиться выражать этот смысл в целях, которые он ставит перед собой, в средствах, которые он выбирает для их осуществления, и в результатах, которые он получает, познавая мир, строя свое общение с людьми, проявляя себя как создатель-профессионал в выбранной им области труда.

Конечно, в повседневной жизни решать эту труднейшую задачу каждому человеку непросто. Слишком много всяких и разных испытаний надо ему преодолеть, чтобы не отклониться в сторону от желанной цели. Так, например, Мария Кюри-Склодовская, имея в виду эту особенность жизненного пути человека, писала: «По-видимому, жизнь не легка для каждого из нас! Но ничего не поделаешь! Надо быть настойчивым и, главное, верить в себя. Надо верить в свое призвание и следовать ему, во что бы то ни стало». И сама Мария Склодовская всей своей жизнью доказала верность этого утверждения. Она работала гувернанткой, чтобы материально помочь своей сестре получить образование. А затем сама поступила в Сорбонну, переводами и репетиторством добывая себе средства во время учения в этом университете. В Сорбонне ее целеустремленность и большое трудолюбие были замечены преподавателями. В 1893 году она получила диплом лицензиата по физическим наукам, а в 1894-м – по математическим. Выйдя замуж за Пьера Кюри, она и Пьер в отходах урановой руды стали искать еще неведомые науке элементы. В са-

рае с дырявой крышей, они без всякой техники, вручную перерабатывали тонны этой руды, чтобы решить поставленную задачу. Мари и Пьер открыли не один, а сразу два радиоактивных элемента. Первый Мария назвала полонием в честь своей родины, второй – радием. В декабре 1903 года Шведская Академия наук сообщила о присуждении Нобелевской премии по физике супругам Кюри и Анри Беккерелю за открытие радиоактивности.

Мировой бизнес быстро оценил необыкновенные свойства радия: 750 тысяч франков золотом за один грамм вещества. Его промышленное производство принесло бы огромные прибыли. Но секрет выделения этого вещества был известен только супругам Кюри. И перед ними встал выбор: запатентовать методику, стать собственниками радия и обеспечить себе материально сверхблагополучную жизнь, или же... «Радий принадлежит не мне, а всему миру», решила Мария, а Пьер закончил: «Это было бы противно духу науки». И супруги Кюри обнародовали рецепт.

В 1906 году Пьер Кюри погиб. Оставшись одна, Мари продолжала дальнейшее освещение проблем радиоактивности. В 1911 году Мари была награждена второй Нобелевской премией – на этот раз по химии за получение радия. И деньги, полученные при присуждении первой премии, супругами Кюри были израсходованы не на личные нужды, а на исследования главной для них научной проблемы. А большую часть денег, полученных после присуждения второй Нобелевской премии, Мария Кюри-Склодовская, когда началась Первая Мировая война, пожертвовала на создание рентгеновских установок для госпиталей, в которых лечили раненых на фронте французских солдат, а оставшуюся часть премии снова вложила в научные исследования. Подобных примеров бескорыстия в служении главному делу жизни, которые возвышают человека и нравственно и духовно и увеличивают гражданский масштаб его личности, память подсказывает немало.

Причисленный следующими поколениями к сонму великих Александр Андреевич Иванов, закончив Академию Художеств с золотой медалью, в 1831 году был поощрен Академией поездкой в Италию. В течение нескольких лет он написал два полотна, но обе эти картины на мифологическую и библейскую темы были лишь подступами к колоссальной работе, которую ему удалось осуще-

ствить – «Явление Христа народу», создание которой растянулось на 20 лет. Все эти годы художник жил в крайней бедности, экономил на каждой мелочи, порой утолял голод куском хлеба, а жажду – водой из уличного фонтана. Добываемые деньги уходили на содержание мастерской, покупку художественных материалов и оплату натурщиков... В 1858 году Иванов вернулся в Санкт-Петербург. Картина сначала была показана в Зимнем Дворце, потом в Академии Художеств и не произвела сильного впечатления. Художник глубоко переживал свою «неудачу». В том же году он умер.

Примеры житнетворчества и Марии Кюри, и Александра Иванова – яркое свидетельство беззаветного, доходящего до самопожертвования служения избранному ими высокому смыслу жизни, которое конкретизировалось в их деяниях, результаты которых обогатили сокровищницу ценностей жизни и культуры, и определенно сработали на прогресс человечества.

И прав Ю.М.Лотман, который считал, что «жизнь как таковая не всегда превыше всего. Может быть, как раз совесть есть самое дорогое... Убеждения наши отличаются только одним – той ценой, которую мы готовы за них заплатить». Справедливость этого утверждения подтвердили миллионы людей, например, наши соотечественники, которые во имя спасения страны в трудные для нее времена отдали за нее свои жизни. И, собственно, также поступали и те, кто, работая на производстве, в науке, в образовании, в здравоохранении, в органах правопорядка, в искусстве, подвизаясь в спорте и во многих других сферах, целеустремленно и с полной отдачей своих физических и душевных сил, не позволяя себе вступать в конфликты с собственной совестью, и в мирное время совершали и совершают подвиги в избранной ими области деятельности, приумножая те ценности жизни и культуры, о которых выше шла речь.

Однако в последние 15 лет перед нами особенно ярко высветился и другой тип наших сограждан, которые до поры-до времени искусно маскируя истинный смысл своей жизни ура-патриотическими лозунгами и псевдонравственным поведением, в критический для страны момент сбросили свои маски и все сделали, чтобы ее развалить и совершенно бессовестно поделить между собой созданный ценою жизней, потом и кровно

многих поколений наших соотечественников ее богатства.

Как могли появиться такие люди? Ведь детство их проходило, как правило, в семьях родителей-тружеников. Они, когда росли, были октябрятами, потом пионерами, затем их принял в свои ряды комсомол. Вступая в коммунистическую партию, они обещали до последнего дыхания отдавать себя делу строительства коммунизма в стране. А объяснение тут лежит как раз в области нравственности и совести. Моральный уровень «планки» ощущается человеком всякий раз, когда он оказывается в точке своего жизненного пути, когда надо решить: чуть-чуть вверх (с неприятностями) или чуть-чуть вниз (с выгодой). Что выбрать?

Совесть говорит: надо вверх. А человек ей отвечает: «Я же никого не убиваю, не граблю, не насилюю... Да, вниз, но ведь самую малость. И никто не узнает». И делает шаг. И таким образом ведет себя не как боец за идеалы, которые он прилюдно клялся отстаивать, а как трусливый соглашатель. Но теперь он, как человек, стал ниже. Он опустился всего на одну ступеньку, и теперь это его новый уровень. И снова жизнь ставит его перед тем же выбором, и снова надо спуститься на самую малость. Со вчерашней высоты, казалось бы, как-то низковато. Но с сегодняшней – пустяк. Огляделся, вроде никто не заметил «опускания планки». И так и дальше «планка» опускается всякий раз, и всякий раз надо чуть-чуть идти против совести. Но где-то там, в душевной глубине эти маленькие опускания суммируются, эти, казалось бы, небольшие компромиссы копятся. «Опухоль» беспринципности и цинизма растет. Человек переродился. Из нравственного он стал безнравственным и бессовестным.

А ведь еще А.А.Блок отмечал в человеке проклятое и рабское свойство: «Когда он становится чересчур слабым, довольным, слишком обеспеченным материально, он теряет свое внутреннее волнение, свой духовный огонь. Тогда он становится сытым и душевно, тупым, самодовольным... душа его, созданная для волнения и радости, так же сыта и тупа, как тело». А наш великий драматург А.Н.Островский высказывался об этой категории людей еще жестче. Для них, по его ут-

верждению, нормой, которая превращалась в регулятор их поведения, в конце концов становились в повседневной жизни откровения «человек человеку – волк», «или всех грызи, или лежи в грязи».

А Лев Николаевич Толстой, очевидно имея в виду не таких людей, но постоянно думая о том, что надо сделать, чтобы каждый человек, который еще может стать лучше, чем он есть, в последний год своей жизни написал пермскому крестьянину П.У.Пестову: «Переделать всех плохих и хороших людей так, чтобы они жили хорошо, мы никак не можем, потому что все люди не в нашей власти. Но нет ли среди всех людей таких, которые были бы в нашей власти и которых бы мы могли переделывать из плохих в хороших? Поищем. Если хоть одного такого мы переделаем из дурного в хорошего, то все-таки на одного меньше будет плохих людей. А если каждый человек переделает так хоть по одному человеку, то уже и вовсе хорошо будет. Поищем же, нет ли такого хоть одного человека, над которым мы были бы властны, и переделать из дурного в хорошего. Глядь, один есть. Правда, очень плохой, но зато он уже весь в моей власти, делаю с ним, что хочу. Плохой этот человек – я сам. И как ни плох он, он весь в моей власти. Давай же возьмусь за него, авось и сделаю из него путного человека. А сделает каждый то же самое над тем одним, над кем он властен, и станут все люди хорошие». Понимая и принимая тревогу Л.Н.Толстого по поводу уровня нравственности и духовности людей и его мысли о пути, идя по которому можно поднять их развитию на более высокий уровень, вместе с тем нельзя забывать о том, что в сознании народа уже давно выкристаллизовалось утверждение, что самый трудный вид власти – это власть человека над самим собой, хотя то же народ мудро констатирует, что и маленькая победа человека над собой делает его намного сильнее.

Примечание. При написании этого текста мною использованы материалы докторских диссертаций Е.В.Селезневой и Л.А.Степновой, статья А.Минкина «Прощай XX век» и письма М.Склодовской-Кюри, А.А.Блока и Л.Н.Толстого.

Рефлексия как фактор становления смысложизненных ориентаций

В.Э.Чудновский, г. Москва

Статья посвящена проблеме рефлексии. Вернее, лишь тому ее аспекту, который более тесно связан с проблемой становления смысложизненных ориентаций. В психологическом словаре можно прочесть: «рефлексию» лат. – «обращение назад». Это процесс самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний. Таким образом, рефлексия скорее обращение внутрь. Думается, еще более адекватно считать, что рефлексия – взгляд *изнутри на самого себя в окружающем мире*. Показательно, что в психологическом словаре 1990 г. есть статья о рефлексии, в словаре 2001 г. читаем: *рефлекс, рефлекторное кольцо*, рефлексология. Нет рефлексии. Случайно ли это?

Закрадывается мысль: не живем ли мы сегодня в такое время, когда обращение во вне господствует и вытесняет стремление обратиться к самому себе! Некоторое время назад в Санкт-Петербурге был проведен конкурс среди старшеклассников на тему: «Будущее, в котором хочется жить». Специальное жюри проанализировало 25 тысяч сочинений. Из заключения жюри: «Настораживает отсутствие будущего. Как будто нынешнее поколение идет в пустоту, не представляя, ни что их ждет, ни какими они станут».

Проблема отношения к себе, к себе настоящему и себе будущему это фактически проблема соотношения внешних воздействий и внутренних субъективных факторов. Проблема соотношения внешнего и внутреннего в психологии имеет богатую историю. Напомним, что в отечественной психологии имели место два направления, выросшие на одной психологической почве – культурно-исторической концепции Л.С.Выготского, и вместе с тем, существенно различавшиеся во взглядах на проблему психического развития: деятельный подход, который разрабатывался в школе А.Н.Леонтьева и концепция формирования личности Л.И.Божович. Имела место борьба взглядов и, нередко, острая полемика между А.Н.Леонтьевым и Л.И.Божович, между Д.Б.Элькониним и опять же Л.И.Божович. По ряду фундаментальных вопросов они находились как будто (подчеркиваю) по разные стороны баррикад. Психическое развитие есть в основном результат усвоения социального опыта (это – Д.Б.Эльконин). Психическое развитие имеет свою внутреннюю логику, свои собственные

закономерности. Это – Л.И.Божович. Вместе с тем, чем больше проходит времени, тем яснее становится, что указанные направления являются взаимодополняющими, обогащающими представлением о процессе психического развития.

Анализ показывает, что в конкретных психологических исследованиях точки зрения представителей этих направлений существенно сближались. Один из приемов – известная концепция возрастной периодизации Д.Б.Эльконина, суть которой в том, что в процессе психического развития сначала имеет место период, в котором преобладает мотивационная сторона деятельности: он сменяется периодом, когда преобладает ее операционно-техническая сторона. Нужно ли доказывать, что здесь речь идет именно о внутренней логике психического развития.

Как это ни парадоксально может показаться на первый взгляд, но одной из точек соприкосновения между указанными направлениями является проблема рефлексии. Как будто официальная парадигма деятельного подхода, рассматривавшая развитие главным образом как процесс усвоения социального опыта, не оставляет места для рефлексии. Тем не менее, фундаментальные исследования представителей этого направления вносят существенный вклад в понимание рефлексии как феномена, в большой мере обуславливающего процессы психического и личностного развития.

Обратимся в этой связи к исследованиям школы В.В.Давыдова по проблеме учебной рефлексии. «Взрослый, – писал В.В.Давыдов, – может подготовить и удобрить почву на которой вырастает детское Я, но он не может ее воспроизвести, отличаясь в этой сфере от ребенка, как садовник от сада» (Давыдов, 1966, с.246). Итак, взрослый – это садовник. Он удобряет почву, ухаживает за деревцем. Но деревце растет, и его рост не определяется простым усвоением питательных веществ, находящихся в почве. Думаю, что под этим тезисом подписалась бы и Л.И.Божович.

В другом месте В.В.Давыдов выделяет тезис Л.С.Выготского о единстве, но не тождестве процессов обучения и воспитания. Представители данного направления выделили, теоретически проанализировали и экспериментально обосновали составляющие т.н.

«учебной рефлексии». Укажем некоторые из этих составляющих.

Знание о незнании. (Начальный этап формирования отношения к себе как субъекту собственных знаний). Эта способность заботливо «выращивается» учителем, помогающим ученику овладеть способом превращения незнания в знание. Это этап, когда *прерывается* процесс *передачи* знаний от учителя к ученику. Учитель, воздействуя на ребенка, оставляет «промежутки» для собственной активности детей, принимающей характер учебной инициативы, умения учить самого себя (Цукерман, 2009, с.35). Мы имеем здесь весомую «добавку», конкретизирующую известный тезис Ушинского о том, что главная задача школы – научить детей учиться, который (тезис) обычно понимается как необходимость научить школьника самостоятельно приобретать новые знания. В чем добавка? – научить его знанию о своем незнании, знанию о том, чего он не знает, не умеет сегодня, но чему научится завтра, если поставит перед собой такую цель.

Вторая составляющая учебной рефлексии – *выход за пределы непосредственно занятой позиции ученика*. Предоставление детям возможности стать автором самостоятельно созданного «учебника» и «учебных пособий» (например: тетрадь наших открытий в языке). Научить детей не только писать диктанты и решать задачи, но самим придумывать задачи, составлять диктанты (работа Л.И.Айдаровой). Способность выходить за пределы собственной читательской позиции и становиться на позицию автора литературного произведения, литературного критика, одного из литературных персонажей (работа Г.Б.Кудиной и З.Н.Новлянской).

Третья составляющая учебной рефлексии – *познание школьником процесса самоизменения*. «Человек, умеющий учить себя сам, – пишет Давыдов, – сам же определяет границы своего знания и сам находит условия расширения границ известного, доступного (1996, с.241). В этой связи исследователь определяет в качестве ключевой задачи процесса обучения задачу *объективизации* для ребенка изменений, происходящих с ним в процессе обучения, задачу формировать умение обращать внимание на *эффективность* собственных действий с точки зрения их ответственности решаемой задаче, способность видеть себя как *изменяющегося, умнеющего, становящегося более умелым*. (Давыдов, 1996, с.163). Именно по этому пути идет

практическая реализация данной системы обучения, в процессе которого происходит «встреча» учительского действия, «ощупывающего» границы детской самостоятельности «здесь и сейчас» и встречного действия ребенка, впервые прорвавшегося за пределы этих границ, – пишет Галина Анатольевна Цукерман в своей работе (Цукерман, 2009).

Четвертая составляющая – *мотивационный* компонент учебной рефлексии. «Отношение к себе, – пишет Давыдов, – как к субъекту собственных знаний, порождает инициативность в учебной работе, стремление отстаивать свои убеждения. Так возникают побудительные силы будущего желания учиться» (Давыдов, там же с.215). Тщательный микроанализ учебного действия на уроке, поддержка детской догадки, когда взрослый делает заметным для ребенка то, что ребенок обнаружил с той или иной долей случайности – все это создает психологическую почву для того, чтобы ребенок сделал открытие: Я сам догадался, я сам додумался, я не такой как прежде, я изменился! И это открытие, – пишет Цукерман, – всегда сопровождается счастливым детским переживанием полета и успеха и смиренным учительским удивлением перед чудом детских возможностей (2009, с.49). Рефлексия рождает высшие переживания, о которых Маслоу писал, что они являются не только *запускающим* механизмом процесса обучения, но их стоит рассматривать и как *результат* его, награду за него (Маслоу, 1997, с.201).

Итак, в отечественной психологии, в школе Эльконина-Давыдова была теоретически проанализирована и практически проработана проблема учебной рефлексии. Возникает вопрос: что, учебная рефлексия – феномен отдельный изолированный от общего процесса развития рефлексии у человека, характерный лишь для определенного возрастного этапа или это значимая часть общей линии становления рефлексии в ходе психического развития? Представляет интерес проследить судьбу выявленных и охарактеризованных составляющих учебной рефлексии в общем процессе личностного развития. Оговорюсь, проблема эта чрезвычайно большая, сложная, требующая специального рассмотрения. В настоящем сообщении излагаются лишь некоторые наметки, соображения, в ряде случаев буду ограничиваться лишь краткими набросками, фрагментами, требующими кропотливой дальнейшей работы. Итак, по порядку. Первая составляющая рефлексии – знание о

незнании. Знание о моих способностях, потенциальных возможностях. Знание о том, кто я есть на самом деле. Ответ на этот вопрос по мере становления личности чрезвычайно усложняется. Уже устоявшаяся самооценка, приобретенные знания и жизненный опыт, оценка меня окружающими, должность и пост, который я занимаю, – все это затрудняет получение адекватного ответа.

Известно утверждение: «Сколько бы ты ни знал, всегда сумеешь сказать себе: «я невежа». Это легко сделать желторотому второклашке. А если ты кандидат, доктор наук, профессор, академик, министр? Ответ на вопрос «Кто Я?» имеет отчетливо выраженный возрастной аспект. В *дошкольном возрасте* важнейшим фактором формирования представления о себе является влияние родителей, у *младшего школьника* – учебная успеваемость, оценка учительницы, у *подростка* – влияние сверстников. В подростковом и пожилом возрасте (объединяю эти возрастные этапы, потому что им присущи «биологические всплески») большое влияние на представление о себе оказывают биологические факторы. У подростков, прежде всего – переживания, связанные с периодом полового созревания: пристальное внимание к собственной внешности, тревога по поводу своей, якобы недостаточной «мужественности» или «женственности», уровня своих интеллектуальных способностей. Ответ на вопрос «Кто Я?» – во многом обусловлен эмоциональной неуравновешенностью, максимализмом подростков, что порой приводит к попытке суицида.

Старость – период, когда биологические процессы старения существенно обуславливают самочувствие человека, его отношение к себе, его самооценку. Период, когда подлинным критерием отношения к себе является прожитая жизнь. В исследовании К.Рощака были выявлены и охарактеризованы типы старения, и, в частности, конструктивный и деструктивный типы (Рощак, 1990). Один из них можно охарактеризовать как паническое бегство, уход в болезнь, в старость и немощь. Другой тип можно сравнить с отношением к себе военачальника, который вынужден отступить под натиском превосходящих сил противника, но отступает медленно, организовано, с боями.

Пожалуй, время наиболее адекватного ответа на вопрос «Кто Я?» – зрелость. Период, когда уже накоплен жизненный опыт и знания, когда человек хорошо ориентирован в

своих возможностях, достоинствах и недостатках. Но с другой стороны, это период более устоявшегося, можно сказать «затвердевшего» мнения о себе, своем Я, своих потенциальных возможностях, что может негативно сказываться на адекватности своего знания о себе.

Проблема «рефлексия и возраст» нуждается в обстоятельном изучении. Она составляющая более общей проблемы – роль рефлексии в процессе возрастного становления личности. Отношение к себе, знание (незнание) себя во многом зависит от условий социума, в которых живет человек. Характерным проявлением деформирующего влияния социума на внутренний мир человека, на его отношение к себе, знание о себе, его самооценку является феномен единомыслия, присущий тоталитарному устройству общества и способствующий формированию так называемого монолитного смысла жизни, в структурной иерархии которого ведущий компонент, ведущая идея становится самодовлеющей. Она как бы поглощает остальные компоненты иерархии. Смысл жизни приобретает упрощенную однонаправленную структуру. Единомыслие – проявление несамостоятельности мышления, выращенного, взлелеянного, путем непосредственного, однонаправленного воздействия на сознание человека, когда он получает указание не только о том, как работать, где и что сеять, но и *как мыслить*. В этих условиях формировалась личность с психологией «винтика» государственной машины. «Винтику» полагалось выполнять строго ограниченные социальные функции, поддерживать официальную идеологию, приспосабливая свои оценки, мнения и убеждения к тем установкам, которые определялись директивными органами.

Естественно, отношение к себе, оценка своих возможностей, достоинств и недостатков существенно определялась этими установками. Показательно, что в этот период практически не было исследований по проблеме смысла жизни, хотя в работах русских философов и психологов начала XX века этой проблеме уделялось большое внимание. А как обстоит дело в современном социуме? А.В.Суворов дал обстоятельный анализ двух различных феноменов – одиночество и уединение. Одиночество – результат дефицита общения, уединение – условие, необходимое для работы души (Суворов, 2001). Можно ли уединиться от нашего телевидения? От мыльных опер, направленных на удовлетво-

рение пассивно-развлекательной потребности, которые не оставляют времени для работы души? Насущная задача социума – создать условия и пропагандировать образ жизни, в котором есть место уединению – размышлению о том, каков Я.

Второй этап становления рефлексии – выход за пределы непосредственно занятой позиции, непосредственного потока жизни. С.Л.Рубинштейн в оставшейся незаконченной книге «Человек и мир, в разделе «Человек как субъект жизни» пишет: «Существуют два основных способа существования человека и соответственно два отношения его к жизни. Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек: сначала отец и мать, затем подруги, учителя, затем муж, дети и т.д. Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение – это отношение к отдельным явлениям, а не к жизни в целом. Человек не выключается из жизни, не может занять мысленно позицию вне ее, для рефлексии над ней. Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее. Это решающий поворотный момент. С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни». (1973, с. 351 – 352).

По мнению Д.А.Леонтьева (2003), наиболее общие характеристики смысла как психологического феномена – *контекстуальность* (смысл чего-либо всегда определяется через отношение к более широкому контексту) и *интенциональность* (смысл чего-либо указывает на целевую направленность, направленность движения). Следует подчеркнуть тесную взаимосвязь этих характеристик.

Что касается смысла жизни, то интенция должна быть направлена на рефлексивное отношение к жизни, отношение к жизни как единому смысловому пространству, включающему в себя органическое единство трех времен – настоящего, прошедшего и будущего. Важнейшая составляющая рефлексивного отношения к жизни, интенции этого отношения – «смысловая вертикаль», символизирующая позицию *над* жизнью, т.е. смысловые образования, обусловленные воздействием норм общечеловеческой нравственности, религиозных убеждений, национальных, родовых традиций.

Можно утверждать, что рефлексия не что иное, как психологический механизм станов-

ления смысла жизни. Механизм рефлексии – не только основа решения задачи на смысл жизни, но и фактор, способствующий достижению успеха в профессиональной деятельности. Положение о двух способах жизни человека послужило психологической основой разработки Л.М.Митиной двух моделей труда учителя. Модели адаптивного поведения и модели профессионального развития. Модель профессионального развития характеризуется способностью выйти за пределы непосредственного потока педагогической практики и увидеть свой труд в целом. Эта модель дает возможность учителю осознавать и оценивать трудности, противоречия педагогического процесса, самостоятельно разрешить их в соответствии со своими ценностными ориентациями. В то время как в модели адаптивного поведения доминирует тенденция подчинения профессиональной деятельности внешним обстоятельствам. При этом учитель в большей мере ориентируется на *алгоритмы* решения педагогических ситуаций, превращенные в штампы, шаблоны, стереотипы.

В работе Е.А.Максимовой представлены экспериментальные модели творческого и нетворческого учителя. Показано, что для творческого учителя характерны рефлексия на собственную профессиональную деятельность, стремление выйти за пределы непосредственной педагогической ситуации, сотрудничество как доминирующая форма общения с учащимися, создание атмосферы доверия в классе. Творческие учителя желают продолжить свою деятельность после достижения пенсионного возраста. Творческие учителя дают высокие показатели осмысленности жизни по тесту Д.А.Леонтьева, для них характерна удовлетворенность процессом жизни и уровнем самореализации. Один из выводов работы: педагогическое творчество учителя и становление его смысложизненных ориентаций имеют в своей основе общий психологический механизм рефлексии – способность выходить за пределы повседневной ситуационной педагогической практики, с одной стороны, и за пределы непосредственного потока жизни – с другой. Естественная взаимосвязь: ведь *смысл жизни* помогает человеку *творить* свою жизнь.

Исследование Гульгены Емиловой было посвящено изучению ценностно-смыслового отношения к семейной жизни. Были изучены, в частности, «золотые семьи». Оказалось, во-первых, что не всегда золотые семьи – самые счастливые, и, во-вторых, что супружеское

счастье существенно обусловлено отношением супругов к семейной жизни, как единому смысловому пространству – от первого знакомства, до пятидесятилетнего юбилея. Вот одна из таких семей, начинавшая совместную жизнь в тяжелейших условиях. Только один эпизод. Когда у супругов родился первенец, его завернули в солдатскую шинель отца – больше не во что было завернуть. Эта семья, прожившая полвека на едином дыхании в совместном преодолении трудностей и сохранявшая вплоть до золотой свадьбы свежесть и искренность чувств. Один из выводов этой работы: семейное счастье во многом обусловлено уровнем сформированности у супругов ценностно-смыслового отношения к созданию семейной жизни, способности отнестись к созданию семьи как совершенно новому жизненному этапу, способности *переосмыслить* себя, собственный жизненный опыт с точки зрения этого нового этапа своей жизни.

Третий этап становления рефлексии связан с задачей *объективизации* процесса самоизменения субъекта, его душевного состояния, устойчивости его личностной позиции. Это, опять-таки, большая проблема, требующая пристального и обстоятельного изучения. Выскажу лишь некоторые наметки, предварительные соображения. Здесь можно говорить об исповеди, в том числе религиозной исповеди, как, так сказать, – экстериоризации своего внутреннего мира, об исповеди как моменте самоочищения, хорошо описанного в романе Л.Н.Толстого «Воскресение» («Чистка души» у героя этого произведения Нехлюдова).

Одним из механизмов такой объективизации является феномен совести. Уже приходилось отмечать, что в современных социальных условиях проблема совести отстает под натиском рыночных отношений. К сожалению, одной из метаморфоз приобретенной в результате социальных изменений свободы, подчас становится свобода от феномена совести. В психологическом словаре Артура Ребера совесть определяется как набор интериоризированных принципов, который позволяет оценивать правильность или неправильность совершаемых или наблюдаемых действий. И хотя это формально-рациональное определение неправомерно ограничивает суть данного феномена, несомненно, момент объективизации, оценки самого себя, экстериоризации своего отношения к себе является значимой составляющей психологического механизма совестного акта. И.Ильин пи-

шет о совести: «Человек, переживая это таинственное душевное состояние, осуществляет свою внутреннюю духовную свободу в таком глубоком и целостном виде, что ему невольно открываются глаза на его подлинную природу. Он сам становится духовно свободным в этот момент. Совестный акт – могучий позыв к совершению нравственного поступка, он создает в человеке как бы алтарь его жизни». (1998, с. 152, 180).

По-видимому, одним из механизмов объективизации самоизменения собственной личности является выстраиваемый субъектом рефлексивный образ самого себя. Очень наглядно такой процесс объективизации и роль этого процесса в становлении личности выступили в исследовании Ю.Б.Некрасовой, посвященном анализу и обобщению накопленного ею опыта социореабилитации людей, страдающих логоневрозом. Автор показывает, что «образ болезни» т.е. представление о своем дефекте и о себе самом, заикающемся, с огромным напряжением, иногда с конвульсиями, «выдавливающим» из себя нужное слово – усугубляет болезнь, затрудняет ее лечение. В процессе реабилитации этот образ постепенно заменяется рефлексивным «образом здоровья», который становится союзником психотерапевта, делает процесс лечения более эффективным, а затем заменяется новым рефлексивным образом. Ю.Б.Некрасова ставила перед страдающими логоневрозом четкую цель: «Каждый заикающийся может и должен стать оратором» (Некрасова, 2006).

Проблема влияния рефлексивного образа личности на ее становление в той или иной форме затрагивается в работах Б.М.Теплова, К.А.Абульхановой-Славской, Д.А.Леонтьева, И.И.Чесноковой, Н.С.Лейтеса, В.И.Слободчикова, А.М.Прихожан и целого ряда других исследователей.

Обобщая имеющиеся данные, можно утверждать, что характер рефлексивного образа собственной личности существенно обуславливает специфику психического развития субъекта. Достигнув определенного уровня сформированности, рефлексивный образ оставаясь внутренним образованием, приобретает силу внешнего воздействия на личность, становится значимым детерминантом психического и личностного развития.

Четвертая значимая составляющая рефлексии как психологического феномена – его мотивационный компонент. Можно утверждать, что этот компонент – результат взаимодействия всех остальных составляющих

рефлексивного акта. Рефлексия, побуждающая субъекта выйти за пределы непосредственного потока жизни и с этой позиции отнестись к своим делам, поступкам, своему настоящему, прошедшему и будущему – такая рефлексия, в отличие от «самокопания» и «самонакручивания» становится детерминантом позитивного развития личности. В настоящее время мы имеем некоторые экспериментальные доказательства правомерности этого положения.

В защищенном несколько месяцев назад диссертационном исследовании Т.А.Поповой, изучавшей смысложизненный аспект становления Я-концепции подростка, в ходе формирующего эксперимента было показано, что с повышением уровня сформированности так называемого «Я-экзистенциального», включающего в себя отношение к собственной жизни как единому смысловому пространству, происходят позитивные изменения в становлении личности подростка. А именно: повысилась значимость альтруистических категорий в Я-концепции подростков, увеличился интерес к переживаемому ими возрастному периоду, изменилось отношение к собственному Я, к возможности с самостоятельно принимать решения, подростки стали более реалистично относиться к своим жизненным планам.

Некоторые выводы. Рефлексия – не только процесс познания индивидом собственных

психических свойств, качеств и внутренних состояний, она является необходимым мотивирующим компонентом процесса развития.

Существует единая линия становления рефлексии как фактора психического и личностного развития – от рефлексивного отношения к освоению способа решения арифметических задач в 2 действия, до познания человеком процесса поиска и обретения смысла собственной жизни.

Актуальным является теоретическое и экспериментальное рассмотрение основных тенденций, этапов, «шагов», единой линии становления рефлексии в процессе онтогенеза.

Имеет место тесное взаимодействие субъекта и его рефлексивного образа: субъект является как бы «архитектором» своего рефлексивного образа, который в свою очередь существенно обуславливает процесс становления его личности.

Литература:

1. *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. М., 1996.
2. *Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики. СПб, 1997.
3. *Некрасова Ю.Б.* Лечение творчеством. М., 2006.
4. *Роцак К.* Психологические особенности личности в пожилом возрасте. Автореферат диссертации к. психол. наук. М., 1990.
5. *Суворов А.В.* Совместная педагогика. М., 2001.
6. *Цукерман Г.А.* Как учителю построить интерпсихическое действие с первоклассниками // Вопросы психологии, 2009. №4. – С. 33 – 49.

Процессуальный подход к изучению смысложизненных ориентаций различных социальных групп (смысловая сфера личности в ситуации субъективации жизненных целей)

Г.В.Акопов, Н.Л.Быкова, г. Самара

В условиях глобальных общественных трансформаций разрушились привычные представления о современном обществе и его развитии. Социальная нестабильность нашего времени проявляется в значительной трансформации социальных структур, порождает болезненные изменения в общественном сознании. Предоставление большой личной свободы порождает необходимость самостоятельного установления новых смыслов и увеличивает значение собственной активности в актуальных жизненных ситуациях. Не случайно в переломное время возрастает научный интерес к проблеме смысложизненной определенности человека. В конце XX – начале XXI вв. благодаря сотрудникам Психологического института РАО активизировался

интерес ученых к теоретическим и прикладным аспектам проблемы смысла жизни в нашей стране. За последние 10 лет были рассмотрены содержательные характеристики феномена «смысла жизни» (В.Э.Чудновский) [31, 32], возрастной, акмеологический, профессиональный, социореабилитационный аспекты проблемы и др. (А.А.Бодалев, Г.А.Вайзер, Н.Л.Карпова и др.). Д.А.Леонтьев в своих работах осуществил всесторонний теоретический анализ смысловой реальности в целом, касающейся различных аспектов проблемы смысла, форм его существования в отношениях человека с миром и в структуре личности, в сознании и деятельности и т.д. Наиболее полной, всеохватывающей характеристикой человека, раскрываю-

щей неразрывное единство, целостность всех его качеств – «природных, социальных (social), общественных (societal), индивидуальных и т.д.», является категория субъекта [9, С.22]. Рассматривая фазы жизненного пути человека как субъекта «общественного поведения и познания», Б.Г.Ананьев выделяет наряду с социальной детерминацией, также смысловую, характеризуя ее как основу сознательных отношений личности к обществу [6]. Понимание личностью смысла окружающего мира обуславливается процессами межличностной коммуникации и происходит на основе учета социальных представлений как продуктов «самовыражения» группы. Общие «групповые смыслы» как идеальная форма сознания задают направление относительно свободного развития индивидов, но и предписывают соответствующие возрасту и социальному статусу роли, стереотипы социального поведения. Смысл как носитель (медиатор) идеальной формы (Л.С.Выготский, В.П.Зинченко) присваивается представителями каждой из социальных групп и переходит в субъективную и субъектную форму с определенным потенциалом реализации в процессе жизнедеятельности индивида.

Современный подход к изучению проблемы смысла жизни заключается в изучении конкретных ситуаций бытия человека, целостное понимание которых основывается на принципе взаимодействия (В.В.Знаков). Актуальные трансформации личностных структур обусловлены сложной регуляцией жизнедеятельности субъекта в постоянно изменяющейся действительности. Процесс активного конструирования себя в социальном мире противопоставляется пониманию адаптации личности как приспособлению к жесткой социальной структуре (Г.М.Андреева, Е.П.Белинская, О.А.Карабанова и др.). Способность личности предпочесть одну или другую систему социальных ориентаций, проявить себя представителем и функционером различных социальных общностей определяет социальную специфику ее самосознания (Б.Д.Парыгин). Понимание смысла окружающего мира обуславливается процессом межличностной коммуникации, происходит на основе учета социальных представлений как продуктов группы.

Для понимания социального поведения представителей страт приобретают особое значение именно типичные общие психологические характеристики. И «главными несущими элементами системы отношений чело-

века к социальному миру служат ценностные и смысложизненные ориентации», которые «определяют социальное взаимодействие людей», задают критерии оценки общества, определяют стратегию социальной жизни личности [3].

На сегодняшний день существует несколько подходов к изучению СЖО личности. Родоначальниками первого отечественного феноменологического подхода были В.Э.Чудновский, Н.Л.Карпова, Г.А.Вайзер и др. [12, 13, 31, 32]. В изучении смысла жизни исследователи выделили его общепсихологические и пространственные характеристики, отметили значительное влияние социального кризиса на структуру. Но предложенная процедура исследования (анкета) не позволяет дифференцировать неосознаваемые смысложизненные ориентации от актуально осознаваемых и поверхностных.

Следующий вариант, предложенный Д.А.Леонтьевым в методике МПС, лишен этих недостатков [21]. Он заключается в феноменологическом исследовании динамических смысловых систем. Направленный процесс актуализации целеполагания позволяет выйти за рамки актуальной ситуации, обнаружить глубинные смыслы, которые и задают траекторию самоосуществления личности в социуме. Но диалогическая природа проведения, длительность, отсутствие стандартизированной процедуры для содержательного анализа затрудняют применение данной методики в широких срезовых исследованиях.

Рассмотрим еще один вариант. Американские исследователи (Ebersole P. and oth.) с помощью эссе изучалось распределение смыслов в различных группах [35, 36]. Но концептуальное отождествление «смысла жизни» с «личным смыслом» изначально является, на наш взгляд, искажающим фактором, так как личностный смысл является субъективной эмоциональной формой отражения жизненного смысла конкретной реальности (Д.А.Леонтьев). Попытки искусственно преодолеть поверхностность выявляемых смыслов осуществляются исследователями с помощью внешних экспертов. Критериями глубины смысла были обозначены полнота, яркость ощущений индивидуального смысла, четкость, правдоподобность, нетривиальность, конкретность иллюстрирующих примеров (Meaning In Life Depth). Выделенные в результате исследования типы смыслов все же не охватывают всего смыслового поля – присутствует категория «разное». Изучение

ими новых групп, в частности молодежи, потребовало введения дополнительных категорий. То же наблюдалось при адаптации предложенной методики к русскоязычной выборке. Как отмечает Д.А.Леонтьев – кроме того, что смысловое содержание категорий существенно изменилось, также остался не поддающийся типологизации некоторый объем смыслового поля («разное»).

Последний из рассматриваемых в данном докладе подходов – это уже психометрический подход, осуществляемых в рамках Теста СЖО (Д.А.Леонтьев). Данный тест предоставляет возможность измерения интенсивности как осмысленности жизни в целом, так и отдельных, выделенных Д.А.Леонтьевым СЖО. Нами они обозначены как целевая ориентация, ориентация на эмоциональную насыщенность жизни, ориентация на результативность жизни, а также уровни интернальности по отношению к жизни и своей свободе выбора. Данная методика позволяет выявить степень реализованности жизненных смыслов на разных этапах жизни, но не раскрывает качественной специфики СЖО и социального контекста жизненных ситуаций.

Предлагаемая методика, разработанная в рамках унитарного подхода к изучению явлений сознания, представляет собой феноменологический вариант изучения качественного (содержательного) состава структур смысловых ориентаций личности (группы), отражающих наиболее важные жизненные отношения человека с миром. Теоретически обоснованная и экспериментально оформленная ситуация субъективации жизненных целей позволяет выявить актуальное содержание и динамику индивидуальных смыслов, а также определяет возможности конструирования субъектом новой иерархии смысловой сферы.

В процессе субъективации, представляющей особый тип интериоризации субъективно значимой информации в новой, критической ситуации (К.Н.Поливанова), у респондента возникает необходимость, по мнению Дж. Бюджентала, занять авторскую позицию по отношению к внезапно открывшейся (актуализованной) проблеме [8]. В этом случае эффективное разрешение возможного конфликта смыслов приводит к их выводу на реально либо потенциально осознаваемый уровень, к перестройке системы личностных смыслов, к преобразованию прежних связей (В.В.Столин, Б.В.Зейгарник, Ф.Е.Василюк, Г.В.Акопов и др.). Смысловая структура как

устойчивая система отношений человека к жизни является частью внутренней позиции и обеспечивает принятие или отвержение новой социальной позиции, а также амбивалентное отношение к ней. Объективная позиция (место в системе общественных отношений), как базовый элемент динамической системы социальной ситуации развития (О.А.Карабанова), отражает соответствие социальной позиции личности требованиям общества [1; 14; 16; 117; 26; 29].

В изучении качественной характеристики смысловой сферы различных социальных групп базовым явилось определение смысла жизни как краткой (концентрированной) нарративной характеристики или «интегральной динамической смысловой системы» (Д.А.Леонтьев), «ответственной» за общую направленность жизни субъекта (целевая доминанта). Как отмечает Д.А.Леонтьев, онтологический статус смысла жизни состоит в том, что он есть верховное смысловое образование личности, конституирующее всю смысловую сферу сознания. Возможности смысловой сферы личности в регуляции целостной жизнедеятельности субъекта обеспечивается всей совокупностью смысловых структур (Б.В.Зейгарник; В.В.Столин; Е.З.Басина; Е.Е.Насиновская). Многомерность, изменчивость жизненных отношений вызывает появление соответствующих смысловых образований, которые в свою очередь также имеют между собой определенные отношения, выражающиеся в структурных связях, но в совокупности представляют собой единое целое, не сводимое к сумме свойств составляющих элементов (А.Г.Асмолов; Г.В.Акопов; Б.М.Братусь; Ф.Е.Василюк; В.В.Столин; Субботский) [1; 7; 14; 16; 22; 23; 24; 29].

Сложность субъектно-объектной природы феномена смысла жизни обуславливает затруднения в его формулировке, нахождении центрального объяснительного понятия и выделении структурного основания смысла жизни. На наш взгляд, поскольку смысл порождается изначально жизнью (С.Л.Рубинштейн), а не значением (А.Н.Леонтьев; В.П.Козловский; Р.Х.Шакуров), субъектно-объектная природа смысла жизни обуславливается пересечением в нем сознания и бытия, идеального и реального, жизненных ценностей и бытийных возможностей их реализации (Ф.Е.Василюк). С возникновением жизненных отношений возникает жизненный смысл субъекта. Связь с человеческим миром, сращенность смыслов с жизненными

процессами человеческого существования проявляется в определении субъектом значений и смыслов объектов, событий, ситуаций. Если в первом случае проявляется простая связь между субъектом и единичным объектом, то смысл отражает более сложную связь между субъектом и комплексными объектами различного уровня (Б.С.Алишев). Интерпретация субъектом системы различных связей отражается в сознании в виде структуры смысложизненных ориентаций. В бытии данную интерпретацию возможно выявить в результате анализа взаимоотношений главных жизненных целей, представляющих собой возможность самоосуществления, самообъективации, реализации смысла жизни личностью. Целевая компонента главных жизненных целей обеспечивает осознанность и принципиальную достижимость самообъективации себя в бытии с возможностью ретроспективной оценки достигнутых результатов. Ценностная компонента обуславливает интенсивность переживаний в процессе объективации (Р.Х.Шакуров; А.О.Прохоров). Континиум «достижимости-недостижимости» создает необходимое напряжение для активности личности [4; 14; 19; 20; 27; 33].

Динамическая смысловая система представляет собой определенный уровень целостности, на котором феномен смысла жизни представлен во всей полноте взаимосвязи своих составляющих (структурные и качественные характеристики). Смысложизненные ориентации в нашем понимании – это высшие структурообразующие подсистемы динамической смысловой системы личности, которые репрезентируют структуру как качественно, так и количественно, а также определяют содержательное начало смысловой компоненты диспозиционной структуры личности. Смысложизненные ориентации характеризуются предельностью, транситуативностью, трансцендентностью, различной степенью осознанности.

Смысложизненные ориентации как сложные социально-психологические образования порождаются реальными значимыми жизненными взаимоотношениями субъекта и бытия, релевантны по отношению ко всему жизненному пути личности (включая прошлое, настоящее, будущее), придают устойчивость системе жизненных отношений, задают вектор и границы самореализации личности как субъекта жизненного пути через структурную организацию главных жизненных целей-ценностей. Таким образом, главные жизнен-

ные цели представляют собой уровень структурных компонентов смысложизненных ориентаций. Релевантность главных жизненных целей индивида по отношению ко всему жизненному пути личности обуславливает целостность и иерархичность смысложизненных ориентаций как подсистемы. Главные жизненные цели-ценности являются тем простейшим образованием, которое обладает специфичностью целого за счет фрагмента значения цели – личностного смысла, который, соответственно, является простейшим образованием, уже утратившим качественную определенность целого.

Типологизация элементов системы (целей-ценностей) и стандартизация процедуры для процессуального анализа содержательной интерпретации структур смысложизненных ориентаций как компонентов создает возможность обнаружить качественную и количественную специфику смысловой сферы различных социальных групп.

Эмпирическая модель ситуации субъективации жизненных целей, основывающаяся на модификации методики Р.Фрейджера, Дж.Фейдимена – «Жизненные цели», создает возможность более полного включения личности в процесс оценки, принятия и объективирования главных жизненных целей. Детализация процесса субъективации позволяет проследить содержательную актуальную динамику смыслов [30, С.118]. Процедура исследования представляет собой полужформализованное интервью. Испытуемым в порядке очередности на отдельных листах предлагаются следующие вопросы:

1 лист. Каковы мои жизненные цели? Главное в моей жизни?

«Записывайте все, что приходит в голову, независимо от того, насколько вам это кажется общим или конкретным, абстрактным, или тривиальным. Дайте себе еще две минуты, чтобы посмотреть список, дополнить, исправить что-либо. Отложите этот лист в сторону».

2 лист. Как бы я хотел(а) провести ближайшие три года (идеальные условия)?

«Постарайтесь потратить две минуты на ответ и еще две минуты на просмотр, проверить (дополнить) список. Это поможет вам уточнить ваши цели, наметить их более определенно, чем в первом вопросе. Отложите и этот лист».

3 лист. Если бы я узнал (а), что мне осталось жить шесть месяцев с сегодняшнего дня, как бы я их прожил(а)?

«Цель этого вопроса – выяснить, нет ли чего-то, что важно для вас, но чего вы не делаете или о чем вы даже не думаете. Пишите две минуты и еще две минуты на просмотр».

4 лист. Выпишите три самые важные цели из тех, которые кажутся вам наиболее важными из всех, ранее записанных.

«Сравните ваши листы. Есть ли какие-то темы проходящие через различно названные вами цели. Относятся ли все ваши цели к какой-то одной категории? Есть ли одинаковые цели на всех трех листах? Отличаются ли чем-то от всех других цели, которые вы выбрали в качестве наиболее важных?»

Вопросы полужформализованного интервью задают структуру ситуации субъективации жизненных целей. Каждый из них соотносим со следующим смыслом ситуации:

- 1) актуальная жизненная ситуация;
- 2) заданная идеальная ситуация;
- 3) ситуация экзистенциальной фрустрации;
- 4) ситуация активизации субъектности по отношению к своему жизненному пути.

В основе данного подхода лежит положение о том, что высший уровень активности субъекта (индивидуализировано для каждого) обнаруживается по отношению к предшествующим собственным проявлениям его как личности (А.В.Брушлинский). Таким образом, данная структура интервью создает предпосылки для возникновения процесса активизации субъектности респондента по отношению к своему жизненному пути, что позволяет данную процедуру обозначить как ситуацию субъективации жизненных целей. Как отмечают Л.С.Выготский, Б.В.Зейгарник, К.Обуховский, Д.А.Леонтьев, В.Э.Чудновский, В.К.Вилюнас, В.В.Столин, Ф.Е.Василюк, именно способность личности встать над ситуацией и изменить ее психологический смысл для себя позволяет процессу осознания смысла – «смыслообразования» выйти на следующий, более высокий уровень. Так как процесс субъективации предполагает выведение на осознаваемый уровень присвоенных ранее интерпсихологических отношений, то при данной процедуре построения опроса возможно выявление как актуально осознаваемых, так и потенциально осознаваемых и неосознаваемых явлений [9; 14; 15; 16; 22; 23; 25; 29; 32].

В результате постановки второго, третьего и четвертого вопросов процесс сознания субъектом своего самоосуществления выходит за рамки актуальной жизненной ситуации. В ситуациях, заданных первым и вторым вопросом, зачастую произвольному контролю подвержена только фаза выбора – принятия решения, но фаза его подготовки, выражаемая во взвешивании альтернатив, не производится. В данных симультанных (свернутых) решениях (А.В.Карпов) для компонен-

тов выбора в большинстве случаев используются уже готовые, сформированные в ходе освоения жизнедеятельности. Поскольку принятие решений такого рода большей частью не сопровождается поисковыми, оценочными действиями, то они часто не ведут к изменениям способа самоосуществления. Процесс принятия решений по выбору главных жизненных целей преимущественно осознается частично [18].

Переход от второго вопроса к третьему вопросу создает ситуацию, способствующую принятию респондентом критических, деятельностно-необратимых решений [16, С.78]. В результате возникает смысловой конфликт: конфликтный смысл как единица сознания рождается, когда сталкиваются реализация одного мотива и одновременно существует препятствие к реализации другого – переход от второго к третьему вопросу. Появляется необходимость рефлексивного самосознания, решения задачи на смысл. В ситуации конфликта смыслов все содержание процесса субъективации подчиняется цели нахождения и принятия решения в моделируемой критической ситуации. Происходит трансформация, переструктурирование, переключение на выработку решения. Это обуславливает возникновение нового качества – деятельностной необратимости, качественно отличая от иных типов принятия решений. Этот тип А.В.Карпов определяет как сукцессивные (развернутые) решения [18].

Зачастую в ситуации кризиса смыслов индивид принимает специфический тип решения – «ухода» при объективной необходимости принятия решений и субъективном желании исключения данного процесса. Процесс может варьироваться от неосознанного пропуска ситуаций неопределенности до «изощренного» поиска путей обхода этих ситуаций» [16, С.72].). Это является специфической реакцией субъекта на возникновение ситуаций неопределенности или на возможность их возникновения. Обозначенное явление элиминации обладает мощным динамическим потенциалом, мотивируя выбор стратегий, минимизирующих возможное количество актов выбора.

Инклюзивные решения сводятся к максимизации включения в реализацию оправданных / неоправданных дополнительных ситуаций принятия решений, необязательных с точки зрения «систем внешних детерминант и условий» [18, С.74]. Их основная задача в повышении меры

субъективного контроля, поддержании желательного уровня активности.

Четвертый вопрос в полной мере актуализирует необходимость дистанцирования от актуальной и моделируемых ситуаций, требует принятия активной субъектной позиции и соответственно, сознательной рефлексии на весь жизненный путь в целом. Принятие решений в ситуации активизации субъектности по отношению к своему жизненному пути также большей частью относятся к сукцессивным. Они характеризуются осознанностью и произвольностью контроля собственного выбора, процесса формирования новых целей. Поскольку вербализация смысла гораздо шире, чем производные смыслы, а стоящий выше невербализованный смысл истиннее (В.К.Вилюнас), то в результате процесса субъективации возможна перестройка системы личностных смыслов, преобразование прежних связей (В.В.Столин). «Достраива-

ние» новых смысло-жизненных ориентаций происходит посредством выведения их на потенциально осознаваемый уровень. В таком случае предыдущие цели занимают место подчиненных, частных смысловых образований, производных от смысло-жизненных ориентаций (Е.З.Басина). В результате возможно выделение уровней актуального сознания, потенциального сознания и бессознательного, которые выражают жизненную направленность субъекта – динамическую смысловую структуру (Г.В.Акопов). Таким образом, сознание «конструирует смыслы, а не находит их в окружающем мире. Именно в этом конструировании сознание проявляет свою свободу» (В.М.Аллахвердов). Тем самым реализуется динамическая взаимосвязь жизненных отношений субъекта с бытием, смысло-жизненных ориентаций с социальными ситуациями развития субъекта [1; 5; 7; 15; 29].

Таб.1. Кодировочная таблица

№	СЖО (смысловые тематические единицы анализа)	Цели – ценности (эмпирические единицы смыслового поля)
1.	Саморазвитие	Вера, духовный рост, самосовершенствование, самоутверждение, творчество, стремление к уединению
2.	Означивание ценности жизни	Избегание смерти, надежда, подготовка к смерти, примирение со всеми, страх смерти, оставить добрую память, умолчание, не беспокоить близких
3.	Самореализация	Для России, завершение дел, свое дело, независимость, образование, полезность обществу, решение проблем человечества, профессия, работа, успех
4.	Статус	Карьера, власть, известность в определенном кругу
5.	Частная жизнь	Близкий человек, брак, внуки, дети, животные, здоровья, избегание одиночества, квартира, дом, любовь, место в жизни, помощь близким, родители, семья, счастье
6.	Гедонизм	Активный отдых, друзья, круиз, машина, яхта и т.д., удовольствия, физическое развитие, общение, деньги
7.	Стабильность	Как всегда, обычно, стабильность
8.	Деструктивность	Деструктивные цели

В результате контент-анализа главных жизненных целей путем подсчета частоты упоминаний респондентам целей-ценностей выделяются тематические единицы анализа в соответствии с кодировочной таблицей (см. таб.1). В сводных таблицах частота признака формулируется как количество выборов данных целей-ценностей из смыслового поля выделенной тематической единицы, что позволяет рассматривать показатели объема смысловой сферы сознания. Поскольку результирующей контент-анализа является номинальная шкала, то в последующем для статистической обработки используются таблицы сопряженности, критерий Pearson Chi-square в дополнении с Fisher's Exact Test, что позволяет проанализировать качественную спе-

цифику тематических единиц. Выделенные смысловые тематические единицы, характеризуя совокупное смысловое поле, представляют собой виды смысло-жизненных ориентаций целостной смысловой сферы. В результате первичного анализа эмпирических единиц смыслового поля было выделено 49 классификационных категорий как первичных единиц анализа. С помощью метода экспертной оценки (В.А.Ядов) была получена измерительная шкала для выявления смысловых тематических единиц анализа: 1) Саморазвитие. 2) Означивание ценности жизни – ОЦЖ. 3) Самореализация. 4) Статус, стремление к более высокой позиции. 5) Частная жизнь. 6) Гедонизм как самореализация через положительные эмоции. 7) Стабильность,

социальный гомеостаз. 8) Деструктивность как достижение целей посредством ауто- и интраагрессии. 9) В результате экстенционального анализа взаимоотношений смысловой сферы как целого родового понятия и смысло-жизненных ориентаций как видового имеется возможность на основе качественно-количественной обработки определять смысловую систему, как индивида, так и группы в форме структуры смысло-жизненных ориентаций.

В зависимости от количественной выраженности данных категорий выявляется их структурная композиция для каждой экспериментальной ситуации. Транситуативная устойчивость или подвижность смысло-жизненных ориентаций в рамках ситуации субъективации жизненных целей позволяет рассмотреть структурно-динамические характеристики смысловой сферы. Надежность методики проверялась с помощью ретестирования трижды с периодом в один год на совокупной выборке $n=1280$ в возрастном диапазоне от 16 до 75 лет. Результаты оказались устойчивыми при $p \leq 0,01$ [11].

В результате последующего сравнительного анализа структур смысло-жизненных ориентаций подростков и других возрастных групп удалось выделить общее и особенное в смысловой сфере. Ведущее положение в структурах смысло-жизненных ориентаций в процессе субъективации занимают смысло-жизненные ориентации на частную жизнь, самореализацию. Причем системообразующей является ориентация на частную жизнь. Смысло-жизненная ориентация на самореализацию отражает процесс становления социального самоопределения: рост показателей отмечается, начиная с группы учащихся 11 – 13 лет, достигает максимальных значений к периоду поздней юности и впоследствии стабилизируются. Сущностная интенциональность указанных смысло-жизненных ориентаций обеспечивает осмысленность существования субъектов жизненного пути. Гедонистическая ориентация в процессе филогенеза несколько снижает свою значимость.

В ситуации субъективации жизненных целей для всех возрастных групп ведущими являются ориентации на самореализацию, на частную жизнь, на гедонизм. Если для групп молодежи 14 – 15 и 16 – 20 лет приоритетна ориентация на самореализацию, то для учащихся 11 – 13 лет – это ориентация на гедонизм. У всех остальных групп (ранней, средней, поздней зрелости) на приоритетных позициях располагается ориентация на частную

жизнь. Для учащихся 14 – 15 лет по сравнению со всеми другими возрастными группами ориентация на самореализацию является наиболее важной. Ориентация на самореализацию у молодых людей 16 – 20 лет также является приоритетной, но количество повторных выборов тех же жизненных целей меньше. В структуре смысло-жизненных ориентаций учащихся 11 – 13 лет приоритетные позиции занимает гедонистическая ориентация, характеризующаяся большим количеством повторных выборов, тогда как в рамках ориентации на самореализацию эта цель более не отмечается. Вторую позицию в эмпирически выявленной структуре во всех группах молодежи занимает ориентация на частную жизнь, но количество повторных выборов этой жизненной цели у подростков 14 – 15 лет значительно меньше. В возрастной группе ранней зрелости и далее ориентация на частную жизнь занимает приоритетные позиции. Ориентация на самореализацию в этих группах остается в разряде ведущих. Ориентация на гедонизм структурно совпадает во всех возрастных группах, за исключением группы ранней юности. Средние позиции во всех структурах возрастных групп занимает ориентация на саморазвитие, качественных различий по сравнению с группой 14 – 15-летних не отмечается.

Исследование динамической структуры смысло-жизненных ориентаций в ситуации субъективации жизненных целей позволяет получить более широкий спектр различий ориентаций групп учащейся молодежи по сравнению с тем, что дает использование теста смысло-жизненных ориентаций (Д.А.Леонтьев). Уровень осмысленности жизни и все его составляющие (ориентации на цель, эмоциональную насыщенность жизни, результативность жизни, интернальность по отношению к жизни и своей свободе выбора) у социально-интегрированных групп учащихся школ, а также профессионального лицея и колледжа (по $n=80$) находятся в пределах нормы. Различия при $p \leq 0,01$ выявлены только в качественной специфике структуры смысло-жизненных ориентаций: у юношей колледжа (средне-специальное образование) место в структуре СЖО ориентации на статус (положение в обществе) выше, чем у учащихся общеобразовательных школ; у девушек профессионального лицея (начальное профессиональное образование) ориентация на частную жизнь ниже, чем у школьников. К периоду окончания юношами профессионального лицея отмечаются качественные изменения в динамической

структуре смысложизненных ориентаций – происходит смена приоритета: ориентация на самореализацию заменяется ориентацией на частную жизнь. Это связано с увеличением частоты повторных выборов жизненных целей в структуре ориентации на частную жизнь и снижением частоты для ориентации на самореализацию. В актуальной жизненной ситуации у юношей возрастает ориентация на статус (положение в обществе) [22; 23]. Структурно-динамические характеристики системы смысложизненных ориентаций также имеют свои отличия у различных групп учащейся молодежи (таб.2, 3, 4). Для социально-интегрированных групп (таб.2) характерна трансситуативная подвижность ведущих смысложизненных ориентаций на самореализацию и частную жизнь. Устойчивость ведущих позиций ориентаций на самореализацию и частную жизнь связана с наличием повторных выборов жизненных целей в рамках этих ориентаций. Социально-аномированных уча-

щихся (таб.3), состоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних, отличает структурная ригидность ведущих смысложизненных ориентаций на гедонизм и деструктивность, трансситуативная устойчивость смысложизненной ориентации на стабильность. Динамическая система смысложизненных ориентаций юношей, находящихся в заключении, характеризуется противоречием приоритетов позиций смысложизненных ориентаций в процессе субъективации (таб.4). В ситуации активизации выбора ведущие позиции занимают ориентации на частную жизнь, самореализацию и означивание ценности жизни. В ситуациях, предполагающих меньшую субъектную включенность, приоритетную позицию в структуре целей занимает трансситуационная ориентация на стабильность. Гедонистическая смысложизненная ориентация входит в ранг ведущих только в идеальной ситуации, существенно снижая позиции ориентации на частную жизнь.

Таб. 2. Динамика структуры СЖО юношей – учащихся 1 курса профессионального лицея

Актуальная жизненная ситуация	Заданная идеальная ситуация	Ситуация экзистенциальной фрустрации	Ситуация активизации субъектности
Самореализация *	Гедонизм	Гедонизм	Самореализация*
Гедонизм	Самореализация	ОЦЖ	Гедонизм
Частная жизнь	Частная жизнь	Частная жизнь	Частная жизнь
Статус Стабильность Деструктивность	Стабильность	Деструктивность	Стабильность
	Статус	Стабильность	Саморазвитие
	Деструктивность	Самореализация	ОЦЖ Статус
		Саморазвитие	

* – присутствуют повторные выборы целей

Таб.3. Динамика структуры СЖО социально-аномированных юношей

Актуальная жизненная ситуация	Заданная идеальная ситуация	Ситуация экзистенциальной фрустрации	Ситуация активизации субъектности
Гедонизм	Гедонизм	Гедонизм	Гедонизм
Частная жизнь	Деструктивность	Деструктивность	Деструктивность
Деструктивность	Стабильность	ОЦЖ	Стабильность
Самореализация	Самореализация	Частная жизнь	Статус
Стабильность	Саморазвитие	Стабильность	Самореализация
Статус			Частная жизнь
			Саморазвитие

Таб.4. Динамика структуры СЖО юношей – воспитанников колонии

Актуальная жизненная ситуация	Заданная идеальная ситуация	Ситуация экзистенциальной фрустрации	Ситуация активизации субъектности
ОЦЖ	Стабильность	Стабильность	Частная жизнь*
Самореализация*	Гедонизм	ОЦЖ	Самореализация
Частная жизнь	Частная жизнь	Частная жизнь, Гедонизм	ОЦЖ
Стабильность	Самореализация	Самореализация	Стабильность
Гедонизм	ОЦЖ	Саморазвитие	Саморазвитие. Статус. Гедонизм
	Саморазвитие	Деструктивность	

* – присутствуют повторные выборы целей

Исследования молодежи ранней и поздней юности (№05-06-26606/В РГНФ, 2005), позволило нам выявить влияние возраста, гендера, потребительского статуса и образовательного уровня на динамическую структуру СЖО молодежи с 15 до 25 лет (N =950). Возрастную группу молодежи 15 – 20 лет отличает наличие в структуре СЖО ориентации на саморазвитие, а группу 21 – 25 лет – на частную жизнь. Для ранней юности сегодня актуальна СЖО на статус, а для поздней юности – на стабильность как желание иметь прочное, предсказуемое положение в жизни. Социальные психотравмирующие ситуации (заданная ситуация экзистенциальной фрустрации), несмотря на приоритетность для обеих групп СЖО на гедонизм, сильнее оказывают влияние на группу ранней юности.

Отмечается незначительное влияние гендера на динамическую структуру СЖО молодежи. Так, в актуальной жизненной ситуации и ситуации активизации субъектности присутствует структурное совпадение ведущих социально-типичных СЖО на самореализацию, частную жизнь и гедонизм у обеих групп. Тем не менее, девушек в актуальной жизненной ситуации значимо отличает СЖО на самореализацию, а юношей на стабильность и тенденция к СЖО на деструктивность. В ситуациях, где менее всего проявляется учет социальной желательности (в заданной идеальной и заданной ситуации экзистенциальной фрустрации), приоритетную позицию в структуре СЖО девушек занимает ориентация на частную жизнь, а у юношей – на гедонизм.

Происходящая стратификация нашего общества в соответствии с материальным критерием затрагивает молодежь, преимущественно, как потребителей. При выделении групп, исходя из уровня среднего достатка в семье, также наблюдаются различия в структурах СЖО. В актуальной жизненной ситуации у групп с низким средним и выше среднего уровнем потребления приоритетной является СЖО на самореализацию, а для молодежи с высоким уровнем потребления – СЖО на частную жизнь. Ориентация на гедонизм структурно совпадает у всех групп. У менее обеспеченной группы молодежи в актуальной жизненной ситуации СЖО на статус более значима; а в заданной идеальной ситуации отмечается тенденция к предпочтению СЖО на самореализацию. СЖО на саморазвитие, несмотря на слабую выраженность, присутствует у всех групп, кроме группы с

высоким уровнем достатка. В ситуации заданной экзистенциальной фрустрации группу молодежи со средним достатком, по сравнению с группой с низким уровнем дохода, значительно отличает большее количество жизненных целей в рамках СЖО на самореализацию. Ситуация активизации субъектности подтверждает большую важность СЖО на самореализацию и статус для группы молодежи с низким уровнем потребления, тогда как для других групп – это СЖО ориентация на частную жизнь.

В группах молодежи, выделенных в соответствии с образовательным статусом (незаконченным средним, средним, незаконченным высшим, высшим) наблюдается наибольшее количество качественных различий в структурах СЖО. В актуальной жизненной ситуации ведущими для большинства являются социально-типичные ориентации на самореализацию, частную жизнь и гедонизм, лишь получившие высшее образование предпочитают СЖО на частную жизнь. Структуру СЖО групп молодежи, получающих среднее образование, отличает срединное положение СЖО на статус. Ориентированных на высшее отличает полное структурное совпадение СЖО на саморазвитие, стабильность, означивание ценности жизни. Для не закончивших свое образование (среднее или высшее) более важной является СЖО на самореализацию. «Уход» из заданной ситуации экзистенциальной фрустрации молодежь с незаконченным средним образованием осуществляет в направлении СЖО на стабильность и гедонизм, тогда как молодежь со средним образованием значимо отличает СЖО на деструктивность. Ситуация активизации субъектности подтверждает высокую значимость СЖО на статус для молодежи с незаконченным средним и средним образованием, а на самореализацию – для всех, кроме получивших высшее образование. И здесь уже наблюдается нарастание значения СЖО на частную жизнь от тенденции до значимых различий для групп, ориентированных на высшее образование. Нарастание различий в смысловых ориентациях молодежи с высшим образованием обнаруживает и Тест СЖО Д.А.Леонтьева – все показатели, кроме Локуса-контроля жизнь снижены по сравнению с таковыми у молодежи с незаконченным средним, а по ориентации на результат эти различия достигают статистической значимости.

Таким образом, ситуация субъективации жизненных целей позволяет выявить особенности динамической структуры смысложизненных ориентаций различных возрастных групп, раскрывающие характер их интеграции (дезинтеграции) в обществе. Поскольку источник субъектной активности находится в самом процессе взаимодействия с миром, то постоянное конструирование себя и социального мира на основе своего к нему отношения вызывает изменение отношений личности, трансформацию ее целостных многоуровневых смысловых структур (Д.А.Леонтьев, В.Э.Чудновский, Г.В.Акопов, Б.С.Алишев). Эта модификация, в свою очередь, обуславливает становление новой субъектности. Перенос «точки активности» (А.В.Брушлинский) только вовне («предметизация» смысла жизни по К.Обуховскому), либо только вовнутрь личности является признаком дезадаптации. Отклонение от общечеловеческих ценностей сопровождается переживанием бессмысленности своего существования (В.Франкл, К.Обуховский). Устойчивость и длительность таких переживаний обусловлены в большей мере смысловой организацией сознания, чем актуальной социальной ситуацией (В.Франкл, Р.Х.Шакуров, А.О.Прохоров). Отражение в социальных представлениях групп общих целей и ценностей (Г.Г.Дилигенский, А.В.Брушлинский, А.Л.Журавлев), установок и ориентаций (Г.Е.Зборовский, Т.П.Орлов) практически однозначно отличает разные общности, социальные группы (Н.Н.Богомолова, А.И.Донцов, Т.В.Фоломеева). Способность личности предпочесть одну или другую систему социальных ориентаций, проявить себя представителем и функционером различных социальных общностей определяет социальную специфику ее самосознания (Б.Д.Парыгин) [1; 4; 9; 22; 23; 25; 27; 32; 33].

Разделяя понятия общественного и социального, А.В.Брушлинский отмечает противоречивость индивида как субъекта – он неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим. Это обуславливает многообразие социальности, которая, вне зависимости от степени проявления ее общественной полезности, выражается в различных формах (индивидуальной, групповой, национальной и т.д.). Поэтому, как ни парадоксально, даже противоправное поведение является социальным. Как целостная социальная система общество может функционировать в результате интеграции при существ-

вовании продолжительных, упорядоченных, типичных связей между его элементами. Когда оценка личностью ситуации не совпадает с общественными или групповыми нормами и ценностями, возникают конфликты, приводящие личность сначала к дезадаптации, а в конечном итоге и к «социальной дезинтеграции» (О.А.Тихомандрицкая). В таком случае общество предлагает принудительный механизм адаптации к своим нормам и требованиям. Неспособность осуществлять жизненный выбор, утрата чувства субъектности приводят личность к «социальной дезинтеграции» (О.А.Тихомандрицкая). Таким образом, общие смысложизненные ориентации, обладающие свойствами системности, трансситуативности, предельности, могут выступать характеристикой сознания определенных социальных групп.

Литература:

1. *Акопов Г.В.* Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа. Самара, 2002.
2. *Акопов Г.В., Быкова Н.Л.* Смысложизненные ориентации как социально-специфическая характеристика группового сознания. // Смысл жизни. Педагогика. Психология. Самара, 2005.
3. *Акопов Г.В., Горбачева А.В.* Социальная психология студента как субъекта образовательного процесса. М., 2003.
4. *Алишев Б.С.* Психологическая теория ценности (системно-функциональный подход): Автореф. дис. канд. психолог. наук. Казань, 2002.
5. *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. СПб., 2000.
6. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977.
7. *Басина Е.З.* Идентификация с другими как механизм формирования смысловой сферы личности: Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1986.
8. *Братченко С.Л.* Экзистенциальная психология глубинного общения. М., 2001.
9. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта / Отв. ред. проф. В.В.Знаков. М.; СПб., 2003.
10. *Быкова Н.Л.* К проблеме смысложизненной ориентации молодежи. // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. В 25 – 28 июня 2003 г.: В 8 т. СПб, 2003. Т.1.
11. *Быкова Н.Л.* Специфика смысложизненных ориентаций различных групп учащейся молодежи в ситуации субъективации жизненных целей: Дис....канд.психолог. наук. Самара, 2005.
12. *Вайзер Г.А.* Представления школьников о «смысле жизни» и «акме» человека // Современные проблемы смысла жизни и акме: Материалы VI – VII симпозиумов. Москва-Самара, 2002.
13. *Вайзер Г.А.* Смысл жизни и возраст // Смысл жизни как психологическая реальность // Психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни: Материалы I – II симпозиумов. М., 1997.
14. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М., 1984.
15. *Виллонас В.К.* Теория деятельности и проблемы

- мотивации // А.Н.Леонтьев и современная психология / Под ред. А.В.Запорожца и др. М., 1983.
16. *Зейгарник Б.В.* Патопсихология. М., 1986.
  17. *Карабанова О.А.* Социальная ситуация развития ребенка: структура, динамика, принципы коррекции: Автореф. дисс.доктора психол.наук. М., 2002.
  18. *Карпов А.В.* Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. Ярославль, 2000.
  19. *Козловский В.П.* Культурный смысл: генезис и функции. Киев, 1990.
  20. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М., 1977.
  21. *Леонтьев Д.А.* Методика предельных смыслов (МПС). М., 1999 .
  22. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999 б.
  23. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций. М., 1992.
  24. *Насиновская Е.Е.* Методы изучения мотивации личности. М.; 1988.
  25. *Обуховский К.* Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб., 2003.
  26. *Поливанова К.Е.* Особенности психического развития в периоды возрастных кризисов. // Психология развития / Под ред.Т.Д.Марцинковской. М., 2001. С. 264 – 307.
  27. *Прохоров А.О.* Смысловая детерминация психических состояний. // Психология психических состояний: Сб. статей. Вып.5 / Под ред. проф. А.О.Прохорова. Казань. 2004. С.11 – 25.
  28. *Стефаненко Т.Г.* Социальная психология в культурно-исторической перспективе // Социальная психология в современном мире: Учебное пособие для вузов / Т.Л.Алавидзе, Г.М.Андреева, Е.В.Антонюк и др.; Под ред. Г.М.Андреевой. А.И.Донцова. М., 2002. С.27 – 41
  29. *Столин В.В.* Самосознание личности. М., 1983.
  30. *Фрейджер Р., Фейдмен Дж.* Психология личности. СПб., 2004.
  31. *Чудновский В.Э.* Проблема структуры смысла жизни как психологического феномена // Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни: Материалы III – V симпозиумов / ПИ РАО. Под ред. В.Э.Чудновского. М., 2001. С. 156 – 164.
  32. *Чудновский В.Э.* Пятилетие поиска // Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни: Материалы III – V симпозиумов / ПИ РАО. Под ред. В.Э.Чудновского. М., 2001. С. 11 – 22.
  33. *Шакуров Р.Х.* Личность: психогенез и воспитание. Казань, 2003.
  34. *Эльконин Б.Д., Зинченко В.П.* Психология развития (по мотивам Л.Выготского) // www.psychology.ru © 2000.
  35. *Ebersole P., De Volge K.L.* Meaning in life: category self-ratings // J. of Psychology. 1981.Vol.107. P.283 – 293.
  36. *Ebersole P., Quiring G.* Meaning in Life Depth: The MILD //Journal of Humannistic Psychology, Vol.31. - 1991. No.3. P.113 – 124.

Роль рефлексивного механизма в формировании экзистенциальных смыслов личности

В.Г.Аникина, г. Москва

В современном обществе всё более актуальной становится проблема оказания психологической помощи и поддержки людям, находящимся в критических проблемно-конфликтных ситуациях, в которых личность сталкивается с проявлением внутренних противоречий между ценностно-смысловыми образованиями – высшими (экзистенциальными) смыслами (смысла жизни, смерти, ответственности, любви, долга и т.д.) и необходимостью разрешения данных противоречий.

Анализ работ по исследованию смысловой сферы личности (А.Н.Леонтьев, А.Г.Асмолов, Б.С.Братусь, В.П.Зинченко, В.Т.Ганжин, Д.А.Леонтьев, А.В.Суворов, Г.Л.Тулчинский, В.Э.Чудновский и др.) показал, что как смысл жизни, так и другие экзистенциальные смыслы - осваиваются, то есть наполняются новым содержанием (в отличие от других смыслов) в течение жизни субъекта, оттачиваются в сознании и обрабатываются применительно к различным жизненным ситуациям [4]; экзистенциальные смыслы конкретизируются, воплощаются в типовых жизненных ситуациях и оголяются в особых ви-

дах ситуаций - проблемно-конфликтных [2]; формирование экзистенциальных смыслов связано с рефлексивной работой личности (К.Юнг, М.К.Мамар-дашвили, Н.А.Бердяев, С.Л.Рубинштейн, К.А.Абульханова, Д.А.Леонтьев, В.И.Слободчиков, А.М.Лобок и др.). Как отмечает Д.А.Леонтьев [6] рефлексия включена в динамическую смысловую систему личности, ей отведена центральная роль в процессах: смыслоосознания, смыслообразования и смыслостроительства [6].

В работах Г.С.Абрамовой [1], Ф.Е.Васильюка [5], А.Ленгле [7], и др. отмечается, что одним из ведущих механизмов, обуславливающих эффективность разрешения сложных, жизненных ситуаций является рефлексия. Анализ отечественных экспериментальных работ по рефлексивной проблематике показывает, что изучение рефлексии, в целом, осуществляется в четырёх аспектах: кооперативном, коммуникативном, личностном и интеллектуальном [10]. Помимо четырёх аспектов изучения рефлексии, И.Н.Семеновым (1990) был так же выделены ещё два вида – экзистенциальная и культураль-

ная, как составляющие личностной рефлексии. Причём под *экзистенциальной рефлексией* понимается процесс осознания, переосмысления и коррекции субъектом целостного образа, личностных оснований (экзистенциальных смыслов) и противоречивости существования в пространстве субъективного развития (Аникина, Семёнов, 2002). Экзистенциальная рефлексия – рефлексия, предметом которой являются высшие смыслы личности.

Необходимо отметить, что экспериментальные исследования экзистенциального аспекта рефлексии, изучение роли данного вида рефлексии в формировании и освоение экзистенциальных смыслов и прежде всего смысла жизни, практически отсутствуют как в отечественной, так и зарубежной психологии [3]. Поэтому стало актуальным организация и проведение такого рода исследований, которое и было нами осуществлено. В своём исследовании мы предполагали, что в процессе решения личностью проблемно-конфликтных ситуаций (ПКС) происходит осознание, переосмысление и коррекция экзистенциальных смыслов личности благодаря многофункциональному проявлению рефлексивного механизма.

В целях получения диагностического инструментария для адекватной регистрации личностно-рефлексивного процесса и валидных показателей его проявления, нами была осуществлена модификация метода содержательно-смыслового анализа дискурсивного мышления результатом, которой стала методика рефлексивно-функционального анализа текста [2]. Целью данной методики является выявление и качественная оценка функционального проявления рефлексии и уровня разрешения личностью ПКС экзистенциально-личностного характера.

Базовым для применения данного метода является лабораторный эксперимент. Для его осуществления нами были разработаны тексты заданий – ситуации экзистенциального характера, разрешение которых (в экспериментальную серию входило четыре ситуации) позволило бы зафиксировать проявление рефлексивного механизма. Разработка стимульного материала потребовало выполнения строгих условий – во-первых, в сюжете ситуации должно быть заложено противоречие между различными экзистенциальными смыслами, такими как: жизнь, смерть, долг, ответственность, свобода, справедливость, развитие, во-вторых, ситуации не должны

вызывать «узнавания» то есть в них должна быть максимально осуществлена нивелировка прошлого опыта. Идея нивелировки прошлого опыта за счёт использования заданий с максимальным отвлечением от жизненной практики была использована Я.А.Пономарёвым в его работах по исследованию решений творческих задач [8]. Выполнение второго требования потребовало обращения к сюжетам фантастического характера, что в большей степени увеличивала вероятность получения рефлексивных решений.

Отметим, что под понятием *ситуация экзистенциально-личностного характера* мы подразумеваем ситуацию в ходе разрешения которой личность сталкивается с проявлением противоречий между своими ценностно-смысловыми образованиями – высшими смыслами и необходимостью разрешения данных противоречий [2]. Приведём примеры экспериментальных ситуаций.

Ситуация 1.

«Вы находитесь на борту космического корабля, который летит на протяжении уже двадцати лет к неизведанной звёздной системе. В течение полёта происходят трагические события – многие люди не выдерживают ситуации – бросаются в топливные отсеки и погибают. Однажды Вы обнаруживаете, что за членами экипажа ведётся наблюдение извне и вы понимаете, что вся эта экспедиция – земной эксперимент. Что Вы предпримете в данной ситуации?»

Ситуация 2.

«Вы являетесь одним из двух космонавтов, находящихся на космическом корабле. На борту случилось ЧП – вышло из строя управление корабля. По приказу центра управления всем космонавтам необходимо срочно эвакуироваться. Однако выяснилось, что одно спасательное устройство не может быть использовано. Вам необходимо принять решение о дальнейших действиях в данной ситуации».

Участникам исследования предъявлялась инструкция: «Внимательно прочитайте предложенную вам ситуацию и постарайтесь разрешать её вслух». Все решения записывались на диктофон и затем протоколировались в виде текста. Поскольку каждое высказывание в полученном тексте несёт смысловую нагрузку, то обработка начиналась с выделения в нём набора смысловых единиц. К таким смысловым единицам были отнесены: 1) Остановка («Я не знаю, что мне делать!»). 2) Эмоциональная реакция («Жутко!», «Я очень переживаю!»). 3) Определение ситуации («Это – ситуация выбора для меня»). 4) Обращение к себе («Как выстрелить в человека?»). 5) Предполагаемое личностное со-

стояние («Я бы в этой ситуации очень испугалась»). 6) Характеристика личности, оценка себя («Трусиха!», «Я человек долга...»). 7) Жизненный опыт («Было так же, когда я меняла решения...»). 8) Личные знания о людях («В таких ситуациях люди теряются...»). 9) Ценности личности («Жизнь для меня – самое ценное!»). 10) Экзистенциальные смыслы («Живи достойно», «Надо жить справедливо»). 11) Интеллектуальные знания «В любом корабле есть аппаратура слежения». 12) Личностные решения («Я буду продолжать учиться, чтобы развиваться»). В текстах решений нами были выделены различные виды личностных решений: а) решения, включающие в себя «рекомендации» для самой личности, мотивирующие её на осуществление работы по изменению своих ценностей, мировоззрения, представлений и т.д. Это решения. Которые отражают процесс «появления» нового видения личностью самой себя, сменой отношения к себе. Например, «Я должна стать более ответственной. Мне нельзя прощать зло»; б) решения, связанные с необходимостью изменения отношения субъекта к другим людям. Например, «Я должна внушить надежду людям»; в) решения, связанные с необходимостью изменений межличностных отношений между различными людьми. Например, «Эти люди должны поверить друг другу». 13) Интеллектуальные решения («Я выведу приборы из строя»). 14) Решения за «Других» («Космонавты поступят так...»). 15) Рефлексивное расширение ситуации («Скорее всего там ещё есть возможность спастись...»). 16) Смена рефлексивных позиций: а) Я-Я (*личность рефлексивует себя «строит своё представление о самой себе»*); б) Не-Я (*личность строит «иной образ». Например, «Экспериментаторы подумали и решили...»*); в) Я-Другой (*личность осуществляет достройку своего образа в рамках новой роли. Например, «Я учёный и поэтому буду думать так ...»*); г) Субпозиция Я-здесь – Я-там (*личность меняет своё нахождение (место) в ситуации. Например, «Находясь там я смогла бы...»*). 17) Новые личностные смыслы. «А ведь неважно иметь всё, главное – иметь чистую совесть!».

Далее в соответствии с алгоритмом выполнения методики рефлексивно-функционального анализа текста, осуществлялась группировка отдельных смысловых единиц как показателей проявления функций рефлексии. Структурный анализ и обобщение полученно-

го в экспериментальном исследовании эмпирического материала позволил нам выделить шесть функций рефлексивного механизма в решении проблемно-конфликтных ситуаций экзистенциально-личностного характера: 1) Оценка сложности ситуации. Рефлексивное определение возможности использования смысловых и когнитивных ресурсов личности в поиске решений, фиксация проявления потенциального перехода на новые уровни разрешения ситуации. 2) Оценка окончания решения ситуации. Рефлексивное определение готовности решения и выхода личности из состояния неопределённости; появления чувства удовлетворённости от осуществлённой деятельности. 3) Построение образа личности. Формирование цельного представления личности о себе в проблемной ситуации, а также выявление *опорных личностных смыслов* (смыслов жизни, других экзистенциальных смыслов) и смысловых связей, необходимых для решения ПКС, которые выполняют функцию обоснования принятого решения. 4) Поиск и выявление «внешних» смыслов. Обращение к «внешним» смысловым ресурсам, которые чаще всего идентифицируются личностью как принадлежащие значимым другим (родителям, друзьям, книгам и др.). 5) Расширение смыслового поля ситуации. Построение личностью дополнительных, новых условий в разрешаемой ситуации и новых рефлексивных позиций, тем самым расширяя смысловые горизонты ситуации. 6) Построение и разрешение рефлексивного конфликта. Актуализация смысловой позиция «Я» и новых, выстроенных рефлексивных позиций личности. Осуществление столкновения в диалоге, споре различных, противоположных, неоднозначных смыслов с целью их творческого преобразования и коррекции, принятия новых смыслов и смысловых связей как личностно значимых.

Качественный анализ текстов решений экспериментальных ситуаций показал, что функциональное проявление рефлексивного механизма в юношеской и взрослой выборках, определялся, во-первых, актуальностью осознания и внутренней работы с теми или иными базисными смыслами. Так, для юношеской выборки такими смыслами являются смыслы: жизни, развития, долга, ответственности, а для группы взрослых – смыслы жизни, смерти, свободы, ответственности.

Применяя метод моделирования, на основе проделанного структурного анализа экспериментального материала, в рамках нашего ис-

следования, была разработана *рефлексивно-функциональная модель процесса разрешения проблемно-конфликтных ситуаций экзистенциально-личностно характера*. В модели отражена связь между проявлением различных функций рефлексии личности в разрешении ПКС и получением «результатов разрешения ситуации». Она учитывает базисные процессы, в которые включена рефлексия, а именно: смыслоосознание, смыслокоррекция, смыслообразование целостного образа «Я» [6]. В рефлексивно-функциональной модели выделены пять уровней решений: уровень эмоциональных реакций; уровень стереотипных решений; уровень стандартных решений; уровень новых решений; уровень творческих решений.

1. *Уровень эмоциональных реакций*. Данный уровень не является собственно рефлексивным, так по окончанию восприятия ситуации, субъект может практически сразу «принять решение», но не рационально-рефлексивным путём, а опираясь на возникший в процессе соприкосновения с «текстом», эмоциональный отклик. При этом личность демонстрирует первичную эмоциональную реакцию, которая во многом является показателем «точки остановки» в движении разрешения проблемной ситуации. Чаще всего именно здесь, на первом уровне – уровне эмоциональных реакций личность указывает, таким образом, на нежелание дальнейшего продолжения внутренней работы.

2. *Уровень стереотипных решений*. Принятие решения на этом уровне начинается с осознания личностью смыслов ситуации и их соотношения с личностными смыслами, что в целом, представляет собой рефлексивный процесс. При этом осуществляется рефлексивная оценка «сложности ситуации» для субъекта и затем «*построение картины личности*» с «*выделением опорных смыслов*» для разрешения ситуации. Эти процессы происходят благодаря рефлексивному обращению к смысловому пространству и рефлексивному построению предполагаемого состояния субъекта в данной ситуации, осмысляя её личность обнаруживает в памяти уже когда-то найденное решение «похожей» ситуации. Затем, может осуществиться рефлексивная «оценка окончания ситуации» и процесс разрешения заканчивается принятием стереотипных решений.

3. *Уровень стандартных решений*. Не удовлетворённость личностью результатами решений (противоречия не сняты), детерми-

нирует процессы «оценки сложности ситуации» и рефлексивного «*поиска «внешних» смыслов*» то есть смыслов, источниками которых, когда-то для личности, стали как значимые другие (родители, близкие друзья, значимые взрослые и т.д.), так и культурные объекты (книги, произведения искусства и т.д.). Рефлексивный механизм осуществляет «построение» смысловых позиций источников «внешних» смыслов, отделяя тем самым собственно личные смыслы и смыслы значимых других. Благодаря этим процессам происходит «пополнение» смысловых ресурсов для поиска решения проблемной ситуации и осуществления их выбора. Поиск разрешения ситуации, на данном уровне, опять-таки заканчивается «рефлексивной оценкой ситуации». Наше исследование показало, что для выборки юношеского возраста, в большей степени, чем для взрослой, характерна остановка в принятии решений на данном уровне.

4. *Уровень новых решений*. На данном уровне решений после «рефлексивной оценки ситуации» может осуществиться переход к качественно иному рефлексивному процессу – «рефлексивное расширение ситуации». При этом личность «углубляет» рассмотрение ситуации и своего места в ней благодаря поиску новых граней её понимания и осознания своих ещё не актуализированных смыслов. Этот процесс происходит за счёт интеллектуально-рефлексивного построения новых, дополнительных условий предлагаемой ситуации и личностно-рефлексивного построения новых личностных позиций. На основе такого рефлексивного расширения ситуации личность осуществляет наполнение своим смысловым содержанием новые позиции, в изменённых ею условиях данной ситуации. Результатом такой внутренней работы становится появление новых решений и их принятие, после «оценки ситуации».

5. *Уровень творческих решений*. На данном уровне проявляется ещё одна функция рефлексии – «построение и разрешение рефлексивного конфликта». В данном процессе акцент рефлексивной активности переносится на столкновение тех новых личностных смысловых позиций, которые были выстроены на предыдущем уровне. Субъект, стремится не просто принять точку зрения одной из позиций, но старается вступить в диалог, спор с другими позициями в ходе этого творческого процесса вырабатывается новое понимание ситуации, рождается новое наполнение смыслов, и прежде всего, смысла жизни, форми-

руются новые смыслы, которые затем осознаются как личностно значимые и идентифицируются с «Я». Окончание процесса разрешения проблемно-конфликтной ситуации так же осуществляется рефлексивно. Необходимо отметить, что переход от одного рефлексивного уровня принятия решения к другому предполагает включение всех функций рефлексии предыдущего уровня.

Выводы:

1. Рефлексивно-функциональный анализ текстов решений показал, что рефлексия личности в процессе разрешения проблемно-конфликтных ситуаций экзистенциального характера осуществляет осознание смысла жизни и других базисных смыслов личности за счёт функции «Построения образа личности», переосмысление, за счёт функций – «Поиск и выявление «внешних» смыслов» и «Расширение смыслового поля ситуации» и коррекцию базисных смыслов личности за счёт функции «Построение и разрешение рефлексивного конфликта». В целом проделанная исследовательская работа раскрывает новые ракурсы исследования механизмов становления и формирования смысловой сферы личности и прежде всего её центрального базисных образований – смысла жизни, смысла смерти, смысла любви, смысла ответственности и т.д.

2. Рефлексия, являясь многофункциональным механизмом, играет центральную роль в динамической смысловой сфере личности, будучи активно включённой в процесс

смыслоосознания, смыслообразования и смыслостроительства.

Литература:

1. *Абрамова Г.С.* Психологическое консультирование: Теория и опыт. Учеб. Пособие для студентов. М., 2001.
2. *Аникина В.Г.* Экзистенциальная рефлексия личности в проблемно- конфликтных ситуациях: Автореф....канд. психол. наук. М., 2000.
3. *Аникина В.Г., Коваль Н.А, Семёнов И.Н.* Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях. Тамбов, 2002.
4. *Василок Ф.Е.* Понимающая психотерапия: опыт построения психотехнической системы / Василок Ф.Е. // Гуманитарные исследования в психотерапии (труды по психотерапии и психологическому консультированию). М., 2007. – Вып 1. С. 159 – 203
5. *Знаков В.В.* Психология понимания: Проблемы и перспективы. М., 2005.
6. *Ленгле А.* Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности: Сб. ст. Пер.с нем. / Вступ. Ст. С.В.Кривцовой. М., 2005.
7. *Пономарёв Я.А.* Перспективы развития психологии творчества // Психология творчества: школа Я.А.Пономарёва / Под. ред. Д.В.Ушакова. М., 2006.
8. Рефлексивно-организационные проблемы формирования мышления и личности в образовании и управлении // Отв. Ред. –сост. И.Н.Семёнов, Т.Г.Болдина. – М., 2003.
9. *Семёнов И.Н., Степанов С.Ю.* От психологии рефлексии и рефлексивной культуродигме в психологии // Рефлексия в науке и обучении. – Новосибирск, 1989.
10. *Семёнов И.Н., Степанов С.Ю.* Проблема предмета и метода психологического изучения рефлексии / Исследование проблем психологии творчества. М., 1983.

Нравственное развитие личности: попытка типологии

Е.В.Завгородняя, г. Киев, Украина

Вопросы этики привлекают внимание мыслителей с давних времен. В философской литературе эти проблемы систематически исследуются с середины XVIII ст. (И.Кант, И.Г.Фихте, А.Шопенгауэр, С.Кьеркегор и др.). В XX ст. нравственные аспекты личности становятся предметом психологических исследований (Л.И.Анцыферова, Л.И.Божович, Б.С.Братусь, Ф.Э.Василок, В.В.Знаков, Л.Колберг, А.Н.Леонтьев, А.Маслоу, С.Л.Рубинштейн, Е.В.Субботский, В.Франкл, Э.Фромм и др.). Изучение этих вопросов осуществляется с разных позиций, исследователи акцентируют в нравственном развитии личности такие аспекты как мотивация, развитие самосознания, особенности понимания назначения человека, отношения к себе и

другим. В то же время психологическое исследование проблемы нравственности нельзя считать достаточным. О его фрагментарности свидетельствует отсутствие в психологических словарях дефиниций нравственности, морали, совести и других важных для данной темы понятий. Целью статьи является попытка интеграции идей разных авторов в предлагаемой нами типологии нравственного развития человека.

Нравственное развитие предполагает социализацию индивида (приобщение к моральным ориентирам социального окружения), индивидуализацию (критическое осмысление доминирующей морали, формирование собственной иерархии ценностей, самостоятельных нравственных суждений) и уни-

версализацию (выход за пределы моральных приоритетов социального окружения, ценностей локальной культуры, приближение к общечеловеческим гуманистическим универсалиям). Индивидуализация заключается в движении от нравственности подражательной, и потому неустойчивой, к внутренне детерминированной и индивидуализированной. Эта линия нравственной эволюции связана с развитием самосознания и воли. Универсализация – это движение от эгоцентрической позиции через разные формы группоцентрических к универсальной гуманистической позиции. Развитие в этом направлении зависит от способности к глубоким человеческим переживаниям.

Мораль связана с нравственностью, но не равнозначна ей. Чтобы быть моральным человеком в пределах сообщества, необходимо усвоить мораль этого сообщества и следовать ей. Мораль имеет преимущественно репродуктивно-нормативный¹ характер и усваивается индивидом в процессе социализации. В нравственности преобладает диалогически-творческий аспект, она основывается на морали, но выходит за ее пределы. Групповая мораль может быть очень несовершенной, но она может совершенствоваться, эволюционировать под воздействием нравственности людей, которые входят в данную группу. Конструктивное решение противоречий морали и нравственности является источником индивидуального и социального развития. В то же время, если разрыв между групповой моралью и индивидуальной нравственностью большой, то вероятность деструктивных конфликтов возрастает.

Нравственное становление человека можно рассматривать как нелинейный полидетерминированный многомерный процесс, для которого характерен широкий диапазон состояний, фаз, вариаций. В частности можно выделить два психологических измерения: мотивационное и регулятивное. Высокий уровень развития мотивационного компонента характеризуется доминированием гуманной

эмпатически-альтруистической мотивации (ЭАМ), то есть осознанных стремлений и / или неосознаваемого желания дарить себя людям в форме служения, любви, творчества [1]; средний уровень – амбивалентным характером мотивации или выраженностью ЭАМ только по отношению к людям «своей» группы [2]; низкий уровень – доминированием эгоцентрической мотивации, утилитарно-деструктивным отношениям к людям [3].

Проблема преодоления эгоцентризма – чрезвычайно важная в данном контексте – привлекала внимание многих исследователей. Н.А.Бердяев характеризует эгоцентризм как концентрацию на своем Я, которое «не способно выйти в другого» [3, с.77]. Эгоцентризм тормозит развитие личности, становясь препятствием на пути ее самореализации. Эгоцентрический человек живет в мире «кривых зеркал», вместо других людей видит вокруг себя лишь свои проекции. Согласно концепции А.А.Ухтомского, «пока человек еще не свободен от Двойника, он, собственно, еще не имеет своего Собеседника, а говорит и бредит сам с собой, и только тогда, когда он пробьет скорлупу и поставит в центр тяжести лицо другого, он впервые получает Собеседника. Двойник умирает, чтобы дать место Собеседнику» [12, с. 385]. Для любого общения, «и для общения с Богом как наиболее глубокого из общений» [5, с. 406], эгоцентризм является препятствием. «Эгоцентрик может весь замирать от восторга пред собственной готовностью на жертву ради Бога и ближнего. Но его необходимое условие при этом – чтобы и ближний, и Бог были его фантазиями, проекциями вовне его собственной психики. А ни реального ближнего, ни реального Бога эгоцентрик не воспримет. От всего реального он надежно скрыт своим зеркалом, занявшим место окна» [5, с. 406].

Исследования Ж.Пиаже, Л.С.Выготского, Т.И.Пашуковой, Л.Ф.Обуховой и др. показали, что эгоцентризм проявляется как фиксация на собственных переживаниях, как непонимание других людей, безразличие к их чувствам, а также отсутствие ориентации на общечеловеческие ценности. К.Хорни, исследуя природу неврозов, отмечает, что невротик поглощен собой в результате напряженности внутренних конфликтов, он цепляется за свои неконструктивные «особые решения», временно облегчающие его страдание, но блокирующие возможность исцеления и развития [14]. Напротив, когда речь идет о самоактуализирующейся личности, А.Маслоу

---

¹Согласно Г.А.Балду [1], культура выступает как единство составляющих двух типов: нормативно-репродуктивных и диалогически-творческих. Соответственно в морали преобладают нормативно-репродуктивные компоненты культуры (обеспечивающие связь поколений, устойчивость средств и способов функционирования человеческих общностей и отдельных личностей), а в нравственности – диалогически-творческие, благодаря которым происходит обновление и развитие человеческого общества.

считает, что именно такой человек может забыть о своем Я и сосредоточиться на решении проблемы [8]. Хотя внешне такой человек может выглядеть эгоцентричным, но это не эгоцентризм, обусловленный недостаточным личностным развитием или регрессом, а центрация на внутреннем «творческом ребенке», его оберегание, лелеяние, в результате чего он созревает и становится способным отделиться от творца. Вне деэгоцентрации блокируется способность человека к любви и творчеству. О сути любовного отношения к человеку, подчеркивая аспект децентрации, пишет православный философ А.Сурожский: «... Любить – означает перестать видеть в самом себе центр и цель существования... тогда уже нет самоутверждения и самооправдания, а есть устремленность к тому, чтоб он [другой человек] был во всей полноте своего бытия» [11, с. 221]. Но не только любовь, а и «творчество противоположно эгоцентризму» [3, с. 39].

В формировании регулятивного компонента выделяем такие уровни: высокий - способность к постановке сверхзадач (задач, выходящих за пределы социально заданных или адаптационных), регуляция поведения на основе самосознания; способность к сверхнормативной активности (А); средний – способность к решению задач, поставленных реальными или идеальными авторитетными лицами; сознательная регуляция поведения, опирающаяся на нормы и правила (Б); низкий – недостаточная сформированность произвольной регуляции поведения, импульсивно-ситуативное реагирование преобладает над целенаправленными действиями (В). Волевой аспект нравственного развития подчеркивают многие исследователи. По мнению Н.О.Лосского, формирование способности к самоограничению, к укрощению примитивных влечений имеет позитивное значение, даже если это делается ради эгоистических целей, карьеры, улучшения материального состояния. Преодоление лени, похоти и других низших влечений ведет к их ослаблению «и вместе с тем освобождению от той слепоты, которая раньше мешала восприятию высших ценностей» [7, с. 102]. Но не всегда это восприятие высоких ценностей может состояться [7]. В концепциях когнитивно-генетического направления нравственное формирование личности является процессом и результатом всё более глубокой рефлексии и самостоятельного осознания прав человека (Л.Колберг). Эмпирические исследования

свидетельствуют, что для становления альтруистичного стиля поведения уже в дошкольном возрасте необходима хотя бы относительная независимость и возможность принимать самостоятельные решения. Нравственные поступки являются результатом свободного выбора и потому связаны с риском сделать ошибку, получить неодобрительную оценку окружающих. Такие поступки укрепляют характер ребенка, пробуждают самостоятельность и чувство ответственности, ускоряют формирование внутренних моральных инстанций в отличие от ориентации на готовые правила, соблюдение которых обеспечивается внешним контролем [10].

На основе уровней развития мотивационного и регулятивного компонентов можно смоделировать 9 (3 x 3) типов нравственного состояния человека и сопоставить их с описанными в философской и психологической литературе, тем самым выявить взаимосвязи, существующие между разными типами. Из девяти смоделированных нами типов лишь четыре (1А, 1Б, 2А, 2Б) имеют позитивное этическое содержание.

1А. Альтруистический сверхнормативный тип (высокий уровень развития как мотивационного, так и регулятивного компонентов). Характеризуется доминированием ЭАМ, осознанной как личная сверхзадача, реализующаяся в конструктивных поступках. Типу 1А свойственны: высокая эмпатичность, чувство единства с сущим, способность к плодотворным позитивным отношениям с людьми; неискаженное восприятие себя и других, отсутствие склонности к атрибутивным иллюзиям, к искажениям самосознания, вызванным вытеснением, рационализацией, проекцией и другими формами психологической защиты; способность к самостоятельным решениям «по велению совести»; способность действовать в условиях неопределенности и риска; преданность бытийным ценностям.

Внутрипсихически тип 1А отличается динамичной интегрированной организацией, основные составляющие которой: сильное Эго (центр на границе внутреннего и внешнего), актуализированная Самость (глубинный центр) и прозрачное пронизываемое индивидуальное бессознательное между ними. Эго служит средоточием субъектности, концентрирует в себе рычаги и средства самоуправления, осуществляет функцию согласования импульсов внутренней реальности и требований внешнего мира. Самость (сердцевина или «сердце» в христианской традиции) – средо-

точие единства со всем сущим, благодаря чему субъектная активность вдохновляется любовью и контролируется совестью. Индивидуальное бессознательное такого человека просветлено, духовно проработано, не обременено разрушительными комплексами, прозрачно для сигналов самости («...я душу выделал прозрачную такую - она уж не отбрасывает тени...» – В.Стус). Проходя через индивидуальное бессознательное, сигналы Самости не искажаются, что делает возможным ее плодотворный диалог с Эго. Сила последнего обеспечивает выраженную способность человека к харизматическому влиянию на окружающих, лидерские способности. При этом Эго преданно служит Самости, являющейся источником смысла и вдохновения. Такая внутренняя структура обуславливает выраженность у человека конструктивных (биофильных, по Э.Фромму) интенций, чуткое любовно-творческое отношение ко всему сущему.

Тип 1А близок по содержанию этике творчества в понимании Н.А.Бердяева, продуктивной ориентации по Э.Фромму, ориентации на бытийные ценности по А.Маслоу. Характерен для людей творческих и, одновременно, просветленных, преодолевших эгоцентрическую ограниченность сознания. Такой человек способен выразить и боль, и гнев, не разрушая других людей, «тяжесть недобрую» преобразовать в энергию творчества, в трагических обстоятельствах увидеть вызов судьбы и дать достойный ответ, преодолевающий зло.

1Б. Альтруистический нормативный тип (высокий уровень развития мотивационного и средний уровень регулятивного компонентов). Характеризуется доминированием ЭАМ, осознанной как необходимая с точки зрения авторитетных лиц задача, осуществляющаяся в конструктивных действиях. Этот тип близок этике искупления (Н.А.Бердяев) [3]; морали заботы (К.Гиллиган) [6]; 1-й системе этического сознания (В.А.Лефевр) [15].

Внутренне такой человек характеризуется не очень сильным Эго, что обуславливает недостаточную самостоятельность, податливость человека к влиянию окружения. Индивидуальное бессознательное не обременено разрушительными комплексами, прозрачно для сигналов Самости, что делает возможным ее диалог с Эго и обуславливает выраженность у человека конструктивных интенций, советливое и любовное отношение к сущему. В то же время, вследствие недостаточной силы Эго, человек не всегда может отстаивать свои интересы и ценности, реализовать свои бла-

гие стремления. В неблагоприятных условиях недостаточная самостоятельность делает таких людей уязвимыми, не защищенными от злоупотреблений неадекватных манипуляторов, использующих альтруизм таких людей в собственных целях.

2А. Группоцентрический сверхнормативный тип (средний уровень развития мотивационного компонента, высокий – регулятивного). Характеризуется наличием различных мотивационных тенденций: конструктивные альтруистические интенции преимущественно направляются на одну группу людей, а утилитарно-разрушительные – на другую. Противоречивая мотивация осознается как ряд сверхзадач (например, старый мир разрушить, новый построить) и реализуется в сверхнормативной активности, например «благородного разбойника», террориста-революционера и т.п. Этот тип близок революционно-гуманистической этике (Н.А.Бердяев); морали справедливости (К.Гиллиган); 2-й системе этического сознания (В.А.Лефевр).

Внутренне такой человек характеризуется сильным Эго, что обуславливает его выраженную способность к влиянию на социальное окружение, лидерские способности. Его индивидуальное бессознательное частично обременено разрушительными комплексами, частично проницаемо для сигналов Самости. Проходя через индивидуальное бессознательное, сигналы Самости отчасти искажаются, что усложняет взаимодействие Эго и Самости и обуславливает выраженность у человека амбивалентных (деструктивных и конструктивных, биофильных и некрофильных) интенций, противоречивость, смешение прозрений и слепоты, любви и ненависти.

2Б. Группоцентрический нормативный тип (средний уровень развития как мотивационного, так и регулятивного компонентов). Характеризуется противоречивой мотивацией, которая уравнивается соблюдением норм и правил социального окружения. Как эгоцентрические, так и альтруистические интенции реализуются частично в границах «дозволенного». Утилитарно-деструктивные стремления преимущественно направлены на «чужих» и осужденных своей группой. Этот тип самоопределения близок к охарактеризованной Н.А.Бердяевым этике закона. Этика закона необходима в человеческом обществе для согласования противоречивых интересов, но она бессильна изменить душевное состояние человека, бессильна перед скукой и пустотой [3]. Позитивный аспект нормативного

самоопределения, по мнению Н.О.Лосского [7], заключается в том, что «в области средних степеней добра» благополучие лучше достигается приспособлением к общепринятому, а попытка подняться над социальной рутиной может привести не только к новым формам добра, но и к новому злу.

Внутрипсихически такой человек характеризуется не очень сильным Эго, что обуславливает недостаточную самостоятельность, податливость человека влиянию окружения. Индивидуальное бессознательное частично обременено разрушительными комплексами, недостаточно прозрачно для сигналов Самости, что усложняет ее взаимодействие с Эго и обуславливает доминирование у человека амбивалентных интенций.

Следующие три типа – 1В, 2В, 3В – характеризуются недостаточной сформированностью произвольной регуляции, импульсивно-ситуативным характером поведения, а внутрипсихически – очень слабым Эго. Этическая оценка этих типов затруднительна. Такая оценка может быть дана в тех случаях, когда человек сознательно, используя те или другие средства (например, вещества наркотического действия) отдается власти непосредственных импульсов. Два типа (3Б, 3А) имеют негативную этическую направленность.

3Б. Эгоцентрический нормативный тип (низкий уровень развития мотивационного компонента, средний – регулятивного). Характеризуется доминированием эгоцентрической мотивации, утилитарно-деструктивным отношением к людям, осознаваемым как задача, необходимая с точки зрения авторитетных лиц (например, разные виды «крестовых походов» и «охоты на ведьм») и реализующаяся с энтузиазмом в соответствующих деструктивных действиях (в практике тоталитарных сообществ такое поведение получает всевозможное поощрение и содействие). Внутренне такой человек характеризуется не очень сильным Эго, что обуславливает податливость человека внешним влияниям. При этом индивидуальное бессознательное обременено разрушительными комплексами, не прозрачно для сигналов Самости. Последние, проходя через индивидуальное бессознательное, в значительной степени деформируются, что извращает взаимодействие Эго и Самости и обуславливает преобладание деструктивных интенций, страха и агрессии в отношении к миру.

3А. Эгоцентрический сверхнормативный тип (низкий уровень развития мотивационного компонента, высокий – регулятивного).

Характеризуется доминированием эгоцентрической мотивации, осознаваемой как личная сверхзадача, что проявляется в деструктивных поступках (классическим примером является Герострат). Такой тип описан в философской и теологической литературе (под названием «сатанинский»). Внутренне такой человек отличается сильным Эго, что способствует лидерским проявлениям и объясняет своеобразную харизму. При этом индивидуальное бессознательное духовно не проработано, «затемнено» разрушительными комплексами, вследствие чего блокируется взаимодействие Эго и Самости. Сигналы Самости, проходя через индивидуальное бессознательное, извращаются, что обуславливает выраженность у человека деструктивных (садистических, некрофильных) интенций, бессовестность и бездушность в отношении к миру. Человек этого типа не способен к самоотдаче, эмпатическому единению с миром, «...он знает лишь охваченный лихорадочной суетой мир, который там снаружи, и свою лихорадочную страсть использовать этот мир...» (М.Бубер) [5, с. 111]. Алчность сменяется пресыщением и нарастающей разрушительностью. Переживая гнетущую скуку и пустоту, человек как бы мстит существу за бесплодность своей жизни.

Литература:

1. *Балл Г.А.* Психология в рациогуманистической перспективе: Избранные работы. К., 2006.
2. *Бердяев Н.А.* Самопознание. М., 1991.
3. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М., 1993.
4. *Братусь Б.С.* К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века // *Вопр. психол.* – 1993. 6/н. С. 6 – 12.
5. *Бубер М.* Два образа веры. М., 1995.
6. *Гиллиган К.* Иным голосом // *Этическая мысль*, 1991. С. 362 – 373.
7. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра. М., 1991.
8. *Маслоу А.* Психология бытия. М.; К., 1997.
9. *Пашукова Т.И.* Эгоцентризм в подростковом и юношеском возрасте: причины и возможности коррекции. М., 1998.
10. *Субботский Е.В.* Формирование морального действия в ребенка // *Вопросы психологии*. 1979. № 3. С. 47 – 55.
11. *Сурожский А.* О встрече. Клин., 1999.
12. *Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб., 2002.
13. *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992.
14. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., 1993.
15. *Шрейдер Ю.А.* Человеческая рефлексия и две системы этического сознания // *Вопросы философии*. 1990. №7 С. 32 – 42.
16. *Kohlberg L.* The Philosophy of Moral Development: Essays on moral development. San Francisco. 1981.

Влияние сми на общественное сознание и самосознание россиян

А.Л.Карпов, г. Самара

Современный этап общественного развития России характеризуется неуклонным возрастанием влияния средств массовой информации (СМИ) на все стороны жизни. Это обусловлено тем, что средства массовой информации, являясь важнейшим элементом надстройки (как составная часть идеологических учреждений и организаций), зависят от экономического базиса общества. Отражая социальную реальность на страницах газет и журналов, в радио- и телепередачах, средства массовой информации, по сути, активно участвуют в создании в умах людей «реальности второго порядка», не только сообщая им некоторую информацию, но и предлагая (в ряде случаев – навязывая) свое видение проблемы, стереотип поведения, реакцию, отношение. И эта «производная», «виртуальная реальность», влияя на массовое сознание общества, находит отражение в социальных процессах, преобразующих, в конечном счете, саму исходную реальность.

До начала 1990-х годов, несмотря на постоянно высказываемую в постановлениях по идеологической работе озабоченность необходимостью усиления эффективности СМИ в деле формирования общественного сознания, представления о возможности изменения этого сознания в нашем обществе основывались практически на вере в автоматизм результатов как следствия принимаемых высоких решений или на вере в возможность централизованной заданности содержания массового сознания как итог организованного воздействия мощного пропагандистского аппарата, развитой системы СМИ.

Эффективность СМИ в процессе формирования массового сознания практически безусловно программировалась следующими исходными посылками: а) массированность воздействия СМИ – миллионные тиражи газет и журналов, совершенствование технических условий приема радио- и телесигналов на территории СССР, доминирование организованного потока официальной массовой информации над потоком неофициальной, неформальной; б) однонаправленность, монологичность стиля выступлений СМИ; в) морально-политическое единство советского общества, его социальная однородность и, как следствие этого, однотипность реакций на предлагаемую информацию – «единодушное одобрение».

Процесс формирования массового сознания рассматривался как организованный и структурированный обществом монолитный (по идеологической доминанте), преимущественно однонаправленный поток сведений, официальных идеологических установок, распространяемых совокупностью различных по технической природе каналов информации: пресса, радио, телевидение. Они и полагались основными, определяющими содержание массового сознания [6]. Но так ли благополучно обстояли дела в действительности? Миллионные тиражи газет и журналов не смогли окончательно преодолеть ни географических барьеров, ни барьеров грамотности. Чтение их оставалось занятием городским, преимущественно мужским, преимущественно занятием людей с достаточно высоким уровнем образования. Мы постепенно теряли позиции самого читающего в мире народа. Так, в газете «Правда» появилась информация, что на чтение в 1986 году жители городов у нас в среднем тратили в 1,5 раза меньше времени, чем в 1930 году [5].

Постоянно фиксировалась неудовлетворенность аудитории полнотой, объективностью, оперативностью информации, предлагаемой СМИ. Эта неудовлетворенность снижала степень доверия к СМИ, вела к поиску источников дополнительной, зачастую – альтернативной информации, что снимало с повестки дня утверждение не только о массированности, но и о монопольности влияния отечественных СМИ на формирование массового сознания. Известно, что формирование отношения аудитории к содержанию и к самому источнику информации – сложный процесс, складывающийся из взаимодействия различных по значимости элементов: интереса (или внимания) к информации, ее понимания, запоминания, обсуждения. Взаимодействие этих элементов как бы результируется в согласии и доверии аудитории. В самом деле, в согласии с оценками, содержащимися в конкретных сообщениях, с позицией источника в целом, возникает чувство психологической близости, идентификации с содержанием и источником информации. Доверие характеризует отношение уже более высокого уровня. Доказано, *что люди, доверяющие данному источнику информации, склонны не замечать тех элементов содержания, которые вызывают у них непонимание или несогласие.*

В процессе массовой коммуникации происходит взаимодействие, образно говоря, трех миров: мира, отраженного в сознании аудитории; мира отраженного в массовой информации; собственно социальной действительности, самого реального мира. *СМИ на деле создают режим наибольшего благоприятствования вполне определенным идеологическим позициям, а именно тем, которые подкрепляют или продолжают их собственные*, констатировали исследователи [7]. И внедрение в массовое сознание любых идеологических позиций идет тем эффективнее, чем более зависимой становится аудитория *не только от информации СМИ, но и от их оценки данной информации*. Этому способствует все больший удельный вес электронных средств массовой информации, поскольку их восприятие не требует специальных усилий, которые затрачиваются, например, на чтение, а происходит, зачастую, мимоходом, «в фоновом режиме». Вместе с этим, в массовой аудитории снижается потребность в обращении к печатному слову, падает уровень грамотности и общей культуры. *Неграмотность – это не только неумение читать и писать*. Это низкое развитие самосознания, критического мышления, преобладание аффективно над рефлексивным, рациональным.

Сочетание письма с чтением позволяет выйти за пределы не критического восприятия коллективного опыта, дает индивиду возможность производить сличение и сопоставление разных индивидуальных опытов, сосредотачивая их в одном сознании, а личные выводы переводить в общественные, то есть *способствует развитию индивидуального и универсального начал*. Но индивидуальность, обладающая способностью к рефлексии, формируется отнюдь не только средствами коммуникации, но прежде всего системой общественного производства и общественных отношений – исторической системой машинного производства и отношений вещной зависимости, в которую человек включен, в которой он живет и которая составляет горизонт его сознания и деятельности [4]. Вместе с тем, развитие традиционных и возникновение новых средств массовой коммуникации резко снижает возможность идеологического и культурного монополизма, создавая условия относительно независимого существования множества субкультур, которыми невозможно управлять из единого центра. *Именно ситуации радикальной перестройки общественных структур создают*

условия, когда средства коммуникации, вроде бы нейтральные в обществе стабильности, начинают играть весьма существенную роль в трансформации общественной связи.

Одной из отличительных черт, присущих массовому сознанию наших дней, является его значительная активизация, практически невозможная вне контекста деятельности СМИ. Показательно, что с начала 90-х годов, когда стали выделяться «группы изданий, принципиально различающихся между собой по типу видения нашего бытия, способам разрешения его сегодняшних проблем», что не могло не сказываться на сознании людей, – и в 2007 году мы можем повторить: «Так, на место прежней ценностной упорядоченности действительности, *по крайней мере упорядоченной человеком на определенном уровне*, приходит ситуация всеобщей кардинальной переоценки, предполагающая неизбежное столкновение различных по своей направленности и природе оценок и представляющая собой источник своего рода полюсов напряженности сознания» [9, с.52].

Складывающаяся в обществе атмосфера, видимо, можно рассматривать и с точки зрения известного положения о диалектике объективного и субъективного, когда идеологические представления, обусловленные, в конечном итоге, материальными отношениями, становятся одним из необходимых условий исторической деятельности масс, а затем, в свою очередь, подвергаются изменениям на новых этапах исторической деятельности.

Современная социальная реальность, разрушая созданные десятилетиями стереотипы восприятия, оценок и поведения, требует от российского общества и каждого его члена осмысления происходящего, выработки отношения к нему, оценки и образа поведения. Лишившись привычной скорлупы стереотипов, *индивид поставлен перед необходимостью воспринимать, осознавать и решать*.

Но по-прежнему «личность попадает в ситуацию, когда резко возросло число материалов СМИ, требующих умения самостоятельно оценивать происходящее или, как минимум, возможности для согласия (несогласия) с аргументированной точкой зрения. Неодинаковый социальный опыт различных читателей, а также порой недостаток необходимой убедительности в материалах СМИ может приводить к психологической усталости» [9, с.53]. И отголосками этой усталости становятся все чаще отмечаемая социальная апа-

тия, снижение процента граждан, занимающих активную жизненную позицию.

Выход общества на новые рубежи невозможен без освобождения людей от всего того, что И.Кант называл «несовершеннолетием по собственной вине», «...причина которого заключается не в недостатке рассудка, а недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого». В результате одни люди, как замечал великий мыслитель, «охотно остаются всю жизнь несовершеннолетними; по этим же причинам так легко другие присваивают себе право быть их опекунами» [3].

Существенной чертой массового сознания является сегодня преобладание обыденного содержания, стихийно базирующегося на пережитках сознания, опирающегося на стереотипы или мифотворчество. Чаще всего знания людей по широкомасштабным проблемам носят характер остаточных следов, интерпретация событий опирается на домыслы и стереотипы. Вследствие именно такого «наполнения» содержания общественного сознания сильнее всего на него воздействуют эмоции, сильные стрессы или события. Теоретические аргументы остаются не воспринимаемыми [6, с.80].

Характерной чертой общественного сознания является своеобразное разделение причин и следствий. Яснее всего это видно в сфере мнений и оценок, связанных с современным состоянием экономики и народного хозяйства – отдельно видится труд и зарплата, производство и потребление, уровень жизни и степень ответственности за общее дело. Результатом этого является влияние на группы и слои общества демагогии, легкость принятия утопических концепций, эскапистские настроения.

Сказанное не является чертой, характерной исключительно для современного российского общественного сознания. Подобная реакция на социальную действительность, видимо, характерна для человеческого индивидуума в массе, как отмечает С.Московичи: «...большинство людей склонны предпочитать идеи расхожие идеям научным, делать обманчивые сопоставления, некорректируемые объективными данными. Они вообще не принимают в расчет статистику, играющую такую громадную роль в наших каждодневных решениях и рассуждениях. Они искажают поступающую к ним информацию. Впрочем, как говорилось и повторялось, люди особенно охотно принимают факты или усваивают поведение, подтверждающие их

привычные убеждения, и это пока еще не опровергнуто. Даже если опыт говорит им: это ложно, а рассудок – это абсурдно». И далее: «...обыкновенный человек, «профан» в повседневной жизни, имеет тенденцию пренебрегать поступающей информацией, он мыслит стереотипным образом и не учитывает совершаемых им ошибок. Другими словами – это *когнитивный скряга*» [8, N1, с.3,4].

В современную эпоху вместе с ростом технической оснащенности СМИ возросли их возможности воздействовать на социальные процессы и идеологическую деятельность в целом. Так, согласно выводам С.Московичи: «Некоторые социальные представления формируются буквально у нас на глазах в средствах массовой информации, в общественных связях, в том коммуникативном процессе, который никогда себя не проявляет без какого-нибудь преобразования. *Это преобразование затрагивает смысл, понятия, образы, а также интенсивность и связи убеждений внутри сообщества; выражается оно также в представлениях*» [8, N2, с.8].

Поскольку СМИ занимают столь важное место в процессе преобразований российского общества, жизненно важным становится вопрос о приоритетных ценностях, об информационном давлении, о границах дозволенного. Проблема «теледемократии», вставшая с начала 1990-х годов, продолжает быть актуальной и поныне. Организуя информационную поддержку тем или иным политическим программам, необходимо четко представлять, как это может сказаться на идеалах и духовных ценностях общества. «Сначала мы должны решить, *чего мы хотим достичь* через технологию (способы и методы распространения информации). Затем мы можем идти дальше, чтобы оценить, *насколько разумна эта возможность и подобрать самую подходящую систему политических институтов*, в которую можно внедрить технологию для достижения наших целей. Недостаточно просто принимать технологию и наблюдать за ее результатами; и не можем мы надеяться, что сохраним и упрочим демократию, просто стоя рядом и наблюдая и разрешая технологическое изменение, не анализируя их и их воздействие на дорогие нам ценности. Поступая так, мы подчиняемся нашему будущему, идущему в непонятном для нас сегодня направлении, а если бы мы сегодня его осознали, то, может быть, его и не восприняли бы» [1]. Все, о чем применительно к западной прессе говорилось 20 лет назад, в

последние десятилетия постоянно подтверждается в России. Особая взвешенность и осторожность, приверженность высоким идеалам требуется от средств массовой информации в переходные периоды, когда «в условиях политической нестабильности СМИ способны выступать в роли катализатора наметившихся процессов, усиливая социальное недовольство и брожение, либо, наоборот, сдерживать конфликт, позволяя выплеснуться эмоциям в словесных баталиях, направляя политическое действие в привычное русло» [11, с.56].

Крупный авторитет в вопросах изучения эффективности СМИ, американский специалист Э.Катц так обобщил накопленный опыт исследований: «СМИ действуют наряду с другими участниками социально-политического процесса, поэтому нельзя преувеличивать их собственную роль; в благоприятной среде эта роль будет усиливаться, а в неблагоприятной ослабевать; наиболее важные в социальном отношении результаты приносит долгосрочное воздействие СМИ: подобно капле воды, падающей на камень, они подготавливают сдвиги в политической культуре» [11, с.57].

Для подавляющего большинства людей печать, радио и телевидение выступают легитимным (признаваемым правом) и доступным источником знаний по вопросам, находящимся за пределами личного опыта или опыта непосредственного социального окружения. В связи с этим *основной массив политической информации оказывается почерпнутым из сообщений, передаваемых по каналам массовой коммуникации*. Но однозначному манипулятивному воздействию противостоит включенность индивида в сеть социальных связей, его социально-психологические особенности как личности. Подверженность влиянию со стороны СМИ зависит: от степени социально-классовой самоидентификации (восприятия себя как рабочего, представителя средних слоев и так далее); от ориентации на те средства информации, которые отражают позиции и взгляды данной социальной группы и тем более данного класса, степени и характера мотивов приверженности и обращения к тому или иному источнику информации; от доверия, уважения и привязанности к конкретному каналу информации; от того, в какой степени СМИ выступают для данного индивида главным поставщиком информации и идей; от характеристики самого сообщения (его броскости, интересности); от

разнообразия сообщений, передаваемых по тому или иному каналу, их сбалансированности и восприятия их индивидом как объективных. Именно необычность, броскость выступлений, нетрадиционность взглядов и оценок, даваемых зарубежными СМИ при их работе на советскую аудиторию, в недавнем прошлом определяла интерес к ним у значительной части населения СССР.

Еще в 1967 году профессор Я.Засурский отметил, что «изучение содержания нашей прессы и других СМИ привело западных пропагандистов к мысли, что наша печать в недостаточной степени информирует население о событиях за рубежом, но прежде всего о событиях внутри страны. Поэтому в своей пропагандистской деятельности «Голос Америки» и другие центры пропаганды против СССР стали уделять больше внимания информации, стремясь дать информационные сообщения быстрее, чем дает наша пресса, и в более широком объеме» [цит. по 2].

Следует особо отметить, что владение газетами и журналами, радио- и телестанциями само по себе еще не обеспечивает ныне господствующие позиции в сфере духовного производства. Сформулированное развивающимися странами требование установления нового международного информационного порядка означает, по сути дела, признание того факта, что *суверенитет над национальными СМИ не порождает автоматически суверенитета над распространяемой с их помощью информацией*.

Проникновение зарубежных средств массовой информации на российский рынок резко возросло за период с 1991 года по настоящее время, и теперь они являются заметным фактором влияния на общество. При этом не столь важно, кому принадлежат те или иные средства массовой коммуникации, как важна та информация, что ими распространяется и ее интерпретация, в ряде случаев носящая характер пропаганды ценностей мало- или несовместимых с традиционными для российского общества. Пропаганда в ряде отечественных и зарубежных исследований рассматривается как заменитель физической или военной силы: «Речь дает возможность манипулировать сознанием аудитории, не прибегая к физической силе» [10, с.19]. Сюда же относятся и слухи, которые являются самым опасным средством пропаганды, потому что убеждения внушаются источниками, которые нельзя проследить. Прием «безличности» в прессе дает возможность помещать абсолютно

ложную информацию, ссылаясь на анонимный источник.

Таким образом, объективно существующий в реальной действительности факт получает субъективную интерпретацию и оценку, пройдя через систему кодирования адресантом (журналистом): «Между фактом действительности и фактом журналистики, который преподносится читателю, слушателю, зрителю с телеэкрана, всегда стоит коммуникатор» [10, с.54].

Примером влияния СМИ на массовое сознание российского населения являются события в Чечне. Информационно-психологическое противодействие ряда средств массовой информации усилиям властей на урегулирование «чеченской проблемы», попытки рассматривать часть территории России как «субъект международного права», «поэтизация» западными (а одно время и некоторыми отечественными) СМИ образа боевиков до «героев борьбы за национальную независимость», одностороннее возложение вины за все жертвы и разрушения исключительно на федеральные войска и правоохранительные органы России в значительной степени подрывало морально-политическое состояние военнослужащих, сковывало их действия, а также стимулировало противодействующую сторону. Возникшее в настоящее время положение не только ущемляет суверенитет России над частью ее территории, не гарантирует стабильного мира в регионе, но и создает опасный прецедент на будущее, показывая путь возможного отторжения части государственной территории.

Давая оценку современной политико-идеологической обстановки в стране как нестабильной и достаточно напряженной, нельзя не отметить, что реальная деятельность российских СМИ далеко не всегда преследует созидательные цели, которые можно определить как способствующие возрастанию уровня безопасности личности, общества и государства.

Говоря об угрозах информационной безопасности, нельзя обойти молчанием сферу *общенациональной российской культуры*, определяющую для нас сами принципы существования и взаимодействия личности, общества и государства, перспективы их сохранения и развития или распада и гибели. Процесс реформирования порождает ряд противоречий, особенно остро затрагивающих культурную сторону жизни постсоветской России.

Наиболее очевидным противоречием в сфере культуры является противоречие между необходимостью быстрого обновления сложившегося культурного достояния и системы духовной регуляции, уже не отвечающей новым потребностям общества, и сохранения того ценного, что поддерживает жизненно важные функции социума. Сама культура по своей сути информативна, поэтому идея смены «культурных эпох», определяемых господствующими средствами коммуникации не просто метафора. Средства коммуникации как бы создают то «окно», через которое человек видит мир. При этом проявляющиеся новые прагматические ориентации, тенденции тотального отрицания достижений прошлого, попытки создать «с чистого листа» новую Историю и Культуру, порождают в общественном сознании ощущение утраты жизненных ориентиров, чувство ненормальности жизни.

Второе противоречие – между потребностью в радикальном обновлении и преодолении застойных порядков с одной стороны, и необходимостью поддержания социальной стабильности – с другой. Это означает, что изменению подвергается система социализации общества в целом. Стремительные перемены такого рода на фоне неизбежно отстающих процессов создания механизмов правового и морального регулирования, влекут за собой переоценку сложившихся норм и ценностей, что выражается как в «общем падении нравов», так и в росте корыстных и криминальных проявлений. При этом приближение количества и качества российских СМИ к западным, в частности, американским стандартам, происходит прямо пропорционально росту и характеру преступности.

Третье противоречие – между необходимостью широкого заимствования современного мирового опыта и сохранения самобытности. Слепое копирование иноземных образцов без должной их адаптации к своему культурному достоянию оборачивается не только духовным, но и социальным разладом. С угрозой национальному самосознанию россиян связано и информационное воздействие СМИ, приводящее к *дестабилизации социальной преемственности поколений*. Неупорядоченность информационных потоков, продуцируемых современными российскими СМИ, напрямую влияет на рост таких негативных проявлений в обществе, как агрессивность, ослабление социального самоконтроля у части населения, резкая ак-

тивизация иррациональной сферы общественного сознания.

Четвертый аспект преобразований российского общества – распад единой политической и культурно-идеологической системы регуляции бывшего СССР, что привело к утрате общих механизмов интеграции и стабилизации общественных отношений. И здесь характер и направленность взаимодействия сведений, распространяемых СМИ, со сферой социально-значимой информации, составляющей базис культурного наследия нации, необычайно важны. В условиях политической нестабильности СМИ способны выступать катализатором наметившихся процессов, либо, наоборот, сдерживать конфликт, направляя политическое действие в привычное русло.

Актуальность проблемы выживания отечественной культуры очевидна. Проблема культурной безопасности является важнейшей составной частью системы обеспечения безопасности страны и каждого из ее регионов. Массовая информация – необходимое условие сохранения и развития отечественной культуры, ее вхождения в культуру общемировую. При этом степень свободы средств массовой информации должна все в большей степени определяться не государством, а самим обществом, служа показателем его зрелости и ответственности перед собой и теми базовыми принципами отечественной культуры, которые россияне собираются передать следующим поколениям. Демократическое развитие СМИ требует наличия многих *негосударственных* средств коммуникации, которые будут контролировать и обсуждать действия политической власти и служить средством информирования в плюралистическом гражданском обществе. Оно также требует защиты этого общества от парализующего влияния рыночных СМИ, регулирования и максимального сокращения частной власти над средствами коммуникации. Интересы личности, общества и государства во многом связа-

ны с реализацией прав и свобод граждан на информационную деятельность, интеграцией России в мировое информационное пространство, ее способностью обеспечить безопасность функционирования своей информационной инфраструктуры и органичное развитие отечественной культуры.

Таким образом, средства массовой информации являются одним из факторов, от которых зависит духовное здоровье общества, наличие или отсутствие у широкой аудитории политических и идеологических ценностей и идеалов, формирование взглядов на историческое место и роль России в прошлом и будущем.

Литература:

1. *Артертон Ф.К.* Теледемократия. Может ли технология защитить демократию?: Дискуссия по поводу технологии и демократии // Информатизация общества и философия. М., 1991. С.28.
2. *Багдасарян Л.* Средства массовой информации в современной борьбе идей // По ленинскому пути. Ереван, 1988. N 4. С.76, 77.
3. *Каит И.* Сочинения. М., 1966. – Т.6. С.27.
4. *Козлова Н.Н.* Средства коммуникации и общественные отношения: грани взаимодействия // Филос. науки. М., 1990. N 9. С.23 – 29.
5. *Кривомазов П.* Заторы на книжной реке // «Правда», 1989, 18 сентября. С.2.
6. *Ладодо И.В.* Новое мышление и массовое сознание // Проблемы становления нового мышления. М., 1990. С.70 – 74.
7. *Манаев О.Т.* Несогласная аудитория: (изменение критериев эффективности средств массовой информации в процессе демократизации общества) // Социол. исслед. 1990, N 6. С.28 – 33.
8. *Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // Психол. журнал. 1995, Т.Т.16, 17.
9. *Назаров М.М.* Функционирование СМИ и некоторые особенности состояния общественного мнения в современных условиях // Общественное мнение в условиях перестройки: проблемы формирования и функционирования. М., 1990.
10. *Стриженко А.А.* Язык и идеологическая борьба. Иркутск, 1988.
11. *Энтин В.Л.* Средства массовой информации в политической системе современного капитализма / Отв.ред. Туманов В.А. М., 1988.

Смысл жизни и наивная аксиология

Ю.М.Кузнецова, г. Москва

²Кто я? Стоит ли жизнь того, чтобы жить? Имеет ли она смысл? Как я могу осуществить свое человеческое призвание? - склонность

² Работа выполнена при поддержке РФНФ, грант 06-06-00638а.

если не к систематическим размышлениям на эту тему, то, по крайней мере, к переживанию подобных проблем является универсальным свойством человеческой природы [25; 845]. Психологическое выживание человека, его развитие и самореализация связаны с по-

иском формулы, в которой разрешилось бы противоречие между ограниченностью индивидуального бытия человека и всеобщей родовой его сущностью [1].

Как правило, в поле зрения психологии, тем более психотерапии, попадают случаи максимальной напряженности потребности в смысле жизни, связанные с ситуациями нарушения «экзистенциальной стабильности личности» [14; 31], кризисными моментами жизни, выталкивающими человека за пределы обыденности. Однако неявность («растворенность», «латентность») смысла в житейской рутине не означает его принципиальную неявленность (отсутствие) в ней.

Будучи экзистенциальным проектом, смысл жизни не может быть локализован в психологическом пространстве и времени, адекватно выражен в конечной формуле; здесь, по-видимому, возможны «только проблески понимания, и артикуляция становится чрезвычайно сложной, если не невозможной» [2; 282]. Наоборот, манипулирование готовыми определениями, привлекающими человека своей внутренней или внешней красотой, либо принятыми под давлением со стороны социальных агентов, может быть серьезной проблемой, поскольку порождает стагнирующую иллюзию обладания и даже понимания. Но если знание – не обязательное свидетельство наличия смысла, а отсутствие знания не может быть признаком бессмысленности [11; 249] возникает вопрос о внезапных способах выражения «проживаемого смысла» [19; 71] в обыденном сознании.

Е.В.Золотухина-Аболина к таким способам относит эмоциональные проявления: 1) интерес как внутреннее содержание, пробуждающее человека от равнодушия, выводящее из психологической дремоты; 2) ощущение будущего, темпоральной открытости; 3) спонтанное ощущение радости и эмоционального подъема; 4) ощущение себя частью целого, встроенность в систему отношений, которая переживается как ощущение «уютности мира», его приспособленности для нас и человекообразности [7; 134 – 139].

В противоположность этому, о бессмысленности жизни сигнализируют боль, болезнь, потери, неудачи, отчаяние, разочарование, страх смерти или просто скука; радикалом этих состояний является «болезненное разногласие между тем, что есть и тем, каким это должно быть» [2; 282], которое, порождая ощущения уязвимости, ничтожности, отсутствия перспективы, бесполезности, иска-

жает или блокирует осуществление даже самых простых и привычных действий. Следовательно, наличие в повседневности «проживаемого смысла», служащее свидетельством «постоянного Божественного посягательства на скоротечную человеческую жизнь» [16; 73], дает возможность достижения целостности, соотнесения своего существования с далеко выходящей за его рамки сущностью, вселяет обнадеживающую уверенность в его мировой необходимости и оправданности.

Невыразимая общая формула смысла жизни иницирует создание множества конкретных формулировок, отражающих «попытки конечного существа постигнуть бесконечное» и несущих отпечаток определенной позиции, точки зрения, целевого контекста [22; 21]. В качестве той конкретизированной «модели должного», которая насыщает реальную повседневную жизнь человека реальным смыслом, выступают личностные ценности [11; 249], [12; 24].

Согласно В.Франклу, объективные ценности предъявляются человеку в форме жизненных задач, «постоянных обязанностей человека», ответственное выполнение которых придает жизни смысл: «Вполне возможно, что каждое конкретное обязательство является некоторой частью чего-то целого, никогда не видимого для индивида, который всегда ограничен углом зрения своих каждодневных обязательств» [24; 171]. Благодаря тому, что человек всегда имеет возможность реализовать ценности созидания, переживания и/или отношения, «человеческое существование по сути своей никогда не может быть бессмысленным» [24; 174].

Ценности личности оказываются адекватными средствами выражения наличия в жизни конкретного человека смысла в силу своих свойств: а) смысловой природы [5; 77], [11; 223], [13], то есть изоморфности смыслу жизни; б) двойственного культурного и личностного происхождения [6; 255], [20; 102], что обеспечивает их проницаемость для культурного, универсального и индивидуально-неповторимого опыта, обеспечивает пространство для диалога конкретно-бытийного с трансцендентным; в) двойственного объект-субъектного обуславливания, благодаря которому не только объект субъективизируется, но и субъект получает возможность видеть свое отражение в объекте [15; 30], в частности, рефлексировать свои базовые интенции; г) реализуемости в деятельности, и, следовательно, способности систематически предос-

тавлять «носителю» доступные для наблюдения свидетельства о своей неслучайности, надситуативности, жизненной укорененности [17; 198 – 199].

К ценностным феноменам, побуждающим вести поиск утраченного или ускользающего смысла, относятся: ценностный выбор как средство разрешения ценностного конфликта, объективирующий для человека неравномерность представленности в ценностях чего-то, что не сводится к их житейскому значению, а значит, необходимость выхода из плоскости собственно ценностного отношения; решение задачи на смысл ценности, которую выдвигает перед человеком «разрыв» в привычном течении дел, требующий остановки и рефлексии, что опять-таки подразумевает выход в измерение, позволяющее видеть ценности «извне». Оказывается, что «глубина залегания» смыслов не так уж велика: последовательно ставя перед человеком вопрос «Зачем?», уже через 1 – 2 шага мы покидаем область конкретных занятий и выходим на общие смыслы [10; 8].

Получается, что человек и без внешне обусловленной необходимости мог бы получать доступ к смысловым структурам, поддерживая связность и функциональную эффективность ценностной системы. Однако спонтанное проведение подобных ревизий, вероятно, блокируется таким свойством обыденного сознания, как охваченность житейскими заботами. Смысл находится как бы на периферии поля зрения, благодаря чему его присутствие ощущается, но человек при этом имеет возможность заниматься другим.

Отсюда, как нам кажется, возникает известное житейское недоверие к развернутым «разговорам о смысле жизни» как чему-то искусственному и излишнему; однако и потеря из «периферического зрения», утрата ощущения осмысленности переживается болезненно, возникает острое желание «вернуть» смысл, который часто отождествляется с воплощавшим его объектом, или обрести новый. Возвращаясь к проблеме роли кризисов в осмыслении жизни, можно нарушение рутины, сопровождающее кризисные явления, рассматривать как стимул к смыслопознанию, в то время как сама обыденность оказывается условием реализации уже имеющихся смысловых оснований жизни, их продуктивной объективизации.

Итак, преломление смысла жизни, доступное обыденному сознанию, выражается в системе ценностей личности. Онтогенетически

индивидуальные формы ценностей вторичны по отношению к культурным, согласно тезису о том, что для индивида «осознание действительности может происходить только посредством усваиваемых извне значений...», которые он получает в общении» [9; 119]. Кроме того, ценности могут быть рефлексивными или «наивными». Под «наивной аксиологией» [3; 467] понимаются те своды житейских ценностных представлений, которые отличаются от ценностей эксплицитных, осознанных, систематизированных, обобщенных, обязанных своим происхождением специально организованному научному (философскому, идеологическому) познанию. Интересующие нас индивидуальные наивные формы относятся к категории ценностей скорее переживаемых, чем знаемых, локализованных в обыденном сознании, лояльному к проявлению непоследовательности и противоречивости [23]; они организованы в изменчивые структуры, аккумулирующие опыт житейской практики человека, абсолютно индивидуальные и глубоко интимные по содержанию. Те культурные значения, которые, усваиваясь в процессе социализации, служат индивиду средством для фиксации ценностного содержания, приобретают для него специфический смысл, поэтому одноименные ценности не могут быть идентичны (в отношении к надиндивидуальным формам это не вызывает сомнения: см., например, [20; 21; 26] и др.).

От содержательного наполнения фиксирующего ценность культурного значения, то есть от особенностей формулировки субъективно соответствующих ей житейских задач, зависят направленность и операциональный состав деятельности по их реализации. В наивных ценностных образованиях, в отличие от стройных этических конструкций, «концы не сходятся с концами, а выявленные иерархии постоянно и динамично видоизменяются в зависимости от ситуации, состояния организма, доминирующих потребностей; но именно они реально влияют на поведение людей» [4]. Следовательно, житейские ценностные представления выполняют функцию посредника между смысловой стороной жизни, соотносимой с глубинными (или вершинными) экзистенциальными слоями, и доступными для рефлексии и исследовательского анализа переживаниями, мнениями, отношениями и поступками. «Наивная аксиология» личности, не давая ответа на то, чем является смысл жизни, может дать ключ к описанию

того, как он является (проявляется) в субъективной психологической реальности.

Исследование субъективного содержания ценностных представлений проводилось с помощью метода Семантического дифференциала; использовался модифицированный список шкал, по которым оценивалось 18 понятий, имеющих ценностное содержание. Опрошено более 800 человек, чьи данные позволили построить обобщенное ценностное семантическое пространство. Выявлены три биполярных фактора, соотносимых с классическими Оценки, Силы, Активности, и приобретающих на материале ценностей следующее содержание: факторы 1) Предпочтения, 2) Активизирующего потенциала (Стеничности) и 3) Выигрышности (Полезности) (перечислены в порядке убывания информативности). Положение конкретного объекта относительно трех факторных осей позволяет описывать его содержание; технически описание содержания ценности, таким образом, сводится к указанию того сочетания полюсов факторных осей, которое задает подпространство расположения ценности (например, +1+2+3 или +1-2+3). Объекты, расположенные в одном подпространстве, рассматриваются как имеющие совпадающее или очень близкое содержание и как образующие констелляцию; объекты, располагающиеся в имеющих противоположные координаты подпространствах, определяются как образующие оппозиции.

Испытуемые делились на группы в соответствии с различными критериями, в том числе – пол, возраст и адаптационный статус, который определялся с помощью «Шкалы социально-психологической адаптированности» К.Рождерса и Р.Даймонд в модификации А.К.Осницкого [18]. В данном сообщении речь будет идти о группах взрослых (в возрасте 27 – 62 лет) адаптированных и дезадаптированных женщин и мужчин. Мы оперируем не индивидуальными, а среднегрупповыми данными, так как при реконструкции индивидуальных семантических пространств не ставится задача разделения уникально-индивидуального и типичного, отражающего влияние интересующих субъектных характеристик в его принципиальном выражении, что как раз и является предметом нашего интереса. Выявленные для групп различия в «системах смыслов» [21; 88] рассматриваются нами как проявление обобщаемого (по процедуре вычислений – «усредненного») своеобразия субъективного отно-

шения к ценности, характеризующего типичного индивида-представителя группы.

Если принять за «эмпирическую норму» отношение к ценностям, обеспечивающее личностную и социальную адекватность, то по расположению одноименных ценностей в обобщенном пространстве можно констатировать, что у мужчин наблюдается большая выраженность деформации смысла в условиях дезадаптированности, чем у женщин. В то время как у дезадаптированных женщин по сравнению с группой адаптированных выявляется только 13 случаев частичного изменения характеристик ценностей (выраженности в них качеств эмоциональной предпочтительности, стеничности и полезности), сравнение групп мужчин дает 33 случая изменения, причем четыре одноименные ценности (Безопасность, Дружба, Свобода, Семья) одновременно утрачивают или меняют на противоположные все три характеристики. Таким образом, у мужчин аксиологический компонент картины мира под воздействием личностной дезадаптированности может искажаться вплоть до инверсии.

Сама «эмпирическая норма» отношения к ценностям также имеет гендерную специфику. Различия между субъективными значениями, которые имеют ценности для адаптированных женщин и мужчин можно проследить, например, в отношении объектов Внешняя привлекательность, Труд, Семья. При этом сложно преодолеть впечатление, что «женский» вариант объединения и противопоставления ценностей больше соответствует обыденной логике, чем мужской. В самом деле, у женщин Семья, Дружба, Труд и Успех (+1+2+3) образуют констелляцию, в которой содержание каждого понятия без затруднений раскрывается через остальные, а Внешняя привлекательность (+1+2-3) попадает в одно подпространство с Развлечениями, что также легко интерпретируется. Представления же адаптированных мужчин следует признать по меньшей мере небанальными. Так, содержание ценности Внешняя привлекательность (+1+2+3) синонимично значению ценности Духовное развитие; Семья (+1+2-3) образует со Здоровьем, Развлечениями, Безопасностью и (одновременно!) Риском констелляцию, которая противостоит понятию Традиции (-1-2+3); ценность Труд размещается в подпространстве +1-2-3 и оппонирует ценностям Конкуренция и Порядок (-1+2+3). Таким образом, в мужской ценностной картине мира не находят подтверждения

распространенные представления об антагонизме духовного и телесного; содержание ценности Семья вызывает ассоциации с какими-то приключениями, участники которых застрахованы от несчастных случаев; такие ценности, как Безопасность или Здоровье оказываться парадоксально «нетрадиционными», Конкуренция – тем, что упорядочивает действительность, а Труд – неким декоративным (приятным, не активизирующим и бесполезным) компонентом этой действительности.

За рамками настоящего сообщения остаются многочисленные факты, свидетельствующие о сложности как самого аксиологического компонента обыденной картины мира, так и проблемы совместимости взятых в аксиологическом аспекте картин мира, принадлежащих разным субъектам. Нам важно было предложить подход к ценностям как обыденным коррелятам смысла жизни и продемонстрировать наличие наивной ценностной картины мира как образования, интегрирующего субъективный опыт отношения к ценностям, фиксируемый в аффективной, энергетической и когнитивной составляющих, а также реальное присутствие авторского отношения к тем житейским задачам, которые, являясь опосредованным субъектными свойствами воплощением общечеловеческих ценностей, служат проводниками смысла жизни. В частности, женский и мужской взгляды на жизненные задачи, а значит, и смысловые основы субъективной реальности оказываются весьма различными как в плане обнаруживаемого содержания, так и в плане сопротивляемости этого содержания воздействию со стороны неблагоприятного житейского опыта. Данный подход дает ключ к ретроспективному исследованию истории формирования и функционирования отдельных ценностей личности, их системы, а также определению относительных функциональных возможностей компонентов ценностной сферы личности в плане обеспечения ощущения присутствия в жизни смысла, что представляет интерес для консультативной и психотерапевтической практики.

В символическом плане право задавать вопросы и право хранить тайну являются разными способами воздействия на партнера, проявления власти над ним [8; 19]. В непрерывном диалоге с миром человек занимает позицию вопрошающего, а мир – позицию хранящего тайну; таким образом, вне зависимости от получения ответа настойчивость в стремлении иметь смысл жизни оправдана

уже тем, что благодаря ей человек утверждает свое равноправие с миром.

Литература:

1. *Братусь Б.С.* Психология. Нравственность. Культура. М., 1994.
2. *Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д.* Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / Пер. с англ. М., 2000.
3. *Вежбицка А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М., 2005. С. 467 – 499.
4. *Дубов И.Г., Хвостов А.А.* Моральная детерминация поведения в обыденном сознании больших групп населения // Вopr. психол. 2000. № 5. С. 87 – 99.
5. *Ермолаева М.В.* Субъектный подход в психологии развития взрослого человека (вопросы и ответы). М.; Воронеж, 2006.
6. *Жуков Ю.М.* Ценности как детерминанты принятия решения: социально-психологический подход к проблеме // Психологически проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С. 254 – 277.
7. *Золотухина-Аболина Е.В.* Повседневность: философские загадки. Киев, 2006.
8. *Кулинов А.С.* Психоанализ символизма обыденной жизни. СПб., 2005.
9. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004.
10. *Леонтьев Д.А.* Методика предельных смыслов (МПС): Методическое руководство. М., 1999.
11. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999.
12. *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вopr. философии. 1996. № 4. С. 15 – 26.
13. *Лихтарников А.Л.* Ценностно-смысловое развитие личности: нормальное и патологическое ценностное жизненное пространство человека // Смысловые пространства современного человека: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Х.Манеров. СПб., 2005. С. 20 – 36.
14. *Лобок А.М.* Деятельность смысла // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла. Материалы международной конференции / Под ред. Д.А.Леонтьева. М., 2005. С. 26 – 36.
15. *Макейчик А.А.* Аксиология. СПб., 2004.
16. *Мэй Р.* Искусство психологического консультирования / Пер. с англ. М., 2001.
17. *Нюттен Ж.* Мотивация, планирование, действие // Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А.Леонтьева. М., 2004. С. 17 – 350.
18. *Осницкий А.К.* Определение характеристик социальной адаптации школьников // Журнал практического психолога. 1996. № 3. С. 48 – 53.
19. *Смекал В.* Личность с логотерапевтической точки зрения // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла). Материалы международной конференции / Под ред. Д.А.Леонтьева. М., 2005. С. 67 – 74.
20. *Смирнов Л.М.* Базовые ценности – поиск истоков. Структуры в сознании личности, универсалии предпочтений и поиск оснований. Волгоград, 2005.
21. *Тихомандрицкая О.А., Дубовская Е.М.* Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-

- потребностной сферы (Методические аспекты) // Мир психологии. 1999. № 3. С. 80 – 90.
22. *Тулчинский Г.Л.* Смысл и гуманитарное знание // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла. Материалы международной конференции / Под ред. Д.А.Леонтьева. М., 2005. С. 7 – 26.
23. *Улыбина Е.В.* Психология обыденного сознания. М., 2001.
24. *Франкл В.* Общий экзистенциальный анализ // Франкл В. Человек в поисках смысла / Сб. Пер. с англ. и нем. Общ. ред. Л.Я.Гозмана и Д.А.Леонтьева. М., 1999. С. 157 – 283.
25. *Фрейджер Р., Фейдимен Д.* Личность: теории, эксперименты, упражнения. СПб., 2002.
26. *Hofstede G.* A case for comparing apples with oranges. International differences in values // Sasaki, M. (ed.) Values and Attitudes across Nations and Time. Leiden etc., 1998. Pp. 16 – 31.

Смысловая организация внутренних ресурсов человека в изменяющихся условиях внешнего мира *Р.М.Кумышева, г. Нальчик*

Формирование личности молодого россиянина в настоящее время происходит при детерминирующем влиянии внешних условий жизнедеятельности и при отсутствии ориентиров для активного влияния на них. По справедливому замечанию В.Д.Шадрикова, «обеднение отношений с внешним миром приводит к задержкам психического развития как в интеллектуальном, так и в эмоциональном аспекте»³. Описанный И.В.Равич-Щербо опыт с «умными» и «глупыми» крысами показывает, что в неблагоприятной (обедненной) среде и «умные», и «глупые» крысы ведут себя одинаково «неразумно», а в благоприятной (обогащенной) среде резко возрастает обучаемость «глупых» крыс⁴. Это говорит о том, что изменение внешних условий – одинаковый риск для любого генотипа, индивидуальные различия проявляются только в нормальной среде.

Человек в отличие от животных наделен способностью трансцендировать во внутренний мир, чтобы проанализировать условия внешнего мира и найти возможности взаимодействия с ним. Следовательно, невозможность управлять внешними обстоятельствами сейчас должна компенсироваться развитием внутренних ресурсов, и с их помощью должно обеспечиваться равновесие во взаимодействии с внешним миром. Под внутренними ресурсами человека мы понимаем системную организацию психических характеристик человека, которая определяет и направляет характер отношений и взаимодействия человека с внешним миром. Этому определению предшество-

вало эмпирическое исследование эволюции отношений человека с внешним миром.

Методологическую основу исследования составили работы философов Г.Гегеля, А.Шопенгауэра, И.Фихте, Х.Ортега-и-Гассета и др., психологов Р.Уилсона, В.Тэрнера, К.Юнга и др. Обобщение их концепций позволило вывести следующие закономерности: 1) в процессе взаимодействия человека с внешним миром человек может занимать зависимую и главенствующую позиции; 2) в формировании позиции участвует определенная внутренняя субстанция человека; 3) сложность, упорядоченность и содержательность данной субстанции определяет позицию и характер поведения человека.

При рассмотрении эволюции отношений человека и внешнего мира обнаружили следующие закономерности. На этапе, когда человек не обладал достаточной информацией о внешнем мире, реакция первого была инстинктивной. В качестве формы психологической защиты использовались мантры – асемантические тексты и ритуальные танцы – упорядоченные движения. Их смысл заключался в упорядочении своего внутреннего состояния, в восстановлении психического равновесия. На данном этапе проявлялись качества индивида.

На следующем этапе эволюции отношений человека с внешним миром человек уже обладает достаточно обширной информацией о внешнем мире, но еще не умеет их объяснять. На данном временном отрезке возникли мифы со сложной символикой и космогонические концепции. Их смысл заключался в упорядочении внешнего мира и попытке сделать объекты внешнего мира посредством символов условно изученными. К этому же периоду относится и создание ритуалов, которые замещали отсутствующие возможности

³ *Шадриков В.Д.* Мир внутренней жизни человека. М., 2006. С. 18.

⁴ *Равич-Щербо И.В.* и др. Психогенетика. М., 2004. С. 127.

воздействия на внешний мир. На данном этапе человек проявился как субъект.

Далее человек перешел к самопознанию и соизмерению своих возможностей с обстоятельствами жизни для влияния на внешний мир. Он достиг способности изучать свой внутренний мир и устанавливать причинно-следственные связи в отношениях с внешним миром. Последствием были религиозные концепции. А «первичная вера является условием выхождения к внефизическому плану, духовному бытию»⁵. Мифологическое сознание, формируемое религией, связано с сохранением гармонии в мире и физическим выживанием, обусловлено становлением личностного начала и духовно-нравственными целями⁶. То есть изначально человек осознавал необходимость личностного развития и накопления духовных сил для поддержания гармонии с внешним миром.

Стратегия влияния религии заключалась в укреплении «базовых защитных факторов внутри личности» и «систематических усилиях по изменению организационной среды жизни, направленные на уменьшение отрицательного влияния факторов риска»⁷. В так называемой мировой воле, которая регулирует нравственное поведение человека, обозначились силы: 1) оберегающая жизнь вне индивидуума – в мире; 2) враждебная эгоизму и животному инстинкту самосохранения; 3) стремящаяся к совершенству своих воплощений; 4) направленная на созидание и совершенствование духовной пищи⁸.

По существу, здесь обозначено соотношение компонентов внутреннего и внешнего миров. Каждый из них содержит две противоположности: способствующую совершенству и противостоящую несовершенству. Каждая из этих сторон внутреннего мира человека может активизироваться и доминировать по мере необходимости. При приближении опасности – приоритет должен отдаваться инстинктивной составляющей, при оценке опасности и планировании собственных действий, адекватных ситуации, – перевес должен быть

на стороне духовной части. То есть, для ответственности мировой воле – или точнее: для сохранения равновесия в отношениях с внешним миром – необходимо гибко переотраивать свои внутренние ресурсы. С этим перекликается и точка зрения В.Э.Чудновского: «овладение ситуацией необходимо предполагает и преобразование собственного поведения, собственной личности. Разумеется, сюда должно входить и наиболее оптимальное использование собственных природных предпосылок»⁹.

Смысл религиозных концепций в историческом развитии человека заключался в том, что он все более управлял отношениями с внешним миром. Углубление в себя привело к большим возможностям для познания внешнего мира. На данном этапе эволюционного развития человек проявился как личность. Способность влиять на ситуацию обусловлена степенью ориентированности в ней и устойчивости психического равновесия. И то и другое достигается в процессе деятельности. Именно в деятельности устанавливаются значение и смысл окружающего предметного мира¹⁰, а также место и положение самого человека в этом мире.

Примитивный человек, по мнению З.Фрейда, проецирует во внешнюю реальность «одновременные ... существования бессознательных душевных процессов, наряду с сознательными»¹¹. То есть еще в древности человек понимал, что какие-то внутренние силы поддерживают его в сложных жизненных обстоятельствах, и пытался эти силы познать и осознать. Одна из форм познания их – проекция во внешнюю реальность их символических обозначений. В частности, как полагает З.Фрейд, духи и демоны представляют для человека проекцию его чувств, привязанностей его аффектов; он их «превращает в лиц, населяет ими мир и снова находит вне себя свои внутренние душевные процессы»¹². Это был способ познания и определения человеком своих внутренних ресурсов.

Винникотт и Юнг также уверены в наличии третьего пространства, которое находится между внутренним и внешним мирами и в то

⁵ Шафоростов А.И. Личностная вера: от мифа к самосознанию. Иркутск, 1996. С. 8.

⁶ Фаткуллина А.Я. Смыслжизненные ориентации человека в башкирской мифологии. Дисс. ... к.филос.н. Уфа, 2003. С. 10.

⁷ Соснин В.А. Психология религии: американский опыт // Психологический журнал. 2002. Т. 23. №2. С. 122.

⁸ Грот Н.Я. Устои нравственной жизни и деятельности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000. С. 401.

⁹ Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни: Избранные труды. М.; Воронеж, 2006. С. 67.

¹⁰ Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М., 2006. С. 113.

¹¹ Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии. СПб., 1997. С. 127.

¹² Там же. С. 125.

же время относится к обоим мирам. Причем К.Юнг, который называет это промежуточной средой тонкой реальности, считает, что она может быть выражена только при помощи символов¹³.

Р.Гордон, анализируя эту концепцию, приходит к следующим обобщениям: эволюция и образование этой области могут происходить только: 1) когда человек выходит из состояния слияния с миром; 2) когда он становится более способным дифференцировать психический опыт от соматического, внутреннее от внешнего; 3) когда он достигает некоторого чувства непрерывности и постоянства мира вокруг себя; 4) когда эго-функции таким образом становятся достаточно надежными и твердыми¹⁴.

Франс Тютсин также признает существование некой промежуточной субстанции между внешним и внутренним мирами и называет ее переходным состоянием, в котором чувствуются внутренние и внешние структуры. К тому же она считает это состояние необходимым для самопознания и установления безопасных контактов с внешним миром¹⁵.

Возможно, В.Э.Чудновский имеет в виду ту же третью субстанцию, когда говорит: «... человеческий индивид в процессе своей жизнедеятельности приобретает такие свойства, которые не предопределены однозначно ни внешними воздействиями, ни внутренними природными данными. Они результат их взаимодействия, деятельности индивида как единого саморегулирующегося целого»¹⁶.

Из всего сказанного следует, что внутренние ресурсы человека не тождественны его внутреннему миру. Они выделяются из него, но не отделяются. Кроме того, внутренние ресурсы не могут проявиться в отрыве от внешнего мира, они начинают проявляться и функционировать только в контакте с миром внешним. Внутренние ресурсы человека обретают некоторую стабильность только при достижении равновесия в отношениях с внешним миром. Это одновременно подвижная часть внутреннего мира и инструмент для взаимодействия с внешним миром, это потенциал опыта и одновременно создатель новых знаний и умений.

Внутренние ресурсы человека, в первую очередь, включают: знания человека о мире и о себе, достаточные, чтобы установить соотношение внутренних и внешних сил; способности и умения деятельности, достаточные, чтобы достичь равновесия с внешним миром. Накопление знаний обеспечивает преобладание рационального над эмоциональным, произвольного и планомерного над произвольным и стихийным. Это обеспечивает ориентации в пространстве, жизни и собственном внутреннем мире человека.

Второе условие равновесия между внутренним и внешним мирами – самопознание. К.Юнг утверждает, что «знание о бессознательном необходимо для понимания собственной психики»¹⁷. Самопознание – путь к освобождению от детерминирующего влияния внешних обстоятельств и к осознанию своих внутренних ресурсов. Когда человек в своем развитии дошел до самопознания, влияние на объекты и явления внешнего мира стали строиться на соизмерении внешних условий жизни и внутренних ресурсов человека. Это привело к необходимости самосовершенствования человека, его внутренних ресурсов. Самосовершенствование включает и совершенствование себя как личности, и своих умений в деятельности, которая является смыслообразующей и смыслозначимой.

Третье условие равновесия между внешним миром и внутренним мирами – устойчивость внутренних ресурсов человека при меняющихся условиях.

В.Э.Чудновский определяет устойчивость как «результат функционирования механизмов, активно противодействующих нарушающим, вредным воздействиям»¹⁸, как способность «использовать преимущества своей нервной системы и нейтрализовать ее недостатки»¹⁹, как внутреннюю самоорганизацию²⁰, как «способность человека сохранять в различных условиях свои личностные позиции, обладать определенным иммунитетом по отношению к воздействиям, чуждым его личностным установкам, взглядам, убеждениям»²¹.

Внешним воздействиям подвергаются эмоциональная, инстинктивная, интеллектуальная, нравственная сферы человека. Следова-

¹³ Гордон Р. Исчезновение и нахождение: локализация архетипического опыта // К.Г.Юнг и современный психоанализ. Хрестоматия по глубинной психологии. Вып. 1. М.: Че Ро, 1995. С. 59, 60.

¹⁴ Там же. С. 61.

¹⁵ Там же. С. 62.

¹⁶ Чудновский В.Э. Указ. соч. С. 27.

¹⁷ Юнг К.Г. О психологии восточных религий. М., 1994. С. 128.

¹⁸ Чудновский В.Э. Указ. соч. С. 42 – 43.

¹⁹ Чудновский В.Э. Указ. соч. С. 68

²⁰ Чудновский В.Э. Указ. соч. С.70.

²¹ Чудновский В.Э. Указ. соч. С. 95.

тельно, устойчивость личности обеспечивается наличием: способности регулировать инстинкты; твердых нравственных принципов и убеждений; развитой воли и способности к эмоциональной саморегуляции; достаточного количества знаний, научных убеждений и способности применять их на практике, адекватно ситуации. В совокупности они образуют систему внутренних ресурсов человека.

На всех этапах эволюции отношений с внешним миром человек стремился к достижению их оптимального состояния в процессе деятельности. Последовательность форм деятельности соответствовала этапам достижения равновесия между внутренним миром человека и миром внешним: ориентация, адаптация, регуляция и управление. В результате сформировалась поведенческая модель, которая состоит из оценки ситуации, оценки внутренних ресурсов, принятия решения по характеру взаимодействия с внешним миром. Таким образом, деятельность наделялась жизненным смыслом как объективным отношением субъекта с миром и предназначалась для порождения личностных смыслов - устойчивых и осознанных ценностно-смысловых ориентаций и формы познания субъектом жизненных смыслов²².

Человек и внешний мир – две открытые системы, которые взаимодействуют и стремятся к самоорганизации и сохранению целостности. Внешний мир рассматривается нами как совокупность четырех уровней. Первый уровень – предметный мир, второй уровень – мир человеческих отношений, третий уровень – мир социально-экономических и культурно-эстетических условий общества; четвертый уровень – мир природы. Взаимодействие человека с внешним миром осуществляется одновременно на всех обозначенных уровнях, один из которых является доминантным в зависимости ведущих потребностей человека. На уровне природных условий формируются упорядоченные модели поведения, которые имитирует равновесие между внутренним миром человека и внешним миром. На уровне предметного мира вырабатываются те модели поведения, которые позволяют человеку влиять на условия внешнего мира своей деятельностью. На уровне социального мира у человека вырабатывается модель поведения, которая позволяет регулировать и внешние ус-

ловия, и свой собственный внутренний мир, выбирая оптимальную форму отношений между ними. Процесс взаимодействия осуществляется циклично в три этапа: 1) детерминирующее влияние на человека внешнего мира; 2) ориентация человека в условиях внешнего мира; 3) преобразование человеком ситуации посредством влияния на внешний мир и необходимые внутренние личностные преобразования.

На современном этапе эволюции отношений человека с внешним миром человек призван действовать как индивидуальность, то есть управлять собственным взаимодействием с внешним миром путем соотношения своих внутренних ресурсов с жизненными ситуациями и на этой основе выбора поведенческой модели.

По функциональным признакам внутренние ресурсы человека разделены на составляющие части: инвариантная, внешне обусловленная, инструментальная. Нравственное ядро, смысловой инвариант, поведенческая модель для меняющихся условий жизни образуют инвариантную часть внутренних ресурсов человека.

Деятельность, регулирующая отношения человека с внешним миром, имеет жизненный смысл и становится возможной только при наличии у человека достаточных ресурсов для соотношения своего потенциала и ситуации, для развития своих личных возможностей, для принятия адекватного решения и, наконец, осуществления этой деятельности. Следовательно, для человека деятельность обретает смысл только при наличии системы личностных смыслов: смысла познания (для адекватной оценки ситуации), смысла самопознания (для объективной оценки своих возможностей), смысла овладения каким-либо видом деятельности, смысла самосовершенствования (для того, чтобы быть готовым к меняющимся условиям жизни и неожиданным ситуациям). В совокупности эти личностные смыслы образуют компонент внутренних ресурсов человека, названный нами смысловым инвариантом.

Одно из наших эмпирических исследований по определению смыслового инварианта в системе внутренних ресурсов человека проводилось путем опроса. Опрашивались 53 учителя. Им задавались вопросы относительно того, что они считают результатом своей работы, какой урок считают удачным, как работа влияет на их личность, на жизнь, на отношения с внешним миром. Результаты оп-

²² Леонтьев Д.А. Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999. С. 113.

роса сопоставлялись с результатами тестирования по методикам: тест СЖО (Д.А.Леонтьев), измерение уровня профессиональной направленности по признакам латентной структуры отношения (Н.В.Кузьмина, В.А.Ядов). Выявилось, что у удовлетворенных профессией учителей оптимальные показатели по смысло-жизненным ориентациям. А при анализе и обобщении их ответов на вопросы анкетирования обнаружилось наличие у них смыслового инварианта: познание, самопознание, саморазвитие, трансформация результатов своей работы в жизнь.

Для индикации состояния внутренних ресурсов человека мы посчитали возможным использовать методику СЖО, поскольку она включает ориентацию в собственной жизни: субшкалы Цели (Ц), Процесс (П), Результат (Р); ориентацию в своих внутренних возможностях по управлению событиями своей жизни: субшкалы Лocus контроля-Жизнь (ЛКЖ) и Лocus контроля-Я (ЛКЯ).

Тестирование по методике СЖО проводилось в группах студентов отделений «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» (n=64) (БУ), «Технология и предпринимательство» (n=20) (ТиП), «Радиотехника» (n=16) (Рад), «История» (n=10) (ИстМаг), «Физика» (n=18) (Физ), «Лечебное дело» (n=30) (Леч). Тестируемые студенты учились на втором (Рад, Физ), третьем (ТиП), четвертом (БУ и Леч) курсах, а также в магистратуре первого года обучения (ИстМаг). В совокупную выборку были включены все группы, кроме «Лечебного дела». Последняя была группой сравнения. Она была выделена ранее по результатам тестирования с использованием методики Д.А.Леонтьева МПС (Методика предельных смыслов) и методики незаконченных предложений. По первой методике у студентов всех названных выше групп выявлялись смысловые категории, связанные с познанием, самопознанием, ведущей деятельностью и самосовершенствованием. В свою очередь смысловые категории (СК) распределялись по трем уровням: на первом уровне – СК, связанные с прямым приобретением чего-то; на втором уровне – СК, связанные со статусным ростом; на третьем уровне – СК, связанные с личностными преобразованиями. По второй методике определялось семантическое пространство ведущей деятельности, включающее поле целей, поле значений, поле ценностей, поле смыслов. При формулировке предложений для опроса мы опирались на работу А.Н.Леонтьева «Лекции по общей пси-

хологии», в которой «открытие смысла собственных действий», целей и ценностей, ради которых выполнялись действия, осуществляется через ретроспективное их осознание²³.

Выяснилось, что у студентов специальности «Лечебное дело» значимо преобладает третий уровень смыслов. При исследовании семантического пространства ведущей деятельности также обнаружилось преобладание СК третьего уровня, но неполное семантическое пространство (не все семантические поля представлены в семантическом пространстве). То есть, у студентов «Лечебного дела» учебная деятельность имеет смысл для будущей профессией, но никак не связывается с их жизнью. У студентов других специальностей учебная деятельность не связана ни с будущей профессией, ни с жизнью. Это послужило основанием для использования группы Леч в качестве группы сравнения.

При сравнении результатов тестирования каждой группы студентов со средними величинами совокупной выборки значимые отличия выявились у группы Физ: здесь ниже значения ОЖ, Ц, ЛК-Я при уровне значимости $p \leq 0,05$ и значения ЛК-Ж при уровне значимости $p \leq 0,01$. У группы ИстМаг значимо выше значения ОЖ ($p \leq 0,05$) и Ц ($p \leq 0,01$). У остальных групп значимых различий не выявлено.

Показатели группы Леч не отличаются от показателей ТиП по субшкалам П и Р, а также от показателей ИстМаг по субшкале Р. Это связано, скорее всего, с тем, что у ТиП в учебной деятельности высок удельный вес творческих заданий, самостоятельного принятия решений, индивидуальной работы. Высокие показатели по субшкале Р в группах ТиП, ИстМаг и Леч связано с тем, что в процессе учебной деятельности они получают реальные результаты, лично и жизненно значимые.

По остальным субшкалам у группы Леч все показатели значимо выше, чем у всех групп. По предварительному предположению, это связано с тем, что: а) в учебной деятельности группы Леч высока доля практических действий, напрямую связанных с разрешением реальных жизненных проблем; б) учебная деятельность студентов Леч большей частью осуществляется в больничном стационаре, следовательно при более тесной

²³ Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М., 2000. С. 450.

связи с внешним (по отношению к образовательному учреждению) внешним миром.

Второе исследование по методике СЖО проводилось с большей выборкой (n=287). Это была генеральная выборка, средние величины которой использовались для сравнения со средними каждой группы: четвертый курс БУ-2003, третий курс ТиП (n=20), группа магистрантов-историков и магистрантов-филологов первого года обучения (n=22), группа пятикурсников отделения «Налоги и налогообложение» (НН) (n=26), четвертый курс БУ-2006 (n=72), второй курс отделения «Физика» (Физ) (n=18), второй курс отделения «Радиотехника» (Рад) (n=16), третий курс отделения «Социальная работа» (Соц) (n=67). Данные группы Леч по этой методике снова использовались для сравнения. Достоверность выявленных различий проверялась по t-критерию Стьюдента.

При сравнении со средними величинами генеральной выборки обнаружилось, что показатели Физ по ОЖ, Ц, Р, ЛК-Ж значимо ниже; также ниже средних величин генеральной выборки показатели Соц по всем субшкалам. Значения, выше средних величин генеральной выборки по всем субшкалам обнаружались у группы четвертого курса отделения «Бухучет-2006». У группы НН пятого курса и объединенной группы четвертых и пятых курсов результаты выше средних величин генеральной выборки по всем субшкалам, кроме ЛК-Я. По этой субшкале значения выше средних только у БУ-2006 и у группы Леч. Группа БУ-2006 – единственная, у которой нет значимых различий с группой Леч.

Анализ данных исследования по методике СЖО привел к следующим выводам: 1) в группе Леч +БУ-2006 показатели выше средних величин по всем субшкалам; 2) при объединении групп БУ-2003 и БУ-2006 их совокупные данные не превысили средних величин генеральной выборки; 3) при объединении групп по возрастным периодам выявилось, что самые высокие показатели по всем субшкалам у группы четвертого и пятого курсов, а самые низкие показатели – у группы второго и третьего курсов; у группы старшекурсников значения СЖО не отличаются от показателей группы Леч.

Из всего сказанного о тестировании по методике СЖО можно сделать два вывода: значения СЖО имеют наиболее низкие значения на втором и третьем курсах и самые высокие – на четвертом и пятом курсах. То есть самые низкие значения приходятся на средний пе-

риод учебы в университете, а самые высокие значения – на период окончания вуза. В средний период учебы высокие значения СЖО наблюдаются только у Леч. Это позволило предположить, что динамика значений СЖО связана не с возрастными изменениями, а со спецификой деятельности в разные периоды учебы.

Следующее исследование было посвящено выявлению факторов влияния на значения СЖО. В качестве таких факторов были выбраны: материальное положение (МП), успешность учебы (УУ), определенность будущего, а именно: перспектива трудоустройства по окончании учебы (ОБ), самостоятельность выбора профессии (СВ). Для исследования фоновых факторов была разработана анкета, в которой варианты ответов распределялись следующим образом: МП и УУ – высокие (В), средние (С), низкие (Н); ОБ – положительная (+), отрицательная (-); СВ – самостоятельный (Сам), случайный (Сл). Затем данные анкетирования сопоставлялись со значениями СЖО. Значимость зависимости значений СЖО от фоновых факторов вычислялась по критерию ϕ Фишера*.

Обнаружилось, что наибольшую значимость для респондентов имеет фактор УУ: он влияет на значения всех субшкал и в равной мере для успешных и неуспешных в учебе студентов. На втором месте по значимости находится фактор ОБ, связанный с перспективой трудоустройства после окончания университета. Он оказывает влияние на значения всех субшкал у тех, кто имеет перспективу трудоустройства, и на значения всех субшкал за исключением субшкал Ц и Р у тех респондентов, перспектива трудоустройства которых не определена.

На третьем месте по степени влияния находится фактор СВ (самостоятельность выбора профессии): он оказывает значимое влияние на значения всех субшкал у тех, кто самостоятельно выбрал профессию, и на значения Ц у тех, кто случайно оказался в профессии. На последнем месте – фактор МП. Он значим только для лиц с высоким материальным положением.

Следующее исследование было посвящено выявлению взаимозависимости СЖО и социально-коммуникативной компетентности (СКК). СКК исследовалась при помощи методики Е.Рогова. Шкала СКК содержит субшкалы: социально-коммуникативная неуклюжесть (СКН), нетерпимость к неопределенности (НН), конформность (К), фрустра-

ционная нетолерантность (ФН). Опрашивалось 675 человек в возрасте от 15 до 30 лет из всех районов Кабардино-Балкарской Республики. Сопряженность результатов двух измерений проверялась по критерию ϕ Фишера*.

При сравнении показателей СЖО у работающих ($n=107$) и неработающих ($n=129$) респондентов обнаружилось различия очень высокой значимости по всем субшкалам: $p \leq 0,000$. Такой же высокой значимости различия выявлены и по всем субшкалам СКК. При этом у неработающих очень низкие значения СЖО сочетаются с очень высокими значениями СКК. Это позволяет предположить зависимость СЖО и СКК от социального статуса. Однако при сравнении показателей СЖО и СКК у студентов ($n=183$) и школьников ($n=243$) (респондентов с близкими социальными статусами) различия высокой значимости не выявились. При уровне значимости $p < 0,05$ у студентов выше значения ОЖ и Р, ниже конформность. Различия высокой значимости ($p < 0,01$) выявлены только по субшкале СКН (социально-коммуникативная неуклюжесть): у школьников она значимо выше. Эти различия можно объяснить: а) различиями в социальных статусах студентов и школьников (студенты более независимы, чем школьники); б) успешностью прожитой части жизни, ведущей деятельности и взаимодействия с внешним миром. Это подтверждается и при сравнении показателей СЖО и СКК у неработающих мужчин ($n=66$) и неработающих женщин ($n=37$). Различия высокой значимости обнаружены по субшкалам ОЖ, Ц, Р, ЛКЖ, ЛКЯ. У безработных женщин значения по данным субшкалам значимо выше ($p < 0,000$ по критерию Фишера и $p < 0,05$ по критерию Стьюдента). При этом не выявлены значимые различия в значениях анализируемых групп по СКК. Средней значимости различия наблюдаются только по субшкале НН. Неопределенность своего положения неработающие женщины переносят легче, чем мужчины. Однако в обеих группах высокие значения и по СКН, и по К, и по ФН. Эти результаты подтверждают зависимость значений СЖО в большей степени от

ведущей деятельности, чем от социального статуса. Однако показатели СКК напрямую связаны с опытом взаимодействия с внешним миром. Следовательно, для эффективного взаимодействия с внешним миром человеку необходима успешная ведущая деятельность.

Данные исследований семантического пространства ведущей деятельности студентов и их смысложизненных ориентаций, а также результаты исследования СЖО и СКК в большой группе респондентов подтверждают наши предположения: 1) внутренние ресурсы человека имеют смысловую организацию; 2) смысловая организация внутренних ресурсов человека заключается в наличии смыслового инварианта: смысла познания, смысла самопознания, смысла ведущей деятельности и смысла самосовершенствования; 3) успешность взаимодействия с внешним миром является значимым фактором для смысложизненных ориентаций; 4) успешность ведущей деятельности человека является значимым фактором для смысложизненных ориентаций; 5) успешность ведущей деятельности определяется наличием в ней семантического инварианта, состоящего из поля целей, поля значений, поля ценностей и поля смыслов; 6) тест СЖО может служить индикатором внутренних ресурсов человека.

Познание мира, постижение себя, освоение деятельности, которая позволяет и то, и другое, выход в мир с осознаваемыми ориентирами и освоенной деятельностью, позволяющей влиять на жизненные обстоятельства, сложные ситуации – вот что извлекал человек в ходе эволюции своих отношений и взаимодействия с внешним миром. Это позволяет нам утверждать, что учебная деятельность с системным семантическим пространством может стать проводником из мира внешнего в мир внутренний, из мира внутреннего, обогащенного новым опытом, в мир внешний с целью разумно на него влиять. Таким образом, ведущая деятельность наделяется жизненным смыслом и выполняет функцию наполнения внутренних ресурсов человека личностными смыслами.

Теоретическая модель психологической компетентности личности

Н.В.Останчук, А.А.Печеркина

Разработку модели психологической компетентности мы осуществляли исходя из существующего уровня научных представлений

о ее феноменологии, опираясь на доступные нам отечественные и зарубежные публикации, известные эмпирические данные и соб-

ственные экспериментальные исследования. Анализ этих материалов свидетельствует о недостаточной разработанности понятийной базы этого сложного психологического явления, отсутствии целостной и системной модели психологической компетентности, описания ее функций, уровней развития взаимосвязей с другими психологическими образованиями человека, а также указывает на недостаточную разработанность представлений о месте этого психологического феномена в жизни и деятельности человека.

Концептуальную модель психологической компетентности мы выстраивали в два этапа. На первом этапе осуществлялось моделирование психологической компетентности в общетеоретическом плане, в рамках общепсихологических подходов, на втором этапе – в прикладном. Моделирование на первом этапе осуществлялось, прежде всего, через выделение следующих основных параметров психологической компетентности: 1) *Детерминант*: субъектно-личностных (образованность, нервно-психическая устойчивость, образ-Я) и социально-психологических (опыт социальных взаимосвязей, мотивация на успешное осуществление деятельности, образование); 2) *Двух планов*: социального (объективного) и личностного (субъективного); 3) *Уровень развития*: минимальный, адаптивный, оптимальный, уровень самореализации; 4) *Функций*: регулятивной, интегративной, коммуникативной, когнитивной, эмотивной, мотивационной, креативной; 5) *Структуры и компонентного состава* психологической компетентности как психологического образования.

При построении теоретической модели психологической компетентности личности мы исходили из следующих предпосылок: 1) психологическая компетентность не только обуславливает эффективность развития профессиональной деятельности, но и сама является результатом развития личности; 2) психологическая компетентность – интегральная характеристика личности, реализующаяся в разных формах; 3) развитие психологической компетентности по самой своей сути потенциально вариативно. Ни процесс, ни его результаты не являются однонаправленными, и не ведут к одному и тому же конечному состоянию; 4) развитие психологической компетентности осуществляется на протяжении всего жизненного пути человека; 5) психологическая компетентность – это регулируемое системное образование, включающее ряд

взаимосвязанных структурно-функциональных компонентов, обладающее интегративным свойством целого; 6) особенности развития психологической компетентности (неравномерность, скачкообразность, вариативность) обусловлены личностными характеристиками и жизненным опытом человека.

При построении модели мы исходим из того, что психологическая компетентность личности реализуется в двух аспектах: внутреннем – через систему сопряженности модальностей человека как целостности и внешнем – в форме различных типов взаимодействия человека с Миром. Следовательно, психологическая компетентность личности находится под влиянием субъектно-личностных и социально-психологических факторов.

В результате исследований мы получили подтверждение гипотезы, что психологическая компетентность это многомерное и системное психологическое явление и его следует рассматривать, прежде всего, в диалектическом единстве общего, особенного и единичного проявлений личности. Она соединяет в себе в качестве общего, например общечеловеческие ценности и социальные нормы, в качестве особенного – своеобразие менталитета, а в качестве единичного – образ Я, нервно-психическая устойчивость, индивидуально своеобразный стиль отношений, поведения и деятельности.

Психологическая компетентность, как психическое образование, погружено во все основные ипостаси человека: личность, субъекта, индивидуальность, имеет иерархическое многоуровневое строение и многокомпонентный состав. Мы обнаруживаем и особенности восприятия объективной действительности, и глубину понимания его, и адекватность знаний о нем, характер переживаний, связанных с другим человеком, а также умения общаться, сотрудничать и продуктивно осуществлять деятельность. Таким образом, психологическая компетентность выступает как единство знания, отношения, переживания и жизненного опыта человека.

В результате изучения структуры психологической компетентности мы пришли к выводу, что она включает в себя следующие основные компоненты: когнитивно-смысловой, мотивационно-целевой, эмоционально-поведенческий и операционально-регулятивный. Каждый компонент можно представить как некую сложную систему.

Когнитивно-смысловой компонент психологической компетентности предполагает, что человек из отдельных единичных ситуативных образов формирует знания, представления и понятие о своей сущности, об окружающем мире, а соотнесение знания о себе с социальными требованиями и нормами дает ему возможность определить свое место в системе общественных отношений, вырабатывать приемы и способы действий. Человек с недостаточно развитой и сформированной психологической компетентностью, как правило, несколько ограничено представляет себе сильные и слабые стороны своей личности, не знает и не использует возможности ее развития. Попытки самосовершенствования чаще всего направлены у него на накопление знаний только о профессиональной деятельности, без учета своих психологических особенностей и возможностей. Когнитивно-смысловой компонент психологической компетентности предполагает непрерывное движение человека от одного знания о себе и своей деятельности и жизнедеятельности в целом к другому знанию, его уточнению, углублению, расширению и т. д. Основным условием, определяющим непрерывность изменения знаний о себе, являются динамические представления о реальной действительности и взаимодействия с другими людьми. В связи с необходимостью адекватной адаптации человека в окружающих его социальных условиях он должен все время обращаться к своему «Я», к своей Я-концепции, совершенствовать знания о себе, прежде всего с целью осознания тех изменений, которые необходимо произвести в своей личности. Сформированность когнитивно-смыслового компонента психологической компетентности позволяет человеку определить позицию в своей профессиональной деятельности, найти смысл в ней, гармонично реализовать себя в разных сферах жизни и деятельности; понять социально-нравственные требования и нормы, предъявляемые к человеку как субъекту развития; на основе усвоенных психологических знаний сформировать оценочное отношение к себе и другим людям. Когнитивно-смысловой компонент психологической компетентности обеспечивает стимулирование развития и саморазвития, творческого подхода к осуществлению профессиональной деятельности. По мере формирования когнитивно-смыслового компонента возрастают возможности анализа своих качеств и объективных условий и требований развития.

Содержание *мотивационно-целевого компонента* психологической компетентности составляют единство интегрированных содержательных и динамических процессов мотивации, целеобразования и целеполагания в области личностного развития и саморазвития, а также в профессиональной деятельности и ее развития.

В исследовании мотивации мы опираемся на исследования Е.П.Ильина, А.К.Марковой и Г.А.Волковицкого и исходим из следующих теоретических положений: 1) мотивация является элементом сложной системы жизнедеятельности, ее сущность можно понять, только изучив систему деятельностей, в которую включен человек; 2) мотивацию следует рассматривать как «психическую систему», т. е. особое психическое образование, регулирующая процесс развития и деятельности; 3) мотивация является результатом расхождения между представлением об «идеальном состоянии», обусловленным признанной системой ценностей, и знанием «реального состояния», т. е. между реальным Я и идеальным Я; 4) мотивация включает все виды побуждений (мотивы, потребности, интересы, цели, влечения, мотивационные установки, идеалы, привычки, подражание и т. д.), вызывающие активность человека в развитии и профессиональной деятельности; 5) исследование мотивации включает не только выяснение первоначальных побудительных сил личности по саморазвитию, но и анализ совокупности ситуационных факторов, поддерживающих данную деятельность или, наоборот, блокирующих ее; 6) мотивация как сложная система имеет определенное содержание, внутреннюю организацию и процессуальную динамику.

Основная функция профессиональной мотивации заключается в психической регуляции деятельности, направленной на реализацию мотивов саморазвития и самореализации. Помимо основной функции можно выделить частные: стимулирование человека на постановку постоянно усложняющихся задач, ориентация человека на максимальное раскрытие его возможностей [4., с.155], регуляция и контроль исполнения поставленных в ходе развития задач.

Динамически профессиональная мотивация включает три логически взаимосвязанных и взаимообусловленных этапа: 1) мотивацию познания (сопоставление желаемого, должного и наличного в образе Я, принятие на этой основе решения); 2) мотивацию пла-

нирования; 3) мотивацию реализации планов и программ.

При исследовании проблем формирования профессиональной мотивации необходимо четко разделять понятия «мотивация» и «мотив». Мотив — это внутреннее побуждение личности к данной деятельности, связанное с удовлетворением определенной потребности. В соответствии с этим определением в качестве мотивов деятельности, в том числе развития и саморазвития, могут выступать идеалы, интересы личности, убеждения, социальные установки, ценности.

Говоря о развитии в рамках мотивационно-целевого компонента психологической компетентности умения актуализировать потребность, мы исходим из того, что потребность быть личностью обеспечивает активное включение индивида в систему социальных связей. Реализуя общую потребность в деятельности, субъект стремится испытать, выявить свои силы и способности, утвердить себя в деятельности. Потребность в развитии и саморазвитии является в какой-то степени производной от этих двух потребностей.

Эмоционально-поведенческий компонент психологической компетентности предполагает, что человек постигает смысл своего существования, когнитивно и эмоционально согласует продукты познания. В итоге человек вырабатывает эмоциональное отношение, реально строит или перестраивает образ самого себя, эмоционально анализирует свой ценностный мир, формируя установку на постоянное ориентированное развитие. В эмоционально-поведенческом компоненте психологической компетентности можно выделить общее эмоциональное отношение к себе и собственно оценочное отношение (самооценку).

У.Джеймс понимал самооценку как переживание довольства или недовольства собой и связывал в единое целое самооценку и уровень притязаний, которые зависят от ситуации успеха или неуспеха, накопленных человеком в личном опыте [3., с. 241].

Однако Л.В.Бороздина показала, что самооценка и уровень притязаний — это автономные личностные образования, которые по всем своим параметрам могут как совпадать, так и расходиться. Их когерентное сочетание указывает на внутреннюю гармонию, некогерентное — свидетельствует о наличии внутриличностного конфликта, когда человек «сам с собою не в ладу» [2].

Очевидно, что неадекватность самооценки (как ее занижение, так и завышение) стано-

вится препятствием на пути саморазвития. Результатом неадекватной самооценки обычно является неполная реализация возможностей человека в самоосуществлении, в отдельных случаях — отказ от него.

Для нашего исследования значимы выводы о зависимости мотивации от уровня самооценки. Для лиц с низкой самооценкой большую значимость имеют внутренние факторы, смыслообразующие мотивы деятельности. Для лиц с высокой самооценкой большую роль в мотивации играют внешние факторы; внутренние факторы их развития, самосовершенствования, профессионализма менее актуализированы.

В итоге можно говорить, что: 1) самоотношение и самооценку можно рассматривать как формы проявления индивидуальной активности и саморегуляции психологической компетентности; 2) положительный или отрицательный характер самоотношения и самооценки зависит от ценностных ориентаций и мотивов личности.

Операционально-регулятивный компонент психологической компетентности мы определяем как систему свойств и качеств человека, направленных на реализацию и рефлексию целей личностного развития и саморазвития.

Реализация операционально-регулятивного компонента психологической компетентности предполагает: 1) умение находить правильное и эффективное решение при выполнении действий и деятельности в целом, ориентировка на результат, ориентировка на карьерный рост; 2) умение управлять своими психическими процессами, рефлексивная и волевая регуляция поведения и деятельности.

Наша исследовательская позиция строится на том, что психологическая компетентность является компонентом психологической культуры, тогда именно через психологическую компетентность происходит накопление и формирование ценностей.

Ценностный аспект психологической компетентности составляют высшие личностные идеалы и ценности, а также ценностные ориентации и менталитет. Данный компонент входит в состав психологической культуры и отдельно нами не выделяется. Формирование ценностного компонента психологической компетентности начинается с формирования высших личностных идеалов.

Исследователи рассматривают ценности как эксплицитные или имплицитные концепции желаемого, характеризующие индивида или группу и определяющие выбор типов,

средств и целей поведения. Формирование социальных ценностей становится результатом выработки общественным сознанием представлений об атрибутах должного в различных сферах общественной жизни. Объективируются эти ценности в произведениях материальной и духовной культуры либо человеческих поступках, являющихся конкретным воплощением общественных ценностных идеалов. Одновременно, преломляясь через призму индивидуальной жизнедеятельности, социальные ценности входят в психологическую структуру личности в форме личностных ценностей.

Личностные ценности отличаются и от ситуативных личностных смыслов, которые возникают в конкретных обстоятельствах замыкания и размыкания субъективного опыта человека и фактов его объективного бытия, и от потребностей, в которых выражается зависимость человека от конкретных условий его существования [1., с. 120].

Таким образом, исследуя психологическую компетентность как личностное качество, обеспечивающее эффективность ориентированных изменений человека, мы должны исходить из следующих положений: 1) личностные ценности выступают как смысловые регуляторы жизнедеятельности человека; 2) изменение иерархии личностных ценностей как высших смыслов бытия человека приводит к изменениям в направлении, темпе и эффективности его развития; 3) активизация процесса становления и развития личностных ценностей, обеспечивающих эффективность в профессиональной деятельности связана с изменением иерархии социальных ценностей.

Развитие психологической компетентности предполагает пребывание человека в поле взаимодействия сущего и должного, которые сближаются по мере восхождения личности к более высоким уровням ценностного бытия. Ценности в структуре психологической компетентности не только обуславливают ее уровень, но и сами обусловлены уровнем ее развития. При этом развитие психологической компетентности обеспечивается только определенным типом системы личностных ценностей.

Необходимость первоочередного формирования ценностного компонента связана с тем, что ценности (наряду с идеалами и принципами) выступают в качестве основания действий человека и критерия их оценки. Наиболее значимой в ценностном компоненте психологической компетентности является ценность непрерывного развития и совершенст-

вования. Личность в выбранных ценностях определяет свои индивидуальные траектории, силы, творит, реализуя себя в деятельности и в то же время имплицитно определяя развитие психологической компетентности. Каждый из функциональных компонентов реализуется через определенные умения или компетенции.

1. Личностные смыслы: *когнитивно-смысловой компонент предполагает*: анализировать процесс и условия своей жизни и деятельности; *эмоционально-поведенческий компонент предполагает*: использовать систему эмоциональных и поведенческих реакций для оценки плана и программы развития к достигнутым результатам и определять уровень и траекторию саморазвития; *мотивационно-целевой компонент предполагает*: актуализировать потребность в развитии достижения цели деятельности; *операционально-регулятивный компонент предполагает*: соотносить планы и программы достижения целей и личностного развития в эмоционально-поведенческой и когнитивно-смысловой сфере.

2. Потребности: *когнитивно-смысловой компонент предполагает*: осмысливать свои истинные цели и ценности; *эмоционально-поведенческий компонент предполагает*: использовать способы оптимизации внутриличностного конфликта и формировать адекватное поведение, отношение к развитию и деятельности; *мотивационно-целевой компонент предполагает*: осознавать потребность в развитии и самореализации как личностно значимую; *операционально-регулятивный компонент предполагает*: соотносить используемые способы саморазвития с условиями жизни и деятельности.

3. Личностный потенциал: *когнитивно-смысловой компонент предполагает*: соотносить уровень развития и профессионального совершенствования (карьерный рост) с условиями жизнедеятельности; *эмоционально-поведенческий компонент предполагает*: использовать систему эмоциональных и поведенческих реакций в процессе осуществления планов и программ развития; *мотивационно-целевой компонент предполагает*: переформировать субъектную систему потребностей и мотивов в соответствии с планом и программой развития; *операционально-регулятивный компонент предполагает*: соотносить используемые способы развития с особенностями своей личности и индивидуальности.

4. Умения (компетенции): *когнитивно-смысловой компонент предполагает*: соотно-

сить уровень развития и саморазвития с особенностями своей личности и индивидуальности, а также с запросами социума и общества; *эмоционально-поведенческий компонент предполагает:* корректировать систему эмоциональных и поведенческих реакций в процессе развития при сохранении оптимального уровня внутриличностного конфликта; *мотивационно-целевой компонент предполагает:* сохранять баланс социальных и личностных целей при реализации и осуществлении планов и программ развития; *операционально-регулятивный компонент предполагает:* опираясь на выработанную систему эмоциональных и поведенческих реакций, корректировать индивидуальную траекторию саморазвития в целях личностного и профессионального развития.

5. Целеполагание: *когнитивно-смысловой компонент предполагает:* выработать оптимальные планы и программы развития и саморазвития с целью достижения высокого уровня личностного и профессионального развития; *эмоционально-поведенческий компонент предполагает:* осознавать процесс личностного и профессионального развития как жизненную ценность; *мотивационно-целевой компонент предполагает:* в процессе развития и саморазвития достигать высокого уровня личностного и профессионального становления; *операционально-регулятивный компонент предполагает:* использовать систему коррекции индивидуальной траектории развития и саморазвития при оптимальном уровне внутриличностного конфликта.

Нами выделены и рассмотрены уровни развития психологической компетентности личности. Первый уровень *минимальный*. Этот уровень связывается со складывающимися познавательными и профессиональными интересами, формируются жизненные планы личности и система ценностей. Активность личности направлена на поиск, своего места в мире, отчетливо проявляется в решении вопроса выбора профессии, ее получения и становлении.

Второй уровень развития психологической компетентности – *адаптивный или функциональный*. Адаптивность рассматривается нами как реальные и потенциальные возможности личности вырабатывать адекватные условиям способы поведения и деятельности на основе присущих ей психических качеств. Это степень соответствия индивидуально-психологических возможностей человека нормативным требованиям деятельности в опреде-

ленных условиях. Основными признаками адаптивности служат показатели эффективности и удовлетворенности, а основную роль в развитии адаптивности отводится процессам самосознания – сформированная система ценностей, адекватная самооценка, «образ Я», саморегуляция. Чем более высокого уровня интегрированности является психологическое качество, тем большую роль оно играет в адаптивности личности. Деятельность на данном уровне носит нормативно-репродуктивный характер. Активность личности возрастает, она направлена на социально-профессиональную адаптацию – освоение системы взаимоотношений в коллективе, новой социальной роли, приобретение профессионального опыта и самостоятельное выполнение профессиональной деятельности.

Третий уровень развития психологической компетентности личности – *оптимальный*. Данный уровень характеризуется сформированной ценностной ориентацией на личностное и профессиональное развитие, развитая рефлексия, удовлетворенность жизненными планами. Реализация деятельности осуществляется относительно устойчивыми и оптимальными для личности способами. Стабилизация профессиональной деятельности приводит к формированию новой системы отношений личности к окружающей действительности и к самой себе, вырабатывается собственной профессиональная позиция.

Четвертый уровень *самореализации*. На этом уровне для личности характерны высокие творческие потенции, развитая потребность в самоосуществлении и самореализации, проявления индивидуализируется и зависит от индивидуально-психологических особенностей личности. Для нее характерны высокая творческая и социальная активность личности. продуктивный уровень выполнения профессиональной деятельности. Профессиональная активность проявляется в поиске новых, более эффективных способов выполнения деятельности, попытках преодолеть, сломать традиционно сложившиеся методы управления, в неудовлетворенности собой, стремлении выйти за пределы себя, карьерный рост.

Литература:

1. *Абакумова И.В.* Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе: (Психолого-дидактический подход). Ростов н/Д., 2003.
2. *Бороздина Л.В.* Теоретико-экспериментальное исследование самооценки (место в структуре самосознания, возрастная динамика, соотношение с уровнем

притязаний, влияние на продуктивность деятельности): Автореф. дис.... д-ра психол. наук. М., 1999.

3. Джеймс У. Психология. М., 1991.

4. Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996. С. 155

Проблема духовности в современной психологии развития

Н.В.Пануча, г. Нежин, Украина

Психология развития очень робко подходит к тому моменту, чтобы сделать духовное содержание жизни личности объектом научного исследования. Главная причина здесь – непреодоленный редукционизм: взгляд на психику человека как на целостность остается желанием и метафорой, уж, во всяком случае, он никак не реализуется в конкретных исследованиях. Стремление акмеологии преодолеть бездуховность объекта изучения связано с повышенным вниманием к возрастным периодам становления так называемой «зрелой личности» – поздняя зрелость, старость (мудрость). В целом, это приводит к еще большему обострению проблемы – в таком подходе нарушается принцип недизъюнктивности (А.В.Брушлинский), и возникает вполне уместный вопрос – а была ли личность бездуховной на каких-то предыдущих стадиях развития? Вопрос хоть и примитивный, задающий тенденцию «уйти» в пространство житейской логики, но при этом весьма существенный. Психология давно и легко признала две составляющие (одновременно – детерминанты) человеческой психики – биологическое и социальное, – и так неохотно прикасается к духовному, которое, как писал еще М.Шелер (да и один ли он?) и является действительным, подлинно-человеческим основанием уникальности разворачивающейся каждый раз драмы личности в этом мире. Не потому ли, что первые две более лежат на поверхности? То, что мы называем духовным, действительно не выявить нашими методами, которые все, без исключения, построены на принципе «стимул – реакция». Но, вместе с тем, духовное имеет совершенно четкие, бесспорные проявления – креативность, переживания красоты, любовь, интуиция, фантазия, дружба, вера, ценность, смысл... Но если все это изучать опять же отдельно от остальных составляющих психики (интроспективно, феноменологически или как-то еще, хотя, конечно, нельзя изучать смысл с помощью опросника), получится снова оторванность, частичность и круг замкнется.

Нам представляется, что изучение развития психики как целостности стало невоз-

можным после отказа от научного употребления термина «душа» как буквального перевода слова психика. Добавление к этому отказу страха субстанциональности привело к тому, что акцент теоретических исследований сместился на детерминанты «начала», «основания» психики, переведя ее сама в контекст (т.е. – выводя за скобки). Действительно существующие мировые субстанции (дух, социум, естественное) действительно детерминируют, но... что именно? Психика не только детерминирована, порождена указанными субстанциями, но она есть новое целое, которое из них же и состоит. Человек оказывается существом, представляющим собой, видимо, единственную возможность синтеза невозможного (настолько различны, антиномичны эти субстанции сами по себе). Наличие в психике духовной составляющей определяет то, что человек не только реагирует и отражает (как живое существо), не только действует и осознает (как социальный функционер), но и переживает, созерцает, любит, актуализирует самое себя. Последнее, собственно, и означает, что единая психика (личность) в своем развитии и существовании детерминируется только из себя, собой: даже религия, – говорит Н.А.Бердяев, – не детерминирует личность.

Принятие такого взгляда на структуру психики как целостности с необходимостью повлечет за собой изменение основных координат развития. В частности, совершенно бесспорным является то, что духовное не возникает у человека, а, как составляющая психики, есть всегда, изначально. И опыт любой хорошей мамы, и старые данные детских психиатров (например, И.А.Сикорского, о необычно ранних высших чувствах у детей), и новые эмпирические результаты (например, Д.Н.Стерна, о поиске и переживании самости (!) грудными младенцами) весьма однозначно говорят о наличии духовной составляющей психики с самого начала развития человека. Это, однако, никак не учитывается в возрастной психологии и педагогике. Последнее означает, в частности, что профессиональная составляющая социального пространства, в котором начинает-

ся жизнь личности, изначально является неадекватной этой личности. Здесь мы встречаемся со специфическим депривированием духовного развития человека, последствия чего очень наглядны в нашем обществе.

В свое время Л.И.Божович с сожалением констатировала, что отечественная психология сосредоточилась лишь на одной стороне взаимодействия человека с миром – присвоении, «оставив за бортом» процессы кристаллизации продуктов психической деятельности. Мысль эта не просто остается актуальной, но и нуждается в значительном расширении. «За бортом» оказалась не только «фиксация опыта», но и содержание и динамика внутреннего мира, а также целый пласт явлений, связанный с исходно-личностной внутренней активностью человека. В парадигме присвоения оказывается невозможным изучать становление личности как целостности, и особенно – ее духовной составляющей. Последняя, как атрибутивный признак зрелой личности, в общем, никогда не отрицалась серьезной наукой. Более того, существуют философско-психологические направления, которые прямо рассматривают духовность как ключевой и всеобщий феномен человека и его жизни (В.Дильтей, Шпрангер, Велер, В.Франкл, А.Маслоу, Н.А.Бердяев, Н.О.Лосский, С.Л.Франк, С.Л.Рубинштейн, Л.И.Анцыферова, А.С.Арсеньев etc.). В работах и трактатах этих ученых сделаны тонкие наблюдения и глубокие выводы (положение Дильтея о том, что действительные глубины личности открываются вовсе не в ее инстинктах, как думал Фрейд, а в наивысших духовных проявлениях; учение Н.А.Бердяева о действительной детерминированности жизни человека только его внутренне-духовным содержанием, и его же точное замечание о том, что «наиболее духовным» человек является в начале и в конце жизни; положение С.Л.Франка о духовной реальности внутреннего мира человека, которая оказывается гораздо более *реальной*, чем окружающий мир и т.д.). Однако, весь этот пласт интереснейших данных оказывается неприменимым в конкретно-психологических исследованиях и уж вовсе никак не учитывается в практике воспитания человека. Нам представляется, что проблема даже не в трудности верификации данных о духовной сфере человека как эмпирических фактов. Главное состоит в том, что любая парадигма развития личности вообще не включает в себя ее духовную составляющую, в лучшем случае, лишь предпола-

гая, декларируя ее. К духовному содержанию личности («духовной личности», – В.Франкл) традиционно относят высшие потребности («бытийные» – в терминологии А.Маслоу), высшие чувства (любовь, красота, истина), ценности и смыслы, совесть и нравственность в целом. Все это представляется как параметры зрелой личности, ошибочно полагая, что они возникают на основе соответствующих социальных приобретений. При этом дружно игнорируются положения Н.А.Бердяева и С.Л.Франка об исходной духовной природе человека, уникальные мысли С.Л.Рубинштейна о любви как первичной (!) форме человеческого отношения к человеку, интереснейшие мысли О.Г.Дробницкого и А.С.Арсеньева о том, что мораль и нравственность это принципиально разные вещи, и вторая никогда не может произойти от первой. Интересно, что отечественной психологии удалось в этом вопросе проигнорировать даже Маркса (!), который весьма неоднозначно утверждал, что духовно-практический способ освоения мира есть другой по сравнению с социально-прогностическим и никогда не надстраивается над ним (не возникает из него). Уж очень сильным оказался страх религиозности, ведь согласившись с тем, что духовное не возникает из социального, а развивается по своей собственной линии, следовало, казалось бы, согласиться и с первичным источником этой линии – Духом, и... уходить от науки. Хотя А.Маслоу, например, весьма убедительно (и без всякой религиозной мистики) показал, что две линии развития личности (одна – актуализация самости, духовности, вторая – социальная адаптация) не только не переходят одна в другую, и не просто параллельны, они – противоположно направлены изначально. Это показал и К.-Г. Юнг, не говоря уже о замечательной плеяде российских философов, психологов и психиатров конца XIX – начала XX века (показательна в этом смысле мысль Г.В.Челпанова, высказанная в 1903 г.: доказать происхождение духа из вещества никак нельзя, если мы пожелаем остаться верными основным положениям естествознания. Но точно так же нельзя доказать происхождения духа из социальности). О разных и самостоятельных путях становления духовности и социального опыта свидетельствуют, между прочим, и эмпирические факты очень раннего появления в онтогенезе высших чувств и потребностей, а также нравственности (совести как всеобщего-человеческого

способа регуляции поведения и саморазвития человеческого существа). Да и просто жизненный опыт весьма однозначно показывает, что социальное в человеке может взаимодействовать с духовным, но никогда не переходит в него. Ведь каждый хорошо понимает, что это только кажется, будто научив ребенка правилам хорошего тона, мы воспитаем действительно нравственного человека, который в поведении будет руководствоваться совестью. Увы, он будет руководствоваться... правилами там, где за ним наблюдают. И такая же иллюзия относительно того, что одаренный ученый в азарте удовлетворения социальной потребности в познании никогда не изобретет очередного монстра похуже атомной бомбы или не взорвет очередную Чернобыльскую АЭС... просто, ради эксперимента. Довольно ясен и другой аспект, связанный с творчеством. Оно, по определению, представляет собой акт личностно-интенциональный, имеющий начала в основаниях личности, в ее духовности (интеллектуальная активность есть *личностное* действие, – показала Д.Б.Богоявленская). Этот акт направлен одновременно на объект и на себя для того, чтобы хотя бы на них получить гармонию в соотношении двух миров – своего внутреннего (реальность, по С.Л.Франку) и окружающего. А вот присвоить, интериоризировать способность к творчеству, оказывается, нельзя, это и показано в эмпирических результатах Д.Б.Богоявленской, где творчество выступает не как активность, сформированная социальной ситуацией, а, наоборот, как активность *над*ситуативная, и значит, подчиненная только собственным основаниям и интенциям личности.

Если научная парадигма хоть как-то опирается на реалии, тогда представление о развитии личности должно строиться на учете наличия трех разных линий этого развития – естественной, социальной и духовной. Отметим, что разные – не означает изолированные. Наоборот, эти линии становления еди-

ной и уникальной целостности обязательно между собой взаимодействуют, переплетаются, образуя более или менее постоянные межфункциональные системы. И однако, при этом, это – именно разные линии, каждая из которых имеет свои истоки и движущие силы, и выстраивается по своим механизмам. Эти линии не создают иерархию (ведь каждая из них – главная) и не порождает одну другую. Вместе с тем, каждая из них является условием развития двух остальных. Развитие выделенных линий протекает по своим собственным механизмам. Пока, лишь ориентировочно, можно отметить, что известно по одному, но зато – главному механизму: для линии естественного развития это созревание, для социо-культурной – присвоение (интериоризация), а для духовной – созерцание и открытие в себе исходно-всеобщего духовного основания (между прочим, современные эмпирические исследования показали, что такие открытия – переживания собственной самости – совершаются ребенком уже в младенческом возрасте). Разница механизмов развития должна проецироваться в плоскость воспитания. Если знания и умения (в том числе и моральные) могут быть интериоризированы в форме обобщенных значений, то высшие духовные ценности и смыслы присвоены быть не могут, здесь нужен иной механизм, в виде которого выступает диалог (в смысле М.М.Бахтина и М.Бубера). В таком диалоге – открытом и доверительном, субъект-субъектном взаимодействии Другой *помогает* построить внутренний диалог, благодаря которому человек и способен прислушаться и открыть в себе ключевые духовные содержания.

В целом, некоторое изменение традиционной для отечественной психологии парадигмы развития личности отвечает, на наш взгляд, реальному положению дел: человек, действительно, в своем становлении сочетает в себе три самостоятельные и независимые начала – природное, социальное и духовное.

Онтология и психология: пути сотрудничества в исследовании смысла жизни

Л.И.Рюмина, г. Ростов-на-Дону

Как известно, онтология – раздел философии (*от греч. [онто] – сущее, [логос] – учение*), т.е. философское учение о *Бытии как таковом*. Она как важнейший раздел философии, тесно связана с гносеологией, которая должна ей соответствовать, и является

фундаментом этики. При этом онтология оперирует предельно широкими понятиями, которые раскрываются лишь друг через друга, и используются попарно. Их выбор, трактовка, содержательное наполнение определя-

ются теоретико-методологическими установками ученого.

Так как онтология – философия, а психология с конца XIX века стремилась к независимости от нее, сотрудничества между онтологией и психологией сначала не получалось. Проблемы бытия человека не интересовали ни бихевиоризм, ни психоанализ, несмотря на то, что З.Фрейд сознательно обратился к сугубо человеческим феноменам – мифам. Ради справедливости следует отметить, что и другие общественные и гуманитарные науки этого периода не особо стремились осваивать основы человеческого существования. Правда это продолжалось не долго – до начала XX века. Проблемы бытия на то и является таковыми, что без осмысления и понимания их тормозится развитие и решение всех остальных проблем. В каждый исторический период они ни раз ставились и по-своему решались Аристотелем, Платоном, Декартом, Кантом, Гуссерлем и другими философами, внесшими значительный вклад в развитие онтологии.

Начало XX столетия ознаменовалось появлением еще одной разновидности философии – экзистенциализма. Экзистенция – существование, а экзистенциализм как философское течение был призван, прежде всего, привлечь внимание людей к проблемам бытия. Это неслучайно, так как первая середина двадцатого столетия – период многочисленных общественных катаклизмов (войн, революций, общественно-экономических кризисов и т.д.). О том, как общественные неурядицы приводят к краху человеческой жизни и потери человеком смысла своего бытия хорошо описано писателями-экзистенциалистами. Так, например, Э.М.Ремарк, словами одного из своих героев, следующим образом выразил сущность мировосприятия своих ровесников – людей «потерянного поколения»: «Мы ожесточились и не доверяли никому, кроме ближайшего товарища, не верили ни во что, кроме таких никогда нас не обманывавших сил, как небо, табак, деревья, хлеб и земля; но что же из этого получилось? Все рушилось, фальсифицировалось и забывалось. А тому, кто не умел забывать, оставались только бессилие, отчаяние, безразличие и водка. Прошло время великих человеческих и мужественных мечтаний. Торжествовали дельцы. Продажность. Нищета» [13, с.3].

Однако сначала экзистенциализм представлен трудами русских философов, что и понятно: начало двадцатого столетия – один

из самых сложных периодов в русской культуре. Затем он распространился в Европе и ближе к середине двадцатого столетия – в Америке.

Идеи, принципы и основные положения экзистенциализма как философии кризиса сейчас достаточно хорошо представлены в философской и последние несколько лет в психологической литературе. Поэтому перечислять их и описывать едва ли стоит. Хочется обратить лишь внимание, что экзистенциализм – во-первых, более современная версия непрекращающейся человеческой традиции поиска «смысла Бытия», во-вторых, экзистенциализм изначально принял две формы религиозную (русскую) и атеистическую (западную). Наконец, то, что непосредственно представляет интерес для нас, как психологов – распространение экзистенциализма повлияло на пересмотр ортодоксального психоанализа и отразилось на работах А.Адлера, К.Юнга, Э.Фромма и др., а также способствовало становлению гуманистической психологии, которую из-за духовной близости к экзистенциализму часто так и обозначают как экзистенциально-гуманистическую психологию. По существу с этого периода и берет начало онтопсихология, как наука, объединившая предметное поле онтологии и психологии.

Сам термин онтопсихология был введен в обиход психологии А.Маслоу. Он первым совершил научный синтез онтологии и психологии. Первая часть термина составляла «онтология» и тем самым, на наш взгляд, А.Маслоу пытается не онтологию, как науку более широкую, не поставленную в определенные рамки конкретных понятий, спустить на уровень психологии – науки в то время более конкретной, особенно, благодаря бихевиоризму. Он, наоборот, поднимает анализ психологических проблем на невиданный до этого времени уровень – уровень человеческого Бытия.

Сама идея выхода психологии на основы человеческого существования вызревает у А.Маслоу постепенно, в связи с осмыслением феномена самоактуализации, увлечения социальной антропологией, а также его собственными переживаниями общественных катаклизмов, которые он, также как и экзистенциалисты воспринимает как крах культуры и безумие двадцатого столетия. Уже в 60-х годах интерес А.Маслоу смещается от проблем становления человека к проблеме его Бытия как полноценно развитой личности [8]. Он

вводит понятия мета-потребности, бытийные ценности, которые могут рассматриваться как аналог общечеловеческих ценностей, тем самым, акцентировав внимание на том, что объединяет людей, делает их сподвижниками в поиске жизненных смысловых ориентиров. Причем стремление к такому объединению дано человеку от рождения, т.к. ориентация на приобщение к бытийным ценностям – неотъемлемая часть человеческой природы. Другое дело, что не все люди могут сохранить эту часть человеческого естества, но при желании могут найти ее, и тем самым, приобрести свою человеческую сущность. Таким образом, согласно А.Маслоу (точно также как и другим представителям этого направления), бытийные ценности не надо изобретать, они уже есть. Нужно это осознать и приобщаться к ним. Он показывает и пути этого – через пик- и плато-переживания, приобщение к общечеловеческим ценностям, представленным в культурных источниках, трансцендирование и др.

Что касается экзистенциального крыла гуманистической психологии, то, прежде всего, следует отметить роль Р.Мэя в развитии онтологических проблем в психологии. В конечном итоге его взгляд на сотрудничество онтологии и психологии представлен в идее неразрывности человека и мира, как двух полюсов единого структурного целого «бытия-в-мире». В нем он выделяет три основных взаимопроникающих «модуса мира»: основываясь на необходимости признания влияния на человеческую жизнь природных сил, «окружающий мир», где находится место и психоанализу; мир «со-бытия» как встречу человека с другими людьми и «собственный мир» человека, предполагающий самосознание личности. Лишь здесь раскрывается мир внутренних значений, и надо полагать, что здесь и заложена потребность поиска смысла жизни. Благодаря коллективному подсознанию, считает Р.Мэй, мы уже внутри самих себя образуем единое целое с другими людьми [11]. Называя свое время «шизоидным миром», он пишет, что человеческая ответственность состоит в том, чтобы найти уровень сознания, который будет адекватен ему и сможет заполнить растущую безликую пустоту нашей технологичности человеческим смыслом [10].

Реализация идей Р.Мэя, как известно, была продолжена многими учеными, и в первую очередь, Дж. Бьюдженталем [4], где они нашли свое подтверждение и конкретизацию.

Еще один представитель этого крыла гуманистической психологии, хорошо известный не только за рубежом, но и в нашей стране – В.Франкл [15]. На анализе его идей (в связи с их популярностью) едва ли стоит останавливаться, отметим лишь, что они в сжатом виде представлены в предлагаемой им практике, как теоретическом приложении учения – логотерапии, непосредственно ориентированной на поиск смысла жизни.

Обобщая все вышесказанное, хотелось бы обратить внимание на следующее. Во-первых, на представление о смысле жизни ученых данного психологического направления большое влияние оказал европейский экзистенциализм. Во-вторых, бытие уже само по себе наполнено смыслами, среди которых человек ищет свой смысл жизни, а не изобретает его. В-третьих, смыслы и ценности, как понятия, пришедшие в гуманистическую психологию из философии, рассматриваются как целостные, неделимые образования, которые не объясняются, а описываются. При этом бытийные ценности переживаются так же целостными, трудно описываемыми переживаниями. В-четвертых, гуманистическая психология оперирует парными категориями, свойственными онтологии: индивидуальные ценности и бытийные ценности, бытие и небытие и др. При этом поиск смысла жизни сопровождается нравственной позицией, как соотношением собственных ценностей с бытийными ценностями, связан со значимостью служения человечеству, выполнения своей миссии, своего предназначения. Трансцендирование – главный способ осуществления этого.

Однако, наряду с разработкой такого сотрудничества онтологии и психологии, большое распространение в нашей стране получила онтопсихология А.Менегетти – итальянского психотерапевта, совершившего еще один синтез этих двух наук. Он предлагает свой вариант онтопсихологии как науки о бытии в психике [9]. Как и Р.Мэй, Менегетти пытается привнести психоанализ в гуманистические идеи. По существу онтопсихология А.Менегетти представляет собой синтез психоанализа З.Фрейда, А.Адлера, К.Юнга и гуманистической психологии А.Маслоу, Р.Мэя и К.Роджерса. Онтопсихология – это научное направление с отчетливой антропоцентрической ориентацией: основным ее предметом является человек, его подлинное бытие. Практической ее целью является соответствие человека своей внутренней сущности, его аутентичность своему бытию, своей

природе. На основе собственной практики А. Менегетти формулирует концепцию психологической структуры человека, главное место в которой отводит Ин-се (сущности в себе) – внутреннему позитивному ядру человека, его подлинному бытию, трансцендентному плану существования. Онтопсихология стремится к познанию человека на всех уровнях, позволяющих точно идентифицировать природу данной личности. Но практическая работа осуществляется на основе психоанализа, прежде всего, интерпретации снов. Поэтому онтопсихологию, вслед за психоанализом Э. Фромма, вполне можно назвать гуманистическим психоанализом [12]. Конечно, онтопсихология – это наука и практика, занимающаяся не только индивидуальной психической жизнью человека, но и социальными условиями жизни человека, взаимоотношениями людей в семье и т.д. Однако привнесение психоанализа в гуманистические идеи меняет ход логики взаимоотношений онтологии и психологии: в центре внимания главным является индивидуальная жизнь человека, а не человеческое Бытие как таковое.

Что касается отечественной психологии, то, как известно, в советский период проблемы бытия человека ее не очень интересовали. Большую часть двадцатого столетия, когда на западе развивалась достаточно драматическая борьба между психологическими направлениями, она жила вполне спокойно, ориентируясь лишь на одну методологию – марксистско-ленинскую философию, предопределявшую выбор понятий и методов. Конечно, нельзя сказать, что она всех устраивала, были и в отечественной психологии попытки вырваться за пределы анализа лишь общественных отношений, наиболее популярных в это время, на уровень осмысления человеческого существования. Среди них, безусловно, идеи М.М.Бахтина. Рассматривая бытие как нравственную реальность, он все-таки больше интересуется экзистенциализмом, а не онтологией как таковой [2]. Относясь к субъективному как к реальному, Л.С.Выготский тем самым пытался проникнуть в онтологические проблемы. В целом его работы можно рассматривать как теоретико-методологический эксперимент, направленный на поиск новой целостной душевной жизни или психической реальности. При этом Л.С.Выготский в своих исканиях шел от культурного смыслового образа этой реальности и пытался по-своему наполнить его конкретным содержанием [5].

Ближе всех к решению онтологических проблем подошел С.Л.Рубинштейн. Ассимилируя идеи Аристотеля, Платона, Гегеля, Канта, экзистенциалистов и К.Маркса в том числе, он разработал философскую парадигму, интегрирующую онтологию и философскую антропологию. Особенно четко она прослеживается в не завершенном по форме, но законченном по содержанию его труде «Человек и мир» [14]. В отличие от распространенного в советской психологии понятия деятельности преимущественно как предметной, преобразующей материальный мир, С.Л.Рубинштейн раскрывает способность человеческих поступков изменять объективное в жизни, в человеческих отношениях, составляющих ее важнейшее содержание. Этим и осуществляется онтологизация человека, его сознания, его духовности как объективно решающей силы. Действенность субъекта – это не только его действия по преобразованию окружающего мира, но и преобразования и построения своей сущности в процессе взаимодействия с жизнью, людьми, обществом и жизнью в целом, как адекватной этой сущности. Принципу детерминизма в его трактовке свойственна та же иерархичность, многоуровневость, которая присуща самому бытию. При этом он рассматривал действие причины внутри ее самой, что, наш взгляд, является аналогом принципа самодетерминизма, предлагаемого гуманистической психологией. В целом С.Л.Рубинштейн объединяет принцип детерминизма и деятельности с принципом развития, который также связывает с разными уровнями организации бытия.

Отличается от других советских психологов и взгляд С.Л.Рубинштейна на личность. Понятие «субъект» у него превращается в философско-антропологическую категорию, связанную со становлением человечества, духовности, сознательности человека. По существу, введя в обиход советской психологии понятие субъекта, он отмечает, что в онтологическом плане – понятие «субъект» употребляется им не только по отношению к человеку, так как обозначает специфический способ организации, сущность, субстанцию, определенность, сохраняющуюся в процессе изменения и развития.

Таким образом, как можно заметить, основой философско-антропологического подхода С.Л.Рубинштейна является, с одной стороны, бытие как таковое (его характеристика, уровни). С другой стороны, рассмотрение человека внутри бытия. Тем самым он совер-

шает такой же путь научного синтеза, как и гуманистическая психология: от онтологии и философской антропологии к психологии Бытия. Поэтому неслучайно, что поиск смысла жизни задается самой жизнью человека, его общением с другими людьми.

Как известно, эти идеи С.Л.Рубинштейна не были по достоинству оценены советскими психологами. Одна из причин этого – приоритет рассмотрения деятельности преимущественно как предметной, трудовой, что не позволяло советской психологии подняться до высот осмысления человеческого Бытия. Изменения общественной ситуации в стране сопровождалась и поиском новых научных ориентиров психологии и пересмотром традиционных понятий и концепций. Конец XX столетия и начало XXI ознаменовался переходом отечественной психологии к неадекватной неклассической парадигме мышления [1]. Это породило интерес и к ценностно-смысловой проблематике, а также к пересмотру принципов и понятий советской психологии (деятельности, субъекта, сознания и др.). Стали подниматься и проблемы, связанные с человеческим существованием и со смыслом жизни. Однако в отличие от гуманистической психологии и идей С.Л.Рубинштейна, чаще всего эта линия анализа брала за отправную точку не философские учения, а психологические теории и понятия. Поэтому и ценности и смыслы стали «дробиться», объясняться, а не описываться, а существование человека представлялось как продолжение его деятельности. Так, например, В.Е.Ключко, разрабатывая теорию психологических систем, где «мир человека» есть особое «онтологическое пространство», многомерное и уникальное для каждого человека [7], отмечает, что собственно психологическая онтология порождается не человеком, а целостной психологической системой, центром которой является человек. Тем самым центральным является не онтология, а психология, не Бытие, наполненное смыслами, из которых человек может черпать свой собственный смысл жизни, а индивидуальная целостная система – человек.

Еще одна линия анализа бытия в настоящее время связана с понятием субъекта, его бытийных характеристик. Например, В.В.Знаков [6] считает, что одним из вариантов новой методологии понимания человеческого бытия является психология субъекта, так как категория «субъект» в российской психологической науке играет системо-

образующую роль. С появлением постнеклассической парадигмы, по мнению автора, возникла психология человеческого бытия как сторона психологии субъекта, расширяющая ценностно-смысловые контексты, в которые включались классические психологические проблемы, смысла жизни в том числе. В этом проявилось стремление отечественных психологов выйти за узкие рамки категории «деятельности» и обратиться к понятию «существование». Возможно, такой подход к психологии человеческого бытия и позволяет адекватно описать и объяснить многие закономерности поведения людей, однако, как и онтопсихология А.Менеггетти, он оставляет нас скорее на уровне анализа индивидуальной жизни человека, точнее, жизнедеятельности субъекта, чем проблем Бытия и способов его постижения.

Несколько иной подход к решению проблемы человеческого существования предлагает Б.С.Братусь [3]. В отличие от многих авторов, некритически увлеченных гуманистической психологией, он, сравнивая ее с нравственной и христианской психологией, считает, что, согласно отечественным традициям, целесообразно говорить не о гуманистической психологии, а о гуманитарном подходе. Он более широк, и в его рамках могут быть рассмотрены различные гуманитарные парадигмы, включая и достижения отечественной психологии, психотерапии и общие смысло-жизненные вопросы и проблемы. От нравственной психологии, предполагающей нравственное развитие как норму, а человека как самоценность, автор предложил сделать еще один шаг до христианской психологии, которая добавляет к этому предположение о конечных абсолютных основаниях выбора, придавая другому не только общечеловеческую, но и сакральную ценность, рассматривая его как образ и подобие Божие. Тем самым Б.С.Братусь, возвращается к отечественным научным истокам – русскому религиозному экзистенциализму, и вводит новый принцип рассмотрения человека, возвышая, достраивая его образ. По существу при решении онтологических проблем он совершает такой же, как и гуманистическая психология и С.Л.Рубинштейн путь – от общего к частному. Сегодня христианская психология, с ее пониманием поиска смысла жизни становится достаточно популярной.

Таким образом, на наш взгляд, можно выделить как минимум два критерия деления онтопсихологии: по представлению о духов-

ности (первопричинности) – религиозную и атеистическую. Другое деление может быть на основании осуществления синтеза двух наук (от общего к частному или от частного – к общему). Первый путь – от Бытия к человеку, от философских учений (экзистенциализма, социальной антропологии и др.) к психологии. Второй – от индивидуальной жизни (человека, субъекта, индивида) к человеческому существованию. И в одном, и в другом случае находится место для поиска человеком собственного смысла жизни, но пути достижения – разные. И в первом и втором случае он может осуществляться через анализ ценностно-смысловой проблематики и нравственности. Но в первом он необходим, во втором – желателен.

Конечно, такое деление онтопсихологии достаточно условно и им не ограничивается. Кроме того, каждый из анализируемых авторов – достаточно интересен, и можно говорить о выделении подвидов внутри каждого вида онтопсихологии.

Литература:

1. *Асмолов А.Г.* Неодетельностная парадигма в мышлении XXI века: деятельность как существование // *Мир психологии.* 2003. №2. С. 155 – 158.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.,

1986.

3. *Братусь Б.С.* Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии // *Психология с человеческим лицом. Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии.* М., 1997. С. 67 – 92.
4. *Бьюдженталь Дж.* Искусство психотерапевта. СПб., 2001.
5. *Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М., 1994.
6. *Знаков В.В.* Психология субъекта и психология человеческого бытия // *Субъект, личность и психология человеческого бытия* / Под ред. В.В.Знакова, З.И.Рябикиной. М., 2005. С. 9 – 45.
7. *Клочко В.Е., Галажинский Э.В.* Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В.Залевского. Томск, 1999.
8. *Маслоу А.* По направлению к психологии бытия / Пер. с англ. Рачковой Е.М., 2002.
9. *Менегетти А.* Введение в онтопсихологию. Пермь, 1992.
10. *Мэй Р.* Любовь и воля. М., 1997.
11. *Мэй Р.* Искусство психологического консультирования. М., 1994.
12. *Орлов А.Б.* Онтопсихология: основные идеи, цели, понятия и методы // *Вопросы психологии.* 1994, N 3. С.150 – 155.
13. *Ремарк Э.М.* Три товарища. М., 1992. Т.3.
14. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
15. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. Сб. / Пер. с англ., нем. Общ.ред. Л.Я.Гозмана и Д.А.Леонтьева. М., 1990.

Ценностное отношение к другому как основа смысла жизни

Л.И.Рюмина, г. Ростов-на-Дону

Как известно, приоритет изучения психологических явлений меняется в зависимости от общественных запросов, появления новых наук и научных знаний, наконец, логики развития самой психологии, которая по мере своего становления обогащается новыми методами и приемами, получением новых данных и обобщением уже существующих, в том числе и в других науках. Изменения, происходящие в отечественной психологии, многие ученые связывают с ее гуманитаризацией и гуманизацией, возвращением забытых понятий и категорий, среди которых «ценности» и «смыслы», пришедшие в психологию из философии и наук о языке [2; 7; 9; 13; 16 и др.]. Благодаря этому сейчас идет постепенный поворот, если не к душе в ее полном понимании, то, по крайней мере, к душевности, к душевным проявлениям человека [9]. Тем самым, современные тенденции развития психологии подтверждают вывод, сделанный в свое время М.Вебером [10]: науки о чело-

веке – науки о смысле. Их задача – понять смысл человеческого существования.

Ценностно-смысловая проблематика не только интенсивно осваивается российской психологией, но «ценности» и «смыслы» начинают претендовать на роль центральных понятий в новой неклассической, постмодернистской психологии [2]. Смыслу жизни в этой проблематике отводится особое место, как определяющему во многом развитие других ценностно-смысловых образования.

Работы по анализу смысла жизни берут начало в трудах К.Юнга, который рассматривал смысл жизни как рефлексивную жизненную задачу, А.Адлера, исходящего из понимания смысла жизни как психологической структуры, задающей общую направленность жизни человека, его жизненные цели и жизненный стиль [16]. Но в наибольшей степени эта категория проработана в русле экзистенциально-гуманистического направления, большое внимание уделявшего уникальности и самоценности человеческой личности, роли

высших бытийных ценностей в существовании и развитии личности, экзистенциальному поиску ценностей и смыслов человеческого бытия. С точки зрения ученых данной ориентации, это позволило бы понять не только элементарные аспекты человеческого поведения, но и общие закономерности его социального поведения, обусловленного культурной и социальной спецификой данного общества [17; 18; 19; 27 и др.]. Особенно это справедливо по отношению к В.Франклу, сделавшего «смысл жизни» центральной категорией своего учения [27]. Согласно автору, смысл жизни является основным двигателем поведения и развития личности.

Представляет интерес изучение смысла жизни и для отечественных ученых. Однако простое перечисление определений данного понятия мало что дает. Можно согласиться с Д.А.Леонтьевым [16], что по своему статусу смысл жизни не является объяснительным конструктом. Это описательная характеристика наиболее стержневой и обобщенной динамической смысловой системы, ответственной за общую направленность жизни субъекта как целого. Смысл жизни – глобален, всеобъемлющий из всех смысловых образований.

Смысл социален, всегда окрашен какими-то групповыми интересами. Укоренившиеся в бытие смыслы опредмечиваются в действиях, языке, образах, мифах, метафорах, символах [12; 16 и др.]. Это относится и к смыслу жизни. Смысл каждого человека уникален, индивидуален, но существуют и смысловые универсалии – ценности, представляющие собой обобщенные типичные смыслы. Поэтому неслучайно, что в отечественной психологии уже становится привычным апеллирование к необходимости ценностного отношения к другому как основе общения и жизнедеятельности человека в целом [1; 8 и др.].

Так, К.А.Абульханова-Славская считает высшим типом человеческого общения общение, которое основывается на признании ценности самого существования личности. Проявление истинной свободы в общении – это абстрагирование от «обстоятельств», от непосредственной ситуации, от субъективного отношения другого. В зависимости от того, какова этическая позиция участников общения, обусловленная их индивидуальной системой ценностей и смыслов, строится определенный тип отношений между ними. Исходя из идей С.Л.Рубинштейна, она выделяет два типа отношений: функциональные отношения и от-

ношения, основанные на утверждении ценности другого человека [1].

В.Э.Чудновский [26] также связывает смысл жизни с нравственные инварианты. Именно общечеловеческая нравственность, связанная с многовековой исторической памятью и ориентированная на «наиболее отдаленные» факторы и проявляющаяся в способности человека «выйти за пределы» собственной жизни, класса и т.п. создает, согласно автору, основу оптимального смысла жизни.

Б.С.Братусь в своих размышлениях о сущностных характеристиках человека и его взаимоотношениях с миром ценностному отношению к другому человеку придаёт еще более глобальное значение. Также опираясь на работы С.Л.Рубинштейна [22; 23], он вслед за ним утверждает, что первейшее из условий жизни человека – это другой человек. Отношение к другому человеку как к самоценности, как к существу, олицетворяющему в себе бесконечные потенции рода человеческого, является условием и одновременно критерием нормального развития человека, ведущего его к обретению родовой человеческой сущности [9]. Ему вторит А.В.Суворов [25], выделяя «духовную сферу» – сферу духовной культуры человечества, где «дух» – родовая сущность, и отдельно «филосферу» как сферу общения наиболее близких людей. В ней формируются смыслы и ценности индивидуальных образов жизни. «Филосфера» – это конкретно-единичное, и «духовная сфера» может быть осмыслена только через «филосферу». Таким образом он тоже отмечает взаимосвязь родового и конкретно-единичного, видя влияние индивидуальной человеческой жизни, человеческих отношений на родовое через осмысление, наполнение его содержанием. При этом А.В.Суворов считает, что смысл жизни может заключаться только в том, чтобы быть человеком всегда и со всеми, хотя это требует огромных энергетических затрат.

Как можно заметить, эта линия анализа смысла жизни идет, прежде всего, от идей С.Л.Рубинштейна, связывающего ценности и смыслы со значимостью для человека других людей, с этическими проблемами и жизнедеятельностью человека в целом (с осмыслением его бытия, ценности другого). Идеи, созвучные этим, в той или иной мере разрабатывались и Л.С.Выготским, М.М.Бахтиным, А.А.Ухтомским. Что касается зарубежной психологии, то позиция С.Л.Рубинштейна близка идеям многих древних философов, в

том числе и неопределенности (А.Адлера, Э.Фромма, К.Юнга), а также ученых экзистенциально-гуманистического направления.

Другая линия анализа идет от соотношения смысла жизни и складывающихся в общении отношений, и в ее реализации первая роль принадлежит школе А.А.Бодалева. А.А.Бодалев смысл жизни определяет как некую ценность, отраженную в сознании и переживаниях человека как субъективно предельно значимую для него и превращающуюся в главный регулятор его поведения [7]. Анализируя работы своих коллег и учеников, он пишет, что они показывают зависимость успешности общения не только от прошлого опыта (от которого зависит формирование устойчивых, доминирующих в структуре личности потребностей и ценностных ориентаций, личностных качеств, способности к идентификации, эмпатии, децентрации), но в не меньшей степени и от мотивационно-ценностной «заряженности» человека на других людей и на общность с ними [8].

В литературе можно встретить и пока еще редкие исследования, позволяющие говорить о коммуникативном уровне бытия. З.И.Рябкина, например, рассматривает общение как пространство бытийности, которое личность стремится организовать в соответствии со структурой своих личностных смыслов, реализуя потребность в аутентичном бытии. В межличностных отношениях это реализуется в стремлении распространить структурную организацию своих личностных смыслов через со-бытийность на устройство смысловой структуры партнера [24].

Как можно заметить, описанные точки зрения не противоречат друг другу. То, что ученые, отталкиваясь то от родовой сущности человека, то от системы отношений с другими, приводящей к нравственности, то от со-бытийности, закономерно приходят к анализу ценности Другого в жизни человека, имеет объяснение. На наш взгляд, необходимость ценностного отношения к Другому связана с тем, что Другой изначально входит в смысл жизни человека. Чтобы понять это, обратимся к истории становления человечества.

Человеческое существование, писал В.Франкл, принимает форму исторического бытия, которое включено в историческое пространство и неотделимо от системы законов и отношений, лежащих в основе этого пространства [27]. Иными словами, смысл жизни человека всегда связан со сверхсмыслом, смыслом бытия или смыслом истории.

Отечественная психология с самого своего начала была также ориентирована на поиск смысловых оснований человеческого существования. Как отмечает В.А.Шкуратов, еще советская психология 20-30-х годов имела вполне четкую идею, что психика современного человека – продукт длительного общественно-исторического развития, и необходимо изучение реальных проявлений этого исторического процесса. Огромная роль в этом принадлежала Л.С.Выготскому. Сейчас многие ученые считают, что он хотел показать как «рождаются» смысловые образования, субъективный мир отдельного человека при встрече со смысловыми образованиями уже существующими в мире культуры, искусства, религии. Однако советская психология того периода не привела к созданию законченной теории исторического развития, лишь представила отдельные гипотезы и попытки систематического изучения [5]. Тем не менее, идеи классиков отечественной психологии нашли воплощение в современных теориях. Интересна в связи с этим точка зрения А.Г.Асмолова, анализирующего категорию «социально-исторического образа жизни» и связанные с ней категории, позволяющие провести анализ развития личности как бы на пересечении трех координат – исторического времени, социального пространства и индивидуального жизненного пути [3], а также историографический взгляд на проблему человеческого общения М.С.Кагана.

Так, М.С.Каган [14] отмечает, что на раннем – дофилософском этапе культуры общественное сознание еще не было способно выделиться отношения человека к человеку как самостоятельную проблему. Внимание первобытного человека было устремлено на его отношение к природе и управляющему ею миру «духов». А отношение людей друг к другу не фиксировалось как сколько-нибудь существенное, требующее специального осмысления. Это нашло отражение в первобытном искусстве. Исходя из точки зрения М.С.Кагана, можно предполагать, что другой человек (в отличие от природы и ее одухотворения) не представлял ценности для первобытного человека. Поэтому главным героем первобытного искусства был вообще не человек, а зверь. Древнейшие культуры имели зооморфный характер, а сами люди не различались один от другого как неповторимые личности, например, в индивидуальности видели представителя рода, племени, общины. «Я» растворялось в

«Мы», и потому отношение «Я» и «Другой» не было «задачей на смысл» [там же].

Однако обожествление природы, как показал еще Л.Фейербах, означает передачу человеком своих собственных, специфически человеческих качеств выдуманному им существам, олицетворяющим различные силы природы. С одной стороны, это самоотчуждение человека, добровольное его отречение от собственной субъективности, с другой, можно полагать – это тоже «отношение», перенос во внутренний план отношений к людям. Кроме того, как пишет А.Г.Асмолов [3], есть факты, позволяющие говорить, что в начертательной деятельности, преднамеренных погребений уже на ранних этапах антропогенеза человек выделял себя из окружающей действительности, то есть существовало автономное «Я».

С.Д.Дерябо [11] считает, что специфика отражения субъектности природного объекта заключается в том, что человек сам ему ее моделирует, приписывает ее. Это феномен – субъективизации. Он отмечает, что по крайней мере три главные функции, выполняемые субъектом по отношению к другим и отражаемые другим, принципиально отличающие его от объекта, вполне приемлемы и в данном случае.

Первая функция – обеспечение отражающему переживания собственной личностной динамики. Другой отражается именно как субъект благодаря определенному сходству его характеристик с собственными характеристиками. С.Д.Дерябо в качестве примера приводит осмысление поведения кошки, заботливо вылизывающей своих котят, в человеческих категориях (сравнение ее с женщиной). Собственно приписывание природным объектам субъектности происходит с его точки зрения на основе индентификации в форме проекции.

Вторая функция – опосредование отношений отражающего к миру. Другой открывается со стороны своей информативности, способности быть значимым при построении системы отношений человека с миром. Он выступает опосредующим элементом, причем опосредствующим именно на смысловом уровне. В каждом акте нашей активности, отмечает автор, незримо присутствует Другой. Что касается «природного Другого», то С.Д.Дерябо считает, что в этом заключается специфика собственно человеческого отражения мира, как раз и проявляющаяся на ана-

лизируемом этапе филогенеза и на ранних этапах онтогенеза.

Субъективизированный природный объект в дальнейшем может выступать даже в качестве «референтного лица», способного менять личностью оценки других объектов. Такой объект приобретает свою самостоятельную субъектную «жизнь». В результате он может служить средством опосредствования личностью своих отношений с миром, переструктурирования своих смысловых образований. В качестве хрестоматийного примера С.Д.Дерябо приводит дуб из романа Л.Толстого «Война и мир». Вероятно, в данном случае уместна и аналогия субъективизации с садом, шкафом в «Вишневом саде» А.П.Чехова.

Наконец, третья функция – способность открываться отражающему в качестве субъекта совместной деятельности и общения. Для этого Другой должен выступать в качестве такого партнера. Автор отмечает, что это достаточно хорошо может быть выражено на вербальном уровне. Например, во фразе пастуха, обращенного к его собаке: «Ты, наверное, устала за весь день, пока мы пасли коров» (там же, с.229). Субъектное отношение к природному объекту, характер мотивации, вся деятельность с ним кардинально меняются, возникает даже «общая система ценностей» и «совместная деятельность».

С.Д.Дерябо [11] отмечает, что на основе идентификации, как объединения личностью себя с другим и включения в свой внутренний мир общих ценностей, норм и т.д., происходит становление «Мы», которое, согласно уже другому отечественному ученому Б.Ф.Поршневу [21], формируется в филогенезе и онтогенезе раньше «Я – Ты». В качестве подтверждения этому, автор отмечает наличие у некоторых первобытных народов множественного лица при отсутствие единственного. По мнению автора, первичны не отношения двух личностей, а отношения двух общностей. Причем первое человеческое психологическое отношение – это не самосознание первобытной родовой общины, а отношение людей к своим близким животным предкам и, тем самым, ощущение ими себя именно как людей, а не как членов своей общины.

Идея субъективизации показывает, что уже на ранних этапах филогенеза важным для общения является и ценностное отношение к партнеру. Анализ субъективизации можно встретить и у других авторов: со

«значимыми» другими, с литературными героями или историческими деятелями, с героями художественных фильмов [4; 20 и др]. Это свидетельствует о том, что общение с «мысленным собеседником» – следствие диалогичности внутреннего мира – интериоризованной формы личностного общения [4; 6].

Итак, осознание того, что другой человек или другой коллектив – столь же свободный, активный, полноправный, подлинный субъект как «Я» или «Мы», без относительно к его этнической или классической принадлежности, формируется не сразу. Если другая человеческая общность не воспринимается изначально как субъект, то в пределах каждой общности взаимоотношения индивидов постепенно основываются на отношении к другому как к субъекту [14]. Происходило это благодаря коллективному труду (начиная с охоты), который обеспечивал не только возможность победить зверя, но и обуславливало возможность взаимной выручки охотников, каждый из которых рисковал жизнью, и поэтому отношение к нему партнеров становилось для него проблемой жизни и смерти.

При этом именно в родовом быту, заключает М.С.Каган, обнаруживаются зародыши всего последующего развития общения и взаимопомощи людей. Некоторые авторы усматривают ее даже в животном мире, считая, что жизнь стадных животных регулируется инстинктами, например, «не убий» и т.п. [14; 17].

Обобщая все вышесказанное, можно отметить, что, на наш взгляд, из стремления жить в согласии с миром природы родилась и потребность жить в согласии и с себе подобными, которые на ранних этапах филогенеза, являлись для индивида просто частью окружающей действительности. Первые функции общения, соответствующие человеческой природе – сплочение и взаимопомощь, основывающаяся на равенстве и ставшая первым нравственным принципом. В русском словаре С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой, в французском, английском, немецком словарях «сплотить», «сплочение» связывается с такими понятиями, как «единство», «соединить», «объединить», а М.С.Каган, А.М.Эткинд [15] добавляет к ним еще «приобщение» к действиям, ценностям, переживаниям Другого. Так как одному индивиду нельзя было выжить, Другой представляет особую значимость (ценность), как первоисточник, связанный с выживанием. Эффективным являлось общение, способствующее развитию отношений

между людьми. Стремление к объединению и совместности существования (иначе человечество не могло выжить) способствовало развитию диалога и нравственности.

Таким образом, центральное место в коллективных смыслах занимают сначала другие, а затем и «Другой» и отношения с ним. «Другой» уже на заре человеческой цивилизации составляет неотъемлемую часть окружающей действительности, отношение к нему для человека изначально было проблемой жизни и смерти, вследствие чего стало частью его смысла жизни.

«Другой» как представитель человеческого рода, отношения с ним, складывающиеся в ходе общения, ориентированного на объединение, сближение, ставшими нравственным принципом, оказываются тесно связанными и включенными в бытие личности, как событие. Поэтому становится понятно, почему содержательно смысл жизни часто в трудах ученых предстает как творческий вклад, служение общему делу, связан с постановкой духовных и культурных целей, соответствием образа человека в культуре. Смысл человеческой жизни, с этой точки зрения, всегда связан с реализацией себя в обществе (транцендированием себя), отдачей себя и приобретением в связи с этим родовой сущности. Человек не изобретает смысл жизни, а находит его посредством не только конкретных действий, но и взаимодействия с конкретными другими, которые могут быть не только реальными, но и виртуальными значимыми другими (книжными персонажами, киногероями и т.д.). Смысл жизни, таким образом, найденный, обеспечивает нормальную и продуктивную жизнь человека, утрата его, которая всегда связана либо с утратой Другого (других), либо отношений с ним (ними), может иметь трагические последствия: стать причиной отклоняющегося поведения (наркомании, алкоголизма и др.), неврозов (А. Адлер, В.Франкл), потери душевного здоровья (К.Юнг), личностной ущербности (Б.С.Братусь).

В целом учет онтологического аспекта смысла жизни позволяет не только понять культурно-исторические корни формирования смысла жизни человека, причины его «потери», асоциальные формы поведения, но и роль других людей в самоопределении и самореализации личности, а также организовать практическую помощь, например, в тех случаях, когда потеря близкого человека ощущается как потеря смысла жизни.

Литература:

1. *Абульханова-Славская К.А.* Личностный аспект проблемы общения // Проблема общения в психологии / Отв. ред. Б.Ф.Ломов. М., 1981. С.218 – 241.
2. *Асмолов А.Г.* Неодетельная парадигма в мышлении XXI века: деятельность как существование // Мир психологии. 2003. №2. С. 155 – 158.
3. *Асмолов А.Г.* Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. М., 2001.
4. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
5. *Белявский И.Г., Шкуратов В.А.* Проблемы исторической психологии. Ростов на-Дону, 1982.
6. *Бобнева М.И.* Нормы общения и внутренний мир личности // Социальная психология в трудах отечественных психологов / Сост. и общ. ред. А.Л.Свенцицкого. СПб., 2000. С. 339 – 362.
7. *Бодалев А.А., Рудкевич Л.А.* Как становятся великими или выдающимся? М., 2003.
8. *Бодалев А.А.* Психология общения. М.; Воронеж, 1996.
9. *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // Вопр. психологии.1997. № 5. С. 3 – 19.
10. *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С.130 – 153.
11. *Дерябо С.Д.* Природный объект как отражаемый субъект // Психология с человеческим лицом. Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М., 1997. С. 223 – 231.
12. *Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М., 1994.
13. *Знаков В.В.* Психология субъекта и психология человеческого бытия. // Субъект, личность и психология человеческого бытия. /Под ред. В.В.Знакова, З.И.Рябикиной. М., 2005. С. 9 – 45.
14. *Каган М.С.* Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. М., 1988.
15. *Каган М.С., Эткинд А.М.* Общение как ценность и как творчество // Вопросы психологии. 1988. №4. С.25 – 34.
16. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999.
17. *Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.
18. *Маслоу А.* По направлению к психологии бытия / Пер. с англ. Е.Рачковой. М., 2002.
19. *Мэй Р.* Любовь и воля. М., 1997.
20. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Теоретическая психология. М., 2001.
21. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1966.
22. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
23. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 253 – 382.
24. *Рябикина З.И.* Самоактуализация в общении // Психология общения 2000: Проблемы и перспективы. Тезисы докладов. М., 2000. С. 260 – 262.
25. *Суворов А.В.* Смысл жизни и талант (особенности мотивации талантливого подростка) // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска. М., 2004. Ч.1. С. 139 – 146.
26. *Чудновский В.Э.* Проблема оптимального смысла жизни // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска. М., 2004. Ч.1. С.7 – 23.
27. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. Сб. / Пер. с англ., нем. Общ. ред. Л.Я.Гозмана и Д.А.Леонтьева. М., 1990.

Смысл жизни с точки зрения онтологии

В.Э.Терехович, г. Санкт-Петербург

Для чего изучать смысл жизни человека с точки зрения онтологии? Может быть это пустое занятие, не имеющее практической пользы? Возможно, именно так думает большинство философов и психологов. Ведь онтология изучает что-то абстрактное, а каждый человек со своим смыслом вполне конкретен.

Для начала определимся, чем занимается онтология, точнее, чем она должна заниматься в соответствии со своим местом в системе познания. Термин онтология дословно воспринимается как наука о сущем и о сущности. Но что нам дает такое определение, если одновременно мы приводим определение сущего и сущности? Ничего не дает. Кроме того, как высказался Мартин Хайдеггер: «С употреблением термина онтология ничего не сказано также и в пользу какой-то определенной философской дисциплины, которая стояла бы во взаимосвязи с прочими» (1).

Если мы хотим избежать неясности и путаницы в понятиях, нам необходимо ввести несколько определений. Возможно, они не полные, но главное их достоинство – они максимально просты и понятны.

Сущим будем считать все существующее реально, истинно, независимо от отношений, восприятий и оценок человека или любого другого воспринимающего объекта. Соответственно, все существующее относительно отношений и восприятий человека или другого объекта – есть временное и частичное проявление сущего.

Нет смысла что-то изобретать – Парменид, пользуясь простой логикой, называл сущим «то, что есть» или «истинно сущее есть вечное, не происходящее, не уничтожающееся, однородное, неподвижное, совершенное» или «сущее есть абсолютная истина» [2].

Под *объектом* мы будем понимать любое нечто как проявление сущего, обособленное

от других его проявлений. Объект одновременно является частью сущего – поскольку содержит в себе часть реальности, часть истины, часть единого и вечного, и проявлением сущего – поскольку относится к другим объектам, поскольку обособлен от других объектов. Объект не обязательно привязан ни к пространству, ни к времени каких-либо размерностей. Это может быть волна, поле, вихрь, ступок энергии, дух, чувство, мысль, идея, цель, план, структура, число, принцип и т.д.

Сущность чего-либо (объекта) – заключена в совокупности всех причинно-следственных связей объекта с другими объектами, явлениями и процессами. Под связями подразумеваются как абсолютно-объективные связи с сущим, так и относительно-субъективные связи с проявлениями сущего.

Явление – это возникновение (уничтожение) какой-либо части причинно-следственных связей объекта. Процесс – это изменение какой-либо части причинно-следственных связей объекта. Такое определение сущности следует из самого названия, ведь сущность определяет существование объекта, а никакой обособленный объект не может существовать вне связи с другими обособленными объектами и вне связи с реальностью – с сущим. Любая связь должна быть причинно-следственной, ведь ничто не может быть без причины. Как сформулировал Владимир Соловьев: «Понятие необходимости сводится к понятию причинности; причинность же есть всеобщий закон в мире явлений» [3]. И далее: «Понять смысл какой-нибудь реальности, какого-нибудь факта, ведь и значит только понять его в его взаимоотношении со всем, его всеединстве... Внутренняя связь всего (всеединство) есть истина» [4].

Иммануил Кант выразил ту же идею иначе: «Необходимость существования никогда нельзя познать из понятий: она всегда познается только из связи с тем, что воспринимается, по общим законам опыта» [5].

Таким образом, *смысл любого объекта* заключен в его сущности – в совокупности его причинно-следственных связей, определяющей с одной стороны его особенность от других объектов, с другой – его общность с другими объектами. Чем больше общих особенностей у двух объектов, тем ближе их сущность. Но сущность их никогда не может быть полностью тождественной, так как это будут уже не два объекта, а один.

Теперь введем определение онтологии, как науки, занимающей свое особое место в системе человеческих знаний. Онтология не может заниматься сущим вообще и сущностью всех объектов, поскольку реальность и причинно-следственные связи – это то, чем стремятся заниматься абсолютно все науки. Онтология может и должна заниматься тем общим, что объединяет все объекты. Что же у них может быть общего?

Во-первых, это общие причины, ведь в сущности каждого объекта есть причины – внешние, действующие на объект, и внутренние – объект сам воздействует на другие объекты. Во-вторых, это общие принципы, определяющие внешние и внутренние причинно-следственные связи каждого объекта.

В-третьих, это отношение объекта к сущему, к единому, к реальности, к истине, – ведь каждый объект по определению должен иметь в себе какую-то часть сущего, часть реальности, часть истины. Объект – это нечто, а не ничто и у него всегда есть какая-то причинно-следственная связь с другим нечто. Противоположное утверждение противоречиво, а значит ложно.

Исходя из такого определения онтологии мы можем различать:

А) Частные онтологии областей, занимающиеся общими причинами и принципами объектов конкретной области, а также их отношением к сущему – реальности – истине;

Б) Всеобщую онтологию, занимающуюся всеобщими принципами и всеобщими причинами всех объектов, а также всеобщим сущим – всеобщей реальностью – всеобщей истиной. Иначе говоря, частные онтологии изучают все частное и его связь с единым, а Всеобщая онтология – единое и его связь с частным.

Но какое отношение все это имеет к пониманию смысла жизни человека? Оказывается, самое непосредственное. Проанализируем выражение «смысл жизни человека» в терминах онтологии.

Человек – это объект или нечто обособленное от других объектов, в т.ч. людей. *Жизнь* – это явление и процесс, связанные с возникновением, уничтожением и изменением причинно-следственных связей объекта «человек» с сущим и с другими объектами, в т.ч. людьми. *Смысл или сущность жизни человека* заключены в совокупности причинно-следственных связей, определяющих его особенность от других объектов и его общность с другими объектами, в т.ч. с другими людьми.

Таким образом, чтобы разобраться в понятии «смысл жизни человека» с точки зрения онтологии необходимо следующее: 1) Выяснить сущность объекта, называемого «человек», путем изучения его причинно-следственных связей с другими объектами и с сущим. Для этого необходимо провести классификацию связей по нескольким принципам. Только после такой операции мы сможем определить, какими способами целесообразнее изучать те или иные связи как части смысла жизни. 2) Найти причины и принципы, общие для группы объектов, называемых «человек», все это – в рамках Частной онтологии человека. 3) Выявить связь этих частных причин и принципов со всеобщими причинами и принципами – связь Частной онтологии человека со Всеобщей онтологией, а также связь с частными причинами и принципами других объектов Природы – связь Частной онтологии человека с другими Частными онтологиями. 4) Определить отношение человека и его жизни к сущему – реальности – истине; выяснить, какие связи реальны и являются частью сущего, а какие относительно и являются проявлением сущего. Не решив проблему реальности человеческого «Я», мы не можем быть уверены ни в своих восприятиях, ни в размышлениях, ни в чувствах, ни в познании себя и мира.

Получается, что без решения этих четырех главных проблем, изучение смысла жизни человека – бессмысленно. И это не тавтология, ведь познание любого смысла – это познание реальных и необходимых причинно-следственных связей. Поэтому, не изучив связи – не познать смысл. Изучение смысла – это не один из множества вопросов онтологии, это ее главный вопрос. Задача онтологии как раз и заключается в изучении смысла бытия. Ведь смысл – это и есть сущность. Вот как сформулировал эту идею Мартин Хайдеггер: «Всякая онтология..., остается в основе слепой и извращением самого своего назначения, если она прежде достаточно не прояснила смысл бытия и не восприняла это прояснение как свою фундаментальную задачу». И далее: «Фундаментальную онтологию, из которой могут возникать все другие, надо искать в экзистенциальной аналитике присутствия». Для Хайдеггера смысл бытия сущего – в его присутствии, а «мир присутствия есть совместный-мир» [6].

В настоящем кратком докладе я смогу коснуться лишь части первого из четырех вопросов – о принципах классификации связей

объекта «человек». Другие вопросы требуют отдельного детального исследования.

Начнем со смелого утверждения: только использование изложенного выше онтологического подхода к классификации причинно-следственных связей человека позволит ответить на семь вопросов о смысле его жизни. Вот эти вопросы: 1) Что существует – внешний, необходимый и объективный смысл жизни или внутренний, свободный и субъективный смысл жизни каждого человека? И если существуют оба, то как они связаны? 2) Чем отличаются и как соотносятся смысл и цель жизни? 3) Что необходимо понимать под смыслом жизни – жизнь в данный момент; этап жизни; целую жизнь человека; жизнь человека, как части общества; как необходимой части жизни и бытия вообще? Как связаны друг с другом все эти смыслы? Как связаны частные цели и цель всей жизни человека? 4) Связаны ли друг с другом смыслы жизни разных людей; смысл жизни человека и смыслы существования других объектов; смысл жизни отдельного человека и всеобщий смысл бытия? И если они связаны, то как? 5) Как связаны друг с другом различные аспекты смысла жизни человека: с точки зрения физического тела; с точки зрения души (чувств и рассудка); с точки зрения духа (воли и сознания)? 6) Связаны ли друг с другом десятки формулировок смысла жизни человека, можно ли их систематизировать на основе единых принципов? Возможно ли построить единую универсальную непротиворечивую систему смыслов жизни? 7) Как смысл жизни связан со счастьем? Как связан со страданиями и удовольствиями? А, следовательно, в чем смысл страданий?

Итак, начнем с первого вопроса о соотношении внешнего и внутреннего смыслов жизни отдельного человека. Вечная дилемма человечества – где искать опору? Где искать смысл – внутри или вне своего Я? Ответ очень важен – ведь от него зависит все поведение человека, вся его жизнь. Что выбрать – свободу или предопределенность? Интуиция подсказывает нам: надо найти какой-то способ объединить оба смысла. И поможет нам именно онтология.

Связь в Природе может быть тройкого вида. Связь следствия – человеческая жизнь есть следствие каких-либо объектов (явлений, процессов). Связь причины – человеческая жизнь есть причина для каких-либо объектов (явлений, процессов). Связь нейтральная – человеческая жизнь не является ни

следствием, ни причиной для других объектов. Но и в этом случае для человеческой жизни и для этих объектов (явлений, процессов) обязательно существуют какие-то общие причины и общие следствия. Это могут быть общие законы Природы, общие соотношения, общие структуры, ритмы, последовательности, общее пространство, общая материя, общий источник, общая энергия, общая цель и т.д.

Общие причины и общие следствия могут относиться как ко всей Природе, так и к любой ее части. Например, для рождения человека и для рождения бабочки существует общая причина – необходимость эволюции и общее следствие – продолжение эволюции, эволюции вида, рода, жизни на Земле. Для структуры элементарных частиц в атомах, составляющих тело человека, для структуры солнечной системы, для структуры галактики существуют общие причины – принцип гармоничного объединения вокруг центра, а также силы притяжения и отталкивания. Для них должны существовать и общие следствия – они будут проходить определенные этапы существования, и порождать вполне определенные процессы и структурные объекты: атомы – молекулы – клетки; солнечная система – планеты – жизнь на планетах; галактики – туманности – звездные системы.

Даже так называемые «случайные» процессы, для которых мы пока не можем указать непосредственную причину, подчиняются общим принципам с процессами «неслучайными». Для любых процессов действует принцип сохранения энергии, которая то концентрируется, то рассеивается, переходя из одного вида в другой. Мало того, «случайные» с нашей точки зрения процессы порождают «неслучайные», и наоборот. И происходит это опять в соответствии с общими принципами. То есть «случайные» и «неслучайные» процессы в Природе дополняют друг друга – они просто необходимы друг другу. И те и другие связаны причинно-следственными связями.

Но нас интересуют не вообще все связи между объектами, а только связи конкретной жизни конкретного человека. Разделим его связи на две части: А) жизнь человека как следствие, Б) жизнь человека как причина.

В первом случае источник возникновения, изменения и уничтожения причинно-следственных связей человека находится вне его Я, являясь необходимым и объективным по отношению к человеку. Человек в этом случае выступает как пассивное следствие.

Во втором случае источник возникновения, изменения и уничтожения причинно-следственных связей человека находится внутри его Я, являясь необходимым и объективным по отношению к внешним объектам и свободным и субъективным относительно самого человека. Но как всегда двоичная классификация требует троичной. Для части связей человек является одновременно и причиной и следствием. Он сам на себя воздействует – на свое тело, эмоции, рассудок, чувства и сознание. Воздействует своим телом, эмоциями, мыслями, чувствами и сознанием. Это воздействие самого на себя может быть как осознанным, так и не осознанным. Оно может осуществляться на уровне электромагнитных полей и молекул, на уровне генной информации, на уровне клеток или обмена веществ, на разных уровнях нервной системы, на уровне чувств и мыслей, интуиции и сознания и т.д. Любые связи между частями человека – это внутренние связи.

Получается, что все причинно-следственные связи человека, а значит и смысл его жизни, в соответствии с типами причин можно разделить на три области. 1) Внешние причины, направленные на человека образуют *Внешний пассивный смысл жизни* (человек – следствие). 2) Внутренние причины, направляемые человеком вне своего Я образуют *Внешний активный смысл жизни* (человек – причина). 3) Внутренние причины, направляемые человеком на свое Я образуют *Внутренний активно – пассивный смысл жизни* (человек – причина и следствие самого себя).

Все три части смысла жизни необходимо дополняют друг друга. Внешний пассивный смысл не зависит от воли и действий человека. Две другие части смысла дают ему свободу воздействия на себя и внешние объекты. Однако и здесь свобода ограничена свойствами человека и свойствами объектов. Получается, что одна из областей смысла жизни человека полностью детерминирует его, а две другие сочетают в себе и детерминизм и свободу. Как выразился Виктор Франкл: «Проблему свободы выбора мы можем выразить фразой «свобода, несмотря на детерминизм». Это соответствует формулировке Николая Гартмана: «автономия, несмотря на зависимость» [7]. Не удивительно, что Франкл ссылается на Гартмана, – одного из крупнейших онтологов XX века.

Простой онтологический анализ понятия «смысл жизни» приводит к необходимости

отказа от двузначной логики, требующей выбора между смыслом внешним и внутренним, необходимым и свободным, пассивным и активным и замены ее на логику трехзначную, в соответствии с которой смысл жизни представляет собой структуру, совмещающую обе части в каждой паре понятий. Противоположное – не значит не совместимое. И задача психологии, по-моему, – не делать выбор в пользу какой-то части, а искать наиболее устойчивое их соотношение.

Второй вопрос, который невозможно решить без онтологического анализа – это проблема соотношения смысла жизни и цели жизни. Интуитивно все мы чувствуем – разница есть. Не зря Альфред Адлер использовал оба эти понятия в известном утверждении: «Без ощущения цели деятельность индивида не имела бы никакого смысла» [8].

Давайте проведем мысленный эксперимент и попробуем уловить разницу в понятиях смысл и цель. Смысл и цель поступка или работы, смысл и цель любви, смысл и цель познания, смысл и цель творчества, смысл и цель дерева, смысл и цель восхода Солнца, смысл и цель всемирного тяготения, смысл и цель теоремы Пифагора, смысл и цель эволюции жизни на Земле, смысл и цель всей моей жизни. Не трудно заметить – в каждом случае соотношение смысла и цели различно. Где-то большее значение приобретает смысл, а где-то цель, а иногда они требуют совершенно разного толкования. Так в чем же разница? Нельзя же использовать ключевые понятия, не понимая их сути.

Ирвин Ялом попытался выразить свою интуитивную догадку следующим образом: «Смысл обозначает ощущение значения, целостности, связности, некоего порядка... Поиски смысла подразумевают поиски связи. «Цель» относится к намерению, задаче, функции» [9].

Мы уже выяснили, что смысл или сущность жизни человека заключена в совокупности причинно-следственных связей, определяющих одновременно его особенность от других объектов и его общность с другими объектами. Но какое место в сущности жизни занимает цель? Для этого нам придется провести анализ понятия «причина». По-моему, лучше начать с Аристотеля, т.к. его классификация причин наиболее полная и простая.

По мнению Аристотеля причины можно разделить на четыре вида: «Причиной называется [1] то содержимое вещи, из чего она возникает;... [2] форма, или первообраз, а

это есть определение сути бытия вещи, а также роды формы, или первообраза (например, для октавы – отношение двух к одному и число вообще), и составные части определения; [3] то, откуда берет первое свое начало изменение или переход в состояние покоя;... производящее есть причина производимого, и изменяющее – причина изменяющегося; [4] цель, т.е. то, ради чего...» [10].

Что же мы имеем? Есть активная причина, обладающая энергией [3]. Есть пассивный материал [1], могущий принимать различные формы под воздействием активной причины. Есть форма, которую активная причина придает этому материалу [2] – форма определяется числом, соотношением, пропорцией, структурой, последовательностью, ритмом и т.п. Короче говоря, форма – это информация. И есть результат, ради достижения которого активная причина придала материалу эту форму [4]. Этот результат не обязательно должен быть целью, заранее осознаваемой активной причиной. Необходимость именно такого результата может определяться простым законом Природы. Целью может быть равновесие сил и энергий, сохранение существования или связей, гармония, совершенство, развитие, благо и т.д.

Приведем два примера четырех типов причин. Растение. Активная причина – энергия эволюции конкретного вида действует на пассивный материал зерна и среды, окружающей зерно (вода, воздух, земля, свет и другие поля). Под воздействием энергии материал принимает соответствующую конкретному виду форму. Форма определяется числовыми соотношениями генов в клетках зерна – наследственной информацией, и некоторыми другими внешними и внутренними факторами. Результатом или целью такого процесса является развитие растения именно в той форме, которая обеспечит всему виду дальнейшее выживание и развитие.

Энергию эволюции вида можно называть по-разному: инстинкт сохранения вида или выживания, стремление к жизни, жизненная сила, Божественная воля и т.д. От названия ее активная сущность не меняется. Для того чтобы процесс рождения все новых и новых организмов продолжался, необходима активная причина, питающая этот процесс энергией. По мнению Чарльза Дарвина, такой активной причиной для живых организмов является Творец и созданные им законы Роста и Воспроизведения. А наследственность, из-

менчивость, рост численности, борьба за жизнь и естественный отбор – все это законы материала и формы – механизмы, обеспечивающие достижение цели – сохранения и разнообразия жизни.

Другой излюбленный пример философов: скульптор – как активная причина, кусок мрамора – как материал, модель для скульптора – как форма, и скульптура – как результат достижения поставленной цели. Здесь уже никто не будет сомневаться в том, что скульптор заранее поставил себе цель – создать именно такую скульптуру, именно такой формы, именно из этого мрамора.

Можно по разному относиться к понятию цели, можно «разрешать» наличие цели у человека или у животного и «запрещать» для других объектов Природы. Можно заменять слово «цель» понятием «необходимый результат». Ученые любят выражение «целесообразный» или «естественный», что впрочем, одно и то же. Для наших рассуждений это сейчас не имеет принципиального значения.

Попробуем приложить классификацию причин к двум группам связей человека или к двум областям смысла жизни – 1) жизни как следствия, и 2) жизни как причины. В результате получаем две группы вопросов, требующих решения для познания смысла жизни человека.

Жизнь как следствие. 1а. Как и откуда возникла человеческая жизнь? Что послужило для нее толчком и постоянно дает ей энергию? (Действующая причина). 1б. Из чего (из какого материала) возникла человеческая жизнь? Что это за материал? (Материальная причина). 1в. По какому образцу – форме возникла человеческая жизнь? Почему она именно такова? Почему человек так устроен? Откуда и как в человеке возникла информация? (Причина формы). 1г. Для чего возникла и продолжается человеческая жизнь? Ради какого результата? (Целевая причина).

Жизнь как причина. 2а. Для каких объектов, явлений и процессов человеческая жизнь является действующей причиной? Чему она дает свою энергию? 2б. Для каких объектов, явлений и процессов человеческая жизнь является материальной причиной? Чему она служит материалом и чему его создает? 2в. Для каких объектов, явлений и процессов человеческая жизнь является причиной формы? Чему она дает образец? Где, чем и как используется информация, создаваемая человеком? 2г. Какие объекты, явления и процес-

сов являются целью человеческой жизни? Ради какого результата она необходима?

Но как мы помним, человек является причиной не только внешних объектов, но и самого себя, поэтому все вопросы второй группы могут быть направлены не только вне человека, но и внутрь его Я.

В результате мы получим 12 типов причинно-следственных связей: 4 – во Внешнем пассивном, 4 – во Внешнем активном и 4 – во Внутреннем активно-пассивном смысле жизни. Соответственно в каждой области имеется своя целевая причина: внешняя цель, направленная на человеческое Я; внешняя цель, направляемая человеком вне своего Я; внутренняя цель, направляемая человеком на свое Я. Таким образом, цель жизни человека делится на три типа и составляет ровно одну четверть от общего смысла его жизни.

Нетрудно заметить, что каждую из двенадцати составляющих смысла жизни принято изучать в разных областях знания. И если причины действующие, материальные и формы обычно изучает физика, химия и биология, то причинами цели обычно заняты религия, искусство, философия, социология и психология. Но если мы не будем ограничивать понятие материи исключительно трехмерным веществом, если признаем реальность материи чувств и мыслей, если под формой будем понимать не только форму в трехмерном пространстве, но любую информацию, в том числе в виде чувств и мыслей, тогда неизбежно психология и философия должны заниматься всеми двенадцатью причинами.

Человек это целостная система и любое его разделение – операция искусственная, проведенная им самим. Нам одинаково необходимы все части смысла жизни. И смысл объективный, когда мы ощущаем, что являемся необходимой частью внешней силы, внешней материи, внешней формы и внешней цели. И смысл субъективный, когда мы чувствуем и знаем, что сами можем быть силой, можем давать материал для чего-то, можем придавать материи форму и создавать информацию, можем формулировать и реализовывать цели.

Знаменитый русский философ Семен Франк выразил идею единства смыслов жизни такими словами: «Одно лишь самодовлеющее благо – благо в объективном смысле нас не удовлетворяет; служение даже абсолютному началу, в котором я сам не участвую..., которое не согревает моей собственной жизни, не может осмыслить последней. Но и одно благо в субъективном смысле – субъек-

тивное наслаждение, радость, счастье – тоже не дарует мне смысла, ибо... всякая, даже самая счастливая жизнь отравлена мукой вопроса «для чего?» не имеет смысла в самой себе... должно так совмещать оба эти начала, что они в нем погашены, как отдельные начала, а дано лишь само их единство» [11].

Литература:

1. Хайдеггер М. Бытие и время. Гл.2. М., 1993.
2. Трубецкой С.Н. Метафизика в древней Греции. М., 2003.

3. Соловьев В.С. Философское начало цельного знания. Минск, 1999.
4. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал / Философское начало цельного знания. Минск, 1999.
5. Кант И. Критика чистого разума. Симферополь, 1998.
6. Хайдеггер М. Бытие и время. Гл.1. М., 1993.
7. Франкл В. В борьбе за смысл. М., 1998.
8. Адлер А. Наука жить. Киев, 1997.
9. Ялом И. Экзистенциальная психология. М., 2005. С 473.
10. Аристотель. Метафизика. Сочинения. Кн.5. Калининград, 2002.
11. Франк С. Смысл жизни. М., 2004.

Самоактуализация: «пределы» и перспективы

Н.Ф.Чубук, г. Москва

Индивидуальное – вот единственная реальность.

К.Г.Юнг

Современной микрофизике хорошо известен тот факт, что свет можно описать лишь с помощью двух логически противоположных, но взаимодополняющих понятий: волны и корпускулы (дискретного кванта).

Если попробовать воспользоваться этой мыслью в качестве метафоры, дающей представление об особенностях методов научной разработки психической реальности на разных этапах становления психологии, то легко можно констатировать, что чисто «корпускулярный» период в ее методологии исчисляется несколькими начальными десятилетиями существования науки. И хотя работы в этом ключе, разумеется, будут составлять определенный (и всегда актуальный) пласт исследований, совершенно очевидно и то, что уже первые десятилетия 20 века приносят идеи, а вслед за ними – и методы, которые позволяют ставить проблему психического не в разрезе «качеств», «черт», «особенностей» психологического облика человека, а в плане постижения его «сущности», «индивидуальности», «целостности».

Нужно отметить, что в связи с этим терминологический аппарат психологической науки претерпевает соответствующие изменения, пополняясь не просто понятиями, которые, по мысли Л.Вygотского, суть «способ мыслить факты». Идеи самости, идентичности, индивидуальности, самоактуализации, благодаря заложенному в них огромному, личностно «разрешающему» смыслу, буквально провоцируют научное сообщество на поиск радикально другой методологии исследования – не «квантовой», как прежде, а «волновой», ставящей себе целью описать

сложное психическое единство человеческой неповторимости.

Более чем полувекковая жизнь этих понятий показала, что они представляют собой не только наиболее общие теоретико-объяснительные принципы психологической науки, но и практически-действенный инструментальный психолога-консультанта. Тем важнее нам видится работа теоретической психологии, предпринимающей попытки периодически соотносить эти идеи, пересматривать, включая их в неизбежно расширяющийся контекст современных научных представлений.

Общеизвестно, что в наибольшей степени понятия, приведенные выше, разработаны в аналитической психологии К.Юнга, теоретических исследованиях Э.Нойманна, гуманистически ориентированной психологии К.Роджерса, в разделяющей ценности последней концепции А.Маслоу и в некоторых других научно-психологических школах.

За отмеченным выше рядом фундаментальных идей стоят определенные психические реальности. Наиболее объемлющей является реальность, описанию которой служит понятие Самости. Это понятие «выражает целостность психики во всех ее проявлениях, включая взаимоотношения между человеком и всей природой» и «указывает на единственный и наиболее существенный аспект жизни – ее абсолютную завершенность» [2, с.237].

Если выделить общее для всех авторов в определении феномена Самости, то квинтэссенцией выступает мысль о возможности прикоснуться к сущности человека, об обретении им целостности, полноты жизни, о достижении определенного состояния, которое в юнгианской психологии понимается как «непосредственный контакт со своим внутренним жизненным центром» [2, с.210], а А.Маслоу

определяет как состояние «спокойствия, счастья и продуктивности» [1].

Нетрудно заметить, что в рамках этого раздела представления А.Маслоу и К.Юнга вполне соотносимы, поскольку каждый из них в качестве цели развития выдвигает именно достижение человеком своей Самости, т.е. глубинного «я», сущности. Однако пробуем уйти от почти привычно уже звучащих дефиниций и внимательно вслушаться в текст А.Маслоу: «Пытаясь описать сложное отношение...индивида к своей самости, или эго, мы сталкиваемся...» и т.д. [1, с.63]. Приведенный фрагмент не оставляет возможностей для разночтения: Маслоу очевидно ставит знак равенства между этими двумя понятиями – Самости и эго. Таким образом, в концепции Маслоу достижение человеком своей самости означает достижение им определенного состояния или качества эго. «Пиковые» проявления эго и связанные с ними переживания Маслоу и называет «самоактуализацией».

Самоактуализация, по Маслоу, – процесс активного и свободного проявления внутренних («подлинных») ценностей человека; это – «полноценное развитие человека...которое (эмпирически) нормативно для всего вида, безотносительно ко времени и месту, т.е. в меньшей мере культурно обусловлено» [1, с.15]. Маслоу называет этот процесс «творчеством самоактуализации». Среди его основных характеристик – следующие: «оно – спонтанно, невинно, непринужденно, свободно от стереотипов и клише. Оно представляется состоящим по большей части из «невинной» свободы и «невинной» раскованной спонтанности и экспрессивности» [1, с.175 – 176]. Это и есть феноменологический «образ» целостности, или форм проявлений человека, достигшего своей самости. Анализ основных направлений исследований А.Маслоу подтверждают, что центр его научных интересов, несомненно, сосредотачивается на *феноменологии* самоактуализирующейся личности. Маслоу ищет ответ, скорее, на вопрос, «каков он», этот актуализирующий себя человек, нежели на вопрос «как такое возможно»?

Нельзя утверждать, что К.Г.Юнг занимается поиском ответов на второй вопрос. Хотя бы потому, что его собственные изыскания в этом отношении сосредотачиваются на другом предмете, который представляет иную психологическую реальность человека. И вместе с тем, именно благодаря этим исследованиям мы получаем ответ на вопрос об исключи-

тельных условиях развития человека в т.с. «постактуализационный» период своей жизни.

Поясним взаимоотношение этих двух научных представлений чуть ниже. К.Юнг и его последователи (см. [2]) работают с концепцией психики и психического развития человека, которая, на наш взгляд, существенным образом «перекрывает» научные представления А.Маслоу. Для соответствующего анализа обратимся к поразительно простой и убедительной модели, предложенной ученицей К.Юнга, Марией-Луизой фон Франц. Согласно этой модели, Самость есть «весь» человек. Т.е. если моделью психики является сфера – Самость тождественна сфере. На фоне этого целого сознание составляет совсем незначительную по объему фигуру – другую сферу, освещенную больше, нежели весь основной круг. И совсем светлая точка в центре освещенного круга-сознания означает сердцевину сознания – эго.

Таким образом, в аналитической психологии (см. также [3]), если сравнивать с концепцией Маслоу, Самость – это сущность, она глубже и шире сознающего «я» (эго), и вообще – сознания человека. Ее, по мысли фон Франц, можно определить как «внутренний регулирующий центр, отличающийся от личностного сознания... Самость является центром, постоянно направляющим развитие и созревание личности. Но это разностороннее и цельное состояние психики выглядит первоначально лишь как врожденная, но не проявившаяся возможность. На протяжении жизни человека она может проявиться лишь отчасти или развиться относительно полно» [2, с.158]. Приведенная выше модель строения психики наглядно показывает: то, с чем связаны самые большие ожидания человека европейского типа рациональности – интеллект, рассудок, сознание, по сути, составляет лишь малую часть того, что в потенции содержит в себе «большая сфера», или «весь» человек (или «сам-человек»).

Получается следующее: то, что у Маслоу – цель (и вообще – «всё»), в школе Юнга – часть, значимая, но в целом – чрезвычайно незначительная (не функционально, разумеется, а по «объему» своему относительно совокупности всех потенциальных психических возможностей человека). Отсюда и совершенно иная разработка темы Самости у Юнга: если Маслоу уходит в феноменологию самости-эго, в аналитической психологии упор делают на способе функционирования

эго, которое выступает в этой модели, скорее, как некий «инструмент», обеспечивающий процесс достижения целостности.

Нам представляется, в свете сказанного, что, несмотря на то, что оба автора используют одно понятие, на самом деле речь идет о разных фазах единого психического континуума. И то, что у Маслоу обозначается как самоактуализация, на наш взгляд, выступает как обязательная начальная фаза этого континуума, следом за которой идет другая, названная Юнгом индивидуацией, или фазой духовного развития человека. Эго, в концепции Маслоу являющееся «достижением» (причиной и следствием) самоактуализирующейся личности, с точки зрения процессуальной («волновой») психологии, как бы предшествует индивидуации, «приготавливая» саму возможность этого феномена, конечная цель которого – обретение человеком своей Самости. (Впрочем, сюда же, в конечном итоге, «стремится» и процесс самоактуализации). Подобная гипотеза вполне согласуется с данными М.-Л. фон Франц, которая констатирует, опираясь на многолетнее изучение феномена индивидуации: «духовный рост не может быть вызван сознательным волевым усилием, а возникает произвольно и естественно...» [2, с.156].

Еще одно положение фон Франц, обобщающее результаты обширных эмпирических наблюдений и специальных исследований, содержит следующее утверждение: «этот творчески активный элемент психического ядра может начать действовать только в том случае, когда эго избавится от всех намерений и желаний и попытается перейти на более глубокий, приближающийся к самобытному уровню существования. Эго должно быть способно внимательно прислушиваться к внутренней устремленности и росту и положиться на нее, не думая, что из этого выйдет...» [2, с.159]. Это представление юнгианской психологии о процессе обретения человеком «самого себя», о том, в каких эмпирических формах выражает себя содержание этого важнейшего психологического возраста человека, не совсем согласуется, как мы уже видели, с представлениями А.Маслоу. Но оно вполне объясняет одну из идей Маслоу, которая (без такого «дополнения») общепринятому обыденному сознанию и даже, по большей части, привыкшему категоризировать мышлению показалась бы немного эксцентричной. Маслоу не раз возвращается в своих описаниях актуализирующей себя личности к теме

«забвения себя»: «такой человек может забыть о своем «я» и сосредоточиться на решении проблемы», «способность больше думать о мире, чем о самом себе» и т.д. [1, с.63].

С точки зрения традиционных психологических теорий личности, утверждение ценности не помнящего себя «я» – более чем сомнительно. И только соединение этих двух концепций психического развития человека позволяет понять, почему мощное и самостоятельное «я» – это хорошо, но до определенного предела: как только эго сформировано, Самость, ведающая целостным процессом развития и регулирующая его (совсем не относительно физиологического созревания), – задает новые параметры этого развития. Человек вступает в следующую фазу, или часть «пути, ведущего к внутреннему развитию личности» [2, с.160]. И тогда понятно, почему, с точки зрения задач целостного развития, положение, сформулированное А.Маслоу, оказывается удивительно «уместным» и относительно ценностей другого периода, индивидуационного: «Именно такой человек, эго которого находится на вершине своего могущества, легче всего забывает о своем эго или поднимается над ним» [1, с.63].

В свете сказанного, нет необходимости говорить, сколь неизученным, по крайней мере, в отечественной психологии является этот феномен и сколь важным является данный пласт психологических проблем для «души нашего времени». Исследования в этом направлении, в первую очередь, затрагивают интересы практической психологии, уже сегодня активно соприкасающейся с многообразной симптоматикой, свойственной процессу индивидуации. И поиск путей решения назревающих проблем духовного роста (индивидуации) человека, в первую очередь, должен определяться результатами специальных исследований аналитической психологии, утверждающих, что «правильный» процесс индивидуации «возможен только в том случае, когда индивидуум знает о нем и сознательно поддерживает с ним живую связь» [2, с.159].

Таким образом, в наших рассуждениях мы пришли к тому, что самоактуализация упирается самым непосредственным образом – как в свои крайние «пределы» – в сильное, активное, самостоятельное «я». Оно есть результат этого процесса и знак его завершенности. И вместе с тем, такое эго (см. у А.Маслоу: «люди, достигшие самоактуализации, отличаются альтруизмом, преданностью,

самоотверженностью и отнюдь не асоциальны» [1, с.16]) становится специальным маркером начала новой фазы – индивидуации. Последняя разворачивается иным образом, органично «вбирая» в себя прежний организующий принцип и превращая его в «механизм» реализации специфических задач данного периода. С этого момента индивид начинает удерживать центр своей жизни в сфере абсолютно спонтанного действия, где перестают работать «нормы» и «правила», заданные извне (неважно, о каком внешнем контексте идет речь) и предельно активизируются как бы непосредственные по форме, на самом деле – опосредованные мыслью и волей живые «механизмы чувствования». Они и призваны реализовывать подлинные ценности и сущностные силы глубинного человеческого «я».

Нельзя утверждать, что здесь собственная индивидуальность представлена сознанию человека во всей ее полноте. Но можно утверждать, что отсюда она вполне постижима.

Литература:

1. Маслоу А. Психология бытия. М.; К., 1997.
2. Юнг К.Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М., 1997.
3. Юнг К.Г. Aion. М.; К., 1998.